

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Чертыков В.К., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Ответственный секретарь:

Челтыгмашева Л.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Члены редакционной коллегии:

Самрина Е.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Ковалева О.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Чебоचाкова И.М., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Челтыгмашева Л.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Чистобаева Н.С., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Редактор переводов:

Мечтанова Д.И., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Международный редакционный совет:

Абумова О.Д., Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Россия

Арбачакова Л.Н., Институт филологии СО РАН, Россия

Ахматова. М.А., Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Россия

Бакчиев Т.А., Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика

Борисов А.А., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Булгутова И.В., Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Россия

Гергилев Д.Н., Сибирский федеральный университет, Россия

Даван Тая, Университет Внутренней Монголии, Китайская Народная Республика

Дацышен В.Г., Институт демографических исследований РАН, Россия

Донгак У.А., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия

Ефимова Л.С., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия

Ефремов Н.Н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Жаркын Турсун, Институт древней истории Академии общественных наук, Китайская Народная Республика

Жумагулов С.Б., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

Зарбалиев Х.М., Азербайджанский государственный университет языков Азербайджанской Республики, Азербайджанская Республика

Карамашева В.А., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Килуновская. М.Е., Институт истории материальной культуры РАН, Россия

Кузьмина Е.Н., Институт филологии СО РАН, Россия

Курас Л.В., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия

Peer-reviewed academic journal
No. 3 (43) 2024
The journal is published quarterly

Editorial Board:

Editor-in-Chief:

Valery K. Chertykov, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Executive secretary:

Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Members of the Editorial Board:

Elena V. Samrina, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Olga V. Kovalyova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Irina M. Chebochakova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Nadezhda S. Chistobaeva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Translator-reviser:

Diana I. Mechtanova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

International Editorial Board:

Olga D. Abumova, N. F. Katanov Khakass State University, Russia

Lyubov N. Arbachakova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Mariyam A. Akhmatova, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russia

Talantaaly A. Bakchiev, National Academy «Manas», Kyrgyzstan

Andrian A. Borisov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Irina V. Bulgutova, D. Banzarov Buryat State University, Russia

Denis N. Gergilev, Siberian Federal University, Russia

Taya Dawan, University of Inner Mongolia, China

Vladimir G. Datsyshen, Institute for Demographic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia

Uran A. Dongak, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Lyudmila S. Efimova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia

Nikolai N. Efremov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Jarkyn Tursun, Institute of Ancient History of Chinese Academy of Social Sciences, China

Sagymbai B. Zhumagulov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

Habib M. Zarbaliyev, Azerbaijan State University of Languages of the Republic of Azerbaijan, Azerbaijan

Viktoriya A. Karamasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Marina E. Kilunovskaya, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Russia

Evgeniya N. Kuzmina, Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonid V. Kuras, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Кызласов И.Л., Институт археологии РАН, Россия

Магай Жером, Музей доисторической антропологии, Княжество Монако

Мамбеталиев К.И., Международный университет Ала-Тоо, Кыргызская Республика

Морозова О.Н., Амурский государственный университет, Россия

Мыльникова Л.Н., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Нам И.В., Томский государственный университет, Россия

Николаева Н.Н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия

Ооржак Б.Ч., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия

Осава Такаши, Университет Осаки, Япония

Раджабов К.К., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан

Семенова В.Г., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия

Слюсаренко И.Ю., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Соегов Мурадгелди, Институт языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана, Туркменистан

Султангареева Р.А., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия

Тэн Хай, Датунский университет, Китайская Народная Республика

Уртегешев Н.С., Институт филологии СО РАН, Россия

Функ Д.А., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Хамдамов У.А., Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан

Хубитдинова Н.А., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия

Цагаан Турбат, Национальный университет Монголии, Монголия

Цэдэндамбын Батбаяр, Институт истории и этнологии Академии наук Монголии, Монголия

Чугунекова А.Н., Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Россия

Шапауов А.К., Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Республика Казахстан

Шульга П.И., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Учредители:

Министерство образования и науки Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Адрес редакции:

655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23
ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»
Телефон: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru
Email: chertykov@sayan-altai.ru

Техническая поддержка:

Бадаев В.Г.
Email: badaev@sayn-altai.ru
ISSN 2304-7488

Отпечатано в типографии ГБУ РХ «Хакаское книжное издательство им. В. М. Торосова». 655017, Россия, г. Абакан, ул. Советская, 173.

Подписной индекс в каталоге Почты России – ПН098

© Министерство образования и науки Республики Хакасия, 2024
© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2024

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования
Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-48678)

Igor L. Kyzlasov, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Jerome Magail, Museum of Prehistoric Anthropology, the Principality of Monaco

Kuban I. Mambetaliev, Ala-Too International University, Kyrgyzstan

Olga N. Morozova, Amur State University, Russia

Lyudmila N. Mylnikova, Institute of Archaeology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Iraida V. Nam, Tomsk State University, Russia

Natalya N. Nikolaeva, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Bailak Ch. Oorzhak, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Takashi Osawa, Osaka University, Japan

Kahramon K. Radjabov, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Valentina G. Semyonova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia

Igor Yu. Slyusarenko, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Muratgeldi Soyegov, Magtymguly Institute for Language, Literature, and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Turkmenistan

Rozaliya A. Sultangareeva, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia

Teng Hai, Shanxi Datong University, China

Nikolai S. Urtegeshev, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Dmitry A. Funk, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ulugbek A. Khamdamov, Institute for Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Nerkes A. Khubbitdinova, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia

Turbat Tsagaan, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia

Batbayar Tsedendambyn, Institute of History and Ethnology of the Academy of Sciences of Mongolia, Mongolia

Alyona N. Chugunekova, N.F. Katanov Khakass State University, Russia

Alibi K. Shapauov, Shoqan Ualikhanov Kokshetau University, Republic of Kazakhstan

Pyotr I. Shulga, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Founders:

Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Editorial office address:

23 Shchetinkin Str., 655017 Abakan, Russian Federation
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
Tel.: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru
Email: chertykov@sayan-altai.ru

Technical support:

Vladislav G. Badaev
Email: badaev@sayn-altai.ru

Printed by «V.M. Torosov Khakass Book Publishing House». 173 Sovetskaya Str., Abakan, Russia, 655017.

The journal is included in the Russian Science Citation Index
The electronic version of the journal is available on the platform of the Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

История

- Тараканов В. В.**
История изучения хозяйственной деятельности населения Хакасско-Минусинского края в эпоху Средневековья (источники, идеи и подходы) 5

История

- Печерский В. А.**
Преступность в сельском хозяйстве Хакасии в годы Великой Отечественной войны 21
- Самрина Е. В.**
Деятельность хлебных магазинов и торговли в инородческих ведомствах юга Енисейской губернии 27

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Языкознание

- Ахматова М. А.**
Фразеологические параллели в карачаево-балкарском и хакасском языках 36
- Нурьева О. А.**
Словосочетания в эпосе «Горкут ата», компоненты которых связаны путем примыкания 43
- Чертыкова М. Д.**
Лексическое обозначение процесса приветствия в тексте хакасского героического сказания «Албынчы» 49
- Чертыкова М. Д., Халлиева Г. И.**
Пограничные зоны в семантике хакасско-узбекских многозначных глагольных соответствий 56

Фольклористика

- Жуманов Э. Э.**
Выражение фраз сказочной инициации в формулах 64
- Игамуратова Д. Ч.**
О сказке «Шамширбоз» и ее перевод на русский язык 69
- Мирзаева Б. Т.**
Заметки о дастане «Кундуз и Юлдуз», исполненном Эргашем Джуманбулбуль оглы 76
- Николаева Н. Н.**
Слова со значением 'пуп' и 'пуповина' в эпическом контексте (улигеры предбайкальских бурят) 80

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Archaeology

- Vyacheslav V. Tarakanov**
History of studying economic activities of the population in the Khakass-Minusinsk Region in the Middle Ages (sources, ideas and approaches) 5

History

- Vladimir A. Pechersky**
Crime in agriculture in Khakassia during the Great Patriotic War 21
- Elena V. Samrina**
Activities of grain stores and trade in indigenous departments of the south of the Yenisei Governorate 27

PHILOLOGICAL SCIENCES

Linguistics

- Maria A. Akhmatova**
Phraseological parallels in the Karachay-Balkarian and Khakass languages 36
- Ogulsapar A. Nuryeva**
Word collocations in the epic «Gorkut ata», the components of which are connected by adjunction 43
- Maria D. Chertykova**
Lexical designation of the greeting process in the text of the Khakass heroic tale «Albynchy» 49
- Maria D. Chertykova, Gulnoz I. Hallieva**
Border zones in semantics of Khakass-Uzbek polysemous verbal correspondences 56

Folklore studies

- Elnazar E. Jumanov**
Expression of fabulous initiation phrases in formulas 64
- Dilrabo Ch. Igamuratova**
About the fairy tale «Shamshirbos» and its translation into Russian 69
- Barno T. Mirzaeva**
Notes on dastan «Kunduz and Yulduz» performed by Ergash Jumanbulbul ogy 76
- Natalya N. Nikolaeva**
Words with the meaning of a 'navel' and an 'umbilical cord' in the epic context (uligers of the pre-Baikal Buryats) 80

Литературоведение

Самдан З. Б.

Образ каменного изваяния
в поэзии тюркоязычных народов Саяно-Алтая:
истоки и современность87

ЮБИЛЕИ

Каксин А. Д.

Профессор М. И. Черемисина
и лингвистические исследования
в Новосибирском научном центре96

Literary studies

Zoya B. Samdan

Image of a stone statue in poetry
of the Turkic-speaking peoples in the Sayan-Altai:
origins and modernity87

JUBILEE

Andrei D. Kaksin

Professor M. I. Cheremisina
and linguistic researches at the Novosibirsk
Scientific Center96

Археология

DOI 10.52782 / KRIL.2024.3.43.001
УДК 902.904

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(ИСТОЧНИКИ, ИДЕИ И ПОДХОДЫ)

В. В. Тараканов
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: tarakanov-v@yandex.ru

Статья посвящена анализу историографии хозяйственной деятельности населения Хакасско-Минусинского края в эпоху Средневековья. Приведены мнения и идеи всех исследователей. Прослежено расширение источниковедческой базы. Помимо общего комплексного научного подхода были выявлены экологический, историко-экономический и историко-культурный подходы. Удалось проследить становление и логику диаметрально противоположных направлений, одно из которых считает, что в раннем и развитом Средневековье преобладало развитое орошаемое земледелие, другое – что основным было кочевое скотоводство. Высказано мнение, что диаметральность этих направлений связана с разными подходами, применяемыми при решении изучаемого предмета.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинский край, Средние века, кыргызы, хозяйственная деятельность, земледелие, скотоводство, оросительные каналы, земледельческие орудия, экологический подход.

HISTORY OF STUDYING ECONOMIC ACTIVITIES OF THE POPULATION
IN THE KHAKASS-MINUSINSK REGION IN THE MIDDLE AGES
(SOURCES, IDEAS AND APPROACHES)

Vyacheslav V. Tarakanov
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: tarakanov-v@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the historiography of economic activities of the population in the Khakass-Minusinsk Region in the Middle Ages. The opinions and ideas of all researchers are given. The broadening of the source base is seen. In addition to the general integrated scientific approach, ecological, historical-economic and historical-cultural approaches were identified. It was possible to trace the formation and logic of diametrically opposite directions, according to one of which, the developed irrigated agriculture prevailed in the early and developed Middle Ages, and according to the other, nomadic cattle breeding was the main one. The opinion is expressed that the direct opposition of these directions is associated with different approaches used in solving the studied subject.

Keywords: Khakass-Minusinsk Region, Middle Ages, Kyrgyz, economic activities, agriculture, cattle breeding, irrigation canals, agricultural implements, ecological approach.

Введение

Хозяйственная деятельность является
основой жизнедеятельности общества, ее раз-

новидности влияют на специфику многих сто-
рон социально-культурной сферы, особенно
для древности и Средневековья. Изучение
ее является одной из первостепенных задач

в историко-археологической науке, и этому уделяется большое внимание в историографии. Подчас палеоэкономические проблемы становятся предметом острых дискуссий.

Подобное происходит и в решении проблемы хозяйственной деятельности населения Хакасско-Минусинского края в эпоху Средневековья. Особенно это касается раннего и развитого этапа. Сложилось два направления, одни считают, что в хозяйстве превалировало развитое орошаемое земледелие, другие – что основным было кочевое скотоводство. При этом Ю. С. Худяков отмечает парадоксальный факт: «Исследователи, придерживающиеся мнения о кыргызах как о земледельческом народе, основывались на той же источниковедческой базе, что и ученые, считающие кыргызов кочевниками» [Худяков, 1984, с. 20].

С целью исследования этой парадоксальной ситуации предлагается проанализировать историю изучения хозяйственной деятельности населения Хакасско-Минусинского края в эпоху Средневековья, проследить становление этих направлений, возможно, понять их логику. Также в задачи историографической работы входит осветить весь спектр идей, высказанных по этому вопросу, проследить ввод различных видов источников, а также выявить применение различных подходов.

Основная часть

Началом достоверного изучения хозяйственной деятельности населения Хакасско-Минусинского края в Средние века послужил перевод Н. Я. Бичурина хроник китайской династии Тан, опубликованных в 1851 г. В них приводятся сведения о государстве Хагас (Кыргызы) и дается его описание, в том числе и хозяйства. Как известно, эти сведения в пространственном отношении переводчик соотнес с территорией, куда входит Хакасско-Минусинский край. «Хягасы, – пишет он, – занимали Томскую губернию и южные пределы губернии Енисейской» [Бичурин, 1950, с. 354]. Изначально правильное определение открыло китайский круг источников для изучения Южной Сибири в эпоху династии Тан.

Главной заслугой этого источника для исследования средневековой хозяйственной деятельности Хакасско-Минусинского края является то, что в нем впервые засвидетельствовано развитие земледелия у кыргызов. До введения в научный оборот этих сведений по умолчанию считалось, что кыргызы занимались в основном скотоводством. Например, Г. Ф. Миллер, ссылаясь на исторический труд Абу-ль-Гази Бахадур-хана «Родословное древо тюрков», пишет, что место, которое было обитаемо кыргызами в былые времена, «...очень богато скотом, а лошади там обладают удивительной величиной...» [Миллер, 1999, с. 172]. При этом необходимо учесть, что он не разделял точку зрения о проживании кыргызов в «древнее время» на Енисее [Миллер, 1999, с. 172–176].

Одним из первых, кто использовал переводы Н. Я. Бичурина при реконструкции хозяйственного быта населения долины Енисея и Абакана в новейшую эпоху железного века (так он в то время обозначил Средние века), являлся В. В. Радлов, так как считал местом обитания народа *хакас* китайского источника Хакасско-Минусинский край. По этому поводу он пишет, что *хакасы* «...от VI до XVII столетия обитали непрерывно в долинах и степях на верхнем Енисее и на Абакане» [Радлов, 1896, с. 66].

Он первым применяет научный комплексный подход в ходе изучения вопроса и расширяет источниковедческую базу, применяя целый комплекс источников. Помимо письменного источника В. В. Радлов обращает свое внимание на предметы и объекты археологии, наскальное искусство и проводит этнографические параллели. Причем с археологическим источником он работает лично. В дальнейшем такой подход будет свойственен большинству исследователей.

В ходе такого комплексного подхода он приходит к выводу, что «главное занятие этого конного народа было, очевидно, скотоводство, которое позволяло им вести кочующую жизнь» [Радлов, 1896, с. 62]. При этом он отмечает, что они «занимались еще земледелием, как и до сих пор делают все тюркские кочую-

щие народы» [Радлов, 1896, с. 62]. «О занятии земледелием, – далее пишет он, – свидетельствуют найденные во многих местах плуги и серпы, так же как и круглые жернова ручных мельниц и шероховатые каменные плиты для растирания зерен» [Там же, с. 63]. Но земледелие, по его мнению, все же занимает не ведущую роль: «...только богатые люди (как и теперь у киргизов) могли заниматься хлебопашеством, так как они одни были в состоянии оставлять летом на обработанных полях юрты и рабочих и прокормить последних» [Там же]. Вследствие ведущей роли скотоводства В. В. Радлов считал «неправдоподобным, чтобы кочующие народы часто предпринимали столь значительные сооружения для орошения; вероятно, они при случае пользовались постройками прежних обитателей (бронзового века)» [Там же]. Кроме всего прочего, основываясь на данных китайского источника, он отмечает, что «хакасы занимались также рыболовством» [Там же].

Интересно отметить, что тюрколог выделяет на Енисее и севере Алтая енисейцев (асаны, арины, сагайцы, котты), остатки народа бронзового века. Про них он пишет, что часть из них «спустя много столетий все еще ведет оседлую жизнь и вплоть до XVII в. занимается обработкой металла, почему и носит название кузнецы, кузнецкие татары» [Там же, с. 439–440]. Таким образом, уже на первых этапах изучения хозяйственной деятельности Хакасско-Минусинского края высказывается идея о ее региональной специализации.

Несколько по-иному интерпретирует тот же китайский источник Д. А. Клеменц. Так, он пишет: «Хагасы были почти оседлое племя, занимались земледелием, сеяли просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень» [Клеменц, 1886, с. 73]. При этом он считает, что земледелием их заниматься заставила нужда. К этому выводу он пришел из соотношения многочисленности населения Минусинского округа в Средние века, которое могло выставить до 80 тысяч строевого войска, по китайскому источнику, и потенциальными возможностями географической среды. Так, он пишет: «При таком густом населении для перекочевков со стадами простора не могло

быть» [Клеменц, 1886, с. 73]. При этом он указывает, что остатки оросительных сооружений были необходимы, чтобы «вести борьбу с природой и отвоевывать землю под посевы у бесплодной степи» [Клеменц, 1886, с. 73]. Здесь мы видим одно из первых применений экологического подхода, в соответствии с которым исторический процесс рассматривается с точки зрения взаимодействия общества и экосистемы. Далее практически все исследователи прибегали к его использованию в связи со спецификой предмета изучения. Также необходимо отметить, что уже на заре историографии формируются два направления в решении вопроса об облике средневекового хозяйствования региона.

Им первым была высказана мысль, что земледелие в позднем Средневековье исчезло в ходе монгольских завоеваний: «После сильного погрома целые культурные нации превращались в разрозненные родовые группы полудиких пастухов. Так было, вероятно, и с предками киргизов енисейских, хагасами» [Клеменц, 1886, с. 76]. Констатируя, что «русские не застали уже и следов высокой культуры хагасов ... здесь, были полудикие кочевники и звероловы» [Клеменц, 1886, с. 75].

К интересному выводу приходит И. П. Кузнецов-Красноярский, применяя экологический подход. Анализируя соотношение природных условий этого региона и кочевого быта кыргызов, он приходит к заключению, что этот народ не мог обитать на юге Енисейской губернии [Кузнецов-Красноярский, 1889, с. 36].

А. В. Адрианов же, анализируя природные условия бассейна верхнего Енисея, Абакана и Чулыма, приходит к выводу, что они «отличаются плодородьем и необходимыми удобствами для скотоводства и земледелия» [Адрианов, 1904, с. 5]. Также отмечает, что имеются условия для рыболовства и охоты и развития металлургии. Характеризуя непосредственно хакасов китайских источников, он отмечает, что это «народ кочевой», но при этом богатые занимались земледелием [Адрианов, 1904, с. 6]. О высокой земледельческой культуре, по его мнению, свидетельствуют «сохранившиеся остатки оросительных канав» [Там же].

Интересную идею в русле экологического подхода высказал И. Т. Савенков. Он считал, что степи Хакасско-Минусинской котловины в тюркскую эпоху имели луговой характер и «давали пастушеским тюркским народностям возможность безбедного и спокойного существования в этой отрезанной от зоны кочевничества местности» [Савенков, 1910, с. 35]. Далее он пишет: «Наступившая большая суровость климата обусловила обеднение и одичание народностей Минусинского округа» [Савенков, 1910, с. 36]. Таким образом, высказано предположение о влиянии изменения климата и ландшафта на протяжении Средних веков на развитие общества в целом и его хозяйственную деятельность в частности.

Наиболее полно экологический подход прослеживается в работе Н. Н. Козьмина «Хакасы», опубликованной в 1925 г. Автор исходит из тезиса о том, что наиболее сильная форма хозяйства «создается наибольшим соответствием данным природным условиям» [Козьмин, 1925, с. 120]. Придерживаясь такой позиции, он приходит к мнению, что «долины верхнего Енисея и его притоков представляли большие удобства для скотоводческого, а отчасти и земледельческого хозяйства...» [Козьмин, 1925, с. 12]. И таким образом, выдвигает достаточно перспективную идею о существовании в границах Хакасско-Минусинского края трех хозяйственных типов для времени пребывания здесь кыргызов, соотнеся их с разными этническими группами. Так, он пишет: «В стране хакасов можно наметить три группы турецких племен: 1) тубинскую (уйгурскую) охотников, людей черни (йышкизи), 2) хакасскую (собств. турки) – полуохотничью, полужемледельческую и 3) кыргызскую – степняков, скотоводов» [Козьмин, 1925, с. VII].

Н. Н. Козьмин по-новому решает проблему упадка экономики в эпоху позднего Средневековья. Он пишет: «После закрытия и засорения торговых путей в Средней Азии экономическая жизнь на Алтае и верхнем Енисее оказалась поставленной в тиски и производительные силы парализованными за отсутствием сколько-нибудь емких рынков» [Козь-

мин, 1925, с. 15]. То есть главной причиной он считает не внешнеполитический, а экономический фактор – перемещение мирового рынка.

Также в конце 1920-х гг. выходит в свет исследование В. В. Бартольда, основанное на всех имеющихся на то время письменных источниках о кыргызах. В этой работе впервые были широко привлечены к изучению хозяйственной деятельности Хакасско-Минусинского края арабо-персидские письменные источники. Они подтверждают существование у кыргызов на Енисее как скотоводческого хозяйства, так и земледелия [Бартольд, 1927, с. 21–22].

Им первым был использован письменный источник Юань-ши монгольской династии Китая. В соответствии с ним он пишет, что в монгольское время «кыргызы не были искусными земледельцами, но посевы пшеницы у них были» [Бартольд, 1927, с. 30]. При этом он считает, что когда монголы еще при Чингисхане насаждали на Саяно-Алтае земледельческую культуру, это происходило именно в Минусинском районе, так как он является плодородным [Там же].

Таким образом, накануне становления советской историко-археологической науки в изучении хозяйственной деятельности населения Хакасско-Минусинского края в Средние века кристаллизовались основные направления решения вопроса, были использованы основные виды источников.

В силу того, что в конце XIX и начале XX столетия в общероссийской историографии были распространены методологические идеи антропогеографии [Дегтярев и др., 1996, с. 38], в разработке средневековой хозяйственной деятельности Хакасско-Минусинского края широко применялся экологический подход, который позволил сгенерировать много новаторских идей.

Со становлением советской археологии изменяется количественно и качественно археологический источник. В конце 20-х гг. XX в. С. А. Теплоухов создает свою знаменитую классификацию древних металлических культур Минусинского края [Теплоухов, 1929, с. 41–58], которая позволила на более надежной и научной основе выделить средневековые

памятники и артефакты из остального комплекса древностей [Теплоухов, 1929, с. 54–58]. Расширилась средневековая археологическая источниковедческая база, что в первую очередь было связано с работой Саяно-Алтайской экспедиции в 1930-е гг., которая достаточно большое значение придавала исследованию средневековых памятников Хакасии и юга Красноярского края [Евтюхова, Киселев, 1939, с. 159].

Методологической основой советской исторической науки, как известно, стал исторический материализм, основанный на трудах Маркса и Энгельса. Такой подход стимулировал изучение хозяйственной деятельности, так как наиважнейшее значение придавал способу производства. И в то же время накладывал определенные рамки в освещении древней и средневековой экономики. Как пишет Л. С. Клейн, необходимо было «подтвердить и проиллюстрировать фактами археологии созданную классиками марксизма-ленинизма концепцию доклассового общества» [Клейн, 1993, с. 18]. При этом сама концепция позволяла проводить реконструкции на основе историко-экономических закономерностей. Подобный подход был особенно характерен для работ 30–50-х гг. XX в.

Одним из первых в этом ключе написал работу по разложению рода и феодализма на Енисее С. В. Киселев. Он впервые приводит в качестве доказательства распространения скотоводства костный материал, встречаемый при исследовании могил типа чаатас [Киселев, 1932, с. 26]. Основываясь на археологическом источнике, он утверждает, что в земледелии происходит существенный прогресс, что «обработка земли в VII в. велась уже не мотыгами и даже не одними сохами с железными сошниками, но и китайскими плугами с отвалом» [Киселев, 1933, с. 27]. Прогрессивные процессы, анализируя железные серпы, С. В. Киселев видит в технике сбора урожая. Также он считает, что в это время уже был совершен переход на круглые жернова [Там же].

У С. В. Киселева в работе усматривается применение экологического подхода. Соотношение мест находок железных земледель-

ческих орудий «показывает, что хакасское плужное земледелие охватывало уже многие засушливые районы, где устраивались сложные арычные системы» [Киселев, 1933, с. 27]. Все эти прогрессивные явления позволили окончательно выделиться ремеслу (главным образом кузнечно-плавильному) [Там же]. Причину экономического упадка в позднем Средневековье он видит в изменении «экономических конъюнктур в Центральной Азии» [Там же]. Впоследствии к концу 1940-х гг. он пришел к заключению, что еще «в тагарское время в Минусинской котловине определились районы преимущественного занятия или скотоводством, или земледелием. Это деление, обусловленное географическими различиями» [Киселев, 1951, с. 568].

В конце 1930-х гг. В. П. Левашева на основании достаточно многочисленной коллекции железных земледельческих орудий пришла к заключению, что в раннем Средневековье в южной части Красноярского края одним из основных занятий населения было земледелие [Левашева, 1939, с. 45]. Причем «мотыжное земледелие бронзовой эпохи теперь уже окончательно перешло в плужное и велось в очень крупных размерах» [Левашева, 1939, с. 47]. Также ей указываются оросительные каналы в засушливых местностях, в частности, в окрестностях улуса Чаркова [Там же].

По поводу скотоводческого хозяйства она отмечает, что «параллельно с развитием земледелия широко развивалось и скотоводство, имевшее кочевой характер» [Там же]. Позже она охарактеризует государство енисейских кыргызов как «варварское государство кочевников» [Левашева, 1947, с. 43]. В. П. Левашева одна из первых, кто масштабно археологически изучает в 30-е гг. XX столетия железоплавильные горны, ею было выявлено 15 таких объектов и изучено 7 [Левашева, 1947, с. 44], что свидетельствовало о значительном развитии этого ремесла.

В. П. Левашева высказывает идею о внутреннем обмене продукцией между разными типами хозяйствования в Хакасско-Минусинском крае [Левашева, 1939, с. 51]. Причины упадка кыргызского хозяйства в монгольское время, по ее мнению, заключаются как

во внешнеполитических мотивах, так и в экономических [Левашева, 1939, с. 60, 61].

Л. А. Евтюхова первая занялась вопросами хозяйственной деятельности населения Хакасско-Минусинского края периода Средневековья, что отражено в ее труде «Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)», вышедшем в 1948 г. Она первая, кто первоисточником для этого изучения привлекла материалы поселений, одно из которых сама исследовала [Евтюхова, 1947, с. 158–164]. На основании изучения остеологического материала поселения у с. Малые Копены приходит к заключению, что важнейшую роль «в хозяйстве кыргызов играло кочевое скотоводство» [Евтюхова, 1948, с. 85]. В ходе исследования ученая привлекала наскальные рисунки в виде источника.

При освещении развития земледелия В. П. Левашева также использовала материалы поселения у с. Малые Копены, где впервые в археологическом контексте был обнаружен «обломок вращающегося жернова» [Евтюхова, 1948, с. 85]. В разделе, посвященном земледелию, ею приводятся все известные на тот момент оросительные каналы, которые расположены на левобережье Енисея и Абакана, где «недостаточное и неустойчивое увлажнение» [Евтюхова, 1948, с. 81]. Также Л. А. Евтюхова детально проанализировала все имеющиеся железные земледельческие орудия: железные сошники, оковки треугольной формы для деревянной сохи, плуги и отвалы китайского происхождения, серпы. При этом она составила список этих орудий с указанием их мест нахождения [Евтюхова, 1948, с. 82–85]. При соотношении мест нахождения серпов с их географической характеристикой она приходит к заключению, что они «распределяются по районам, наиболее благоприятным для земледелия». В ходе своих исследований ученая соглашается со своими коллегами, что «мотыжное земледелие сменяется плужным», при этом «увеличивается площадь посевов» [Евтюхова, 1948, с. 80]. Также она отмечает развитие охоты, рыбной ловли и ремесла [Евтюхова, 1948, с. 87–103] в структуре кыргызского хозяйства, при этом, как и В. П. Левашева, считала, что был внутренний обмен

в границах Хакасско-Минусинского края [Евтюхова, 1948, с. 108].

Таким образом, суммарно анализируя работы В. П. Левашевой, Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева, опубликованные в 1930-е – в начале 1950-х гг., можно отметить, что в них уделяется большое внимание земледелию, усматривая в его развитии большие и серьезные достижения. Хотя надо отметить, что никто из них не признавал за земледелием ведущей роли. Например, С. В. Киселев, анализируя материалы Копенского поселения, писал, «что быт населения в кыргызскую эпоху был своеобразен. В нем очень сильны были черты кочевничества» [Киселев, 1951, с. 568].

Но в те же годы получает дальнейшее свое развитие точка зрения о преобладании скотоводства. Этой линии придерживался А. Н. Бернштам, при этом он широко использовал при исследовании этого вопроса сведения, почерпнутые из енисейских рунических надписей, что являлось новаторством для этой темы. Справедливости ради необходимо отметить, что многие надписи родом с территории Тувы. В итоге А. Н. Бернштам приходит к мнению, что «из этих скудных указаний надписей следует, что основным занятием было скотоводство при наличии в какой-то степени даже земледелия» [Бернштам, 1946, с. 151]. К этому интересно добавить, что он предполагает у кыргызов «скотоводство пастушеского типа» [Бернштам, 1946, с. 153].

Он напрямую полемизирует с С. В. Киселевым, которого обвиняет в отведении особого значения земледелию в системе кыргызского хозяйства. Отвечая ему, А. Н. Бернштам пишет: «Однако, судя по археологическому материалу, а также по древнетюркским надписям, скотоводство имело еще большее значение, чем земледелие» [Бернштам, 1946, с. 151].

Необходимо отметить, что в доказательство своего тезиса при обращении к археологическому материалу А. Н. Бернштам пишет, что могилы «танского времени в районе древнего обитания кыргызов – типично кочевнические» [Там же]. То есть аргументом является схожесть материальной и духовной культуры между кыргызами и типичными кочевниками.

Условно такой подход к проблеме, который рассматривает хозяйственную деятельность через культурные параллели, можно обозначить как историко-культурный.

Интересную работу провел, хоть и не историк, инженер-мелиоратор В. И. Федоров, результаты которой были опубликованы в начале 50-х гг. XX столетия. Профессионально зная географию Хакасско-Минусинского края, он пытался интерпретировать археолого-исторические материалы в русле экологического подхода, не осознавая этого.

В. И. Федоров картографировал места находок земледельческих орудий и места расположения оросительных каналов, в результате оказалось, что они в большинстве случаев не совпадают. Большинство орудий земледелия были найдены на правом берегу Енисея, из чего, по его мнению, «следует, что земледелие в степях обоих берегов Енисея развивалось неодинаково. В бронзовом и железном веках оно было распространено на правобережье значительно больше, чем на левобережье» [Федоров, 1952, с. 139]. Причину такой неравномерности развития земледелия он объясняет «наличием на правой стороне лучших по качеству почв (черноземы, лесс), несколько большим количеством выпадающих осадков» [Там же].

Оросительные каналы, по его мнению, в основном обслуживали не земледельческое, а скотоводческое хозяйство. Так, он пишет: «Население котловины при развитии своего скотоводческого хозяйства в условиях засушливого климата искало выход из создавшегося затруднения в организации искусственного орошения...» [Федоров, 1954, с. 35]. В конечном итоге он приходит к выводу, что даже «в VII–IX вв. н.э., когда уже применялась плужная обработка земли, все-таки и тогда скотоводство было главной отраслью хозяйства <...> земледелие по сравнению со скотоводством играло менее заметную роль» [Федоров, 1952, с. 138]. Таким образом, он разделял мнение приверженцев линии преобладания скотоводческого хозяйства.

Дальнейшее развитие изучения хозяйственного уклада средневекового общества Хакасско-Минусинского края связано с науч-

ной деятельностью Л. Р. Кызласова, активного продолжателя линии своего учителя С. В. Киселева. Собрав воедино все имеющиеся письменные и археологические источники, в своих публикациях ученый доводит концепцию о значительном развитии земледелия до логического конца. Уже в одной из первых своих работ, касавшихся быта населения Средневековья, он пишет: «Земледелие у хакасов было чрезвычайно высоко развито, чем они в Средневековье выделялись среди других народов Центральной Азии и Сибири» [Кызласов, 1960, с. 68]. Оно у них было «высокоразвитым, плужным и в значительной степени основанным на искусственном орошении» [Кызласов, 1981, с. 52]. При этом надо отметить, исследователь не отрицает комплексности хозяйства, а даже первым вводит это понятие. Так, он пишет: «Обитатели Южной Сибири с древности вели комплексное хозяйство, умело используя естественно-географические условия» [Кызласов, 1984, с. 102].

Скотоводство, считает Л. Р. Кызласов, было «пастушеским, с применением стойлового содержания скота» [Кызласов, 1981, с. 52], таким видом скотоводства занимались земледельцы [Кызласов, 1984, с. 106]. Но, помимо этого, по «засушливым степным участкам и мелкосопочнику размещались полукочевые хозяйства рядовых крестьян» [Кызласов, 1981, с. 52]. Таким образом, он отрицал кочевой характер скотоводческого хозяйства кыргызов, высказав в одной из своих публикаций несогласие с Н. А. Сердобовым, который считал кыргызов кочевниками [Кызласов, 1971, с. 64].

Также он развивает мысль о региональной специализации, считая, что имелись «обособленные производственные группы с различным направлением хозяйства: земледельцы, сохраняющие пастушеское разведение скота, и скотоводы и оленеводы-охотники по преимуществу» [Кызласов, 1984, с. 109]. По существу, в работах ученого видится применение экологического подхода.

Основную причину упадка уровня развития хозяйственной деятельности в позднем Средневековье Л. Р. Кызласов видел в монгольских завоеваниях [Кызласов, 1984, с. 155].

Особо он отмечает, что вследствие этого «была разрушена созданная многовековым трудом система оросительных каналов (особенно на территории Хакасско-Минусинской котловины), в связи с чем значительно сократилось земледелие» [Кызласов, 1984, с. 155, 156]. В этом видится, какое большое значение Л. Р. Кызласов придавал оросительной системе в развитии земледелия, проводя аналогии с засушливыми странами Востока [Кызласов, 1984, с. 156]. Тем самым здесь усматривается, что ученый к развитию земледелия у средневекового населения Хакасско-Минусинского края подходит с точки зрения закономерностей развития экономики. Если есть искусственное орошение, значит, земледелие высокоразвитое и в силу этого скотоводство приобретает черты оседлых форм. При разрушении ирригационных систем земледелие деградирует, а скотоводство становится более подвижным. Таким образом, такой подход можно условно обозначить как историко-экономический.

В главе, посвященной хозяйству XVII в., в «Истории Хакасии с древнейших времен до 1917 года» Л. Р. Кызласов и К. Г. Копкоев пишут: «...несмотря на значительный регресс, являвшийся следствием монгольских завоеваний и набегов, продолжавшихся в течение 400 лет (с XIII по XVII в.), хакасы сохранили до XVII в. ослабленное, но многоотраслевое земледельческо-скотоводческое хозяйство...» [История Хакасии... 1993, с. 161].

Поддерживал идеи Л. Р. Кызласова его ученик Я. И. Сунчугашев. Он целенаправленно занимался изучением орошаемого земледелия древней и средневековой Хакасии. В 1970–1980 гг. археолог проводил полевые исследования оросительных каналов. По подсчетам автора статьи, им было учтено и обследовано 38 оросительных каналов в долинах 17 рек [Есин и др., 2006]. Как минимум 11 из них, считал Я. И. Сунчугашев, были сооружены в период существования Древнехакасского государства [Сунчугашев, 1990, с. 11–29]. В своей обобщающей работе он проводит анализ всех земледельческих орудий эпохи Средневековья, а также ручных мельниц. Помимо уже известных артефактов он приводит новые материалы из сборов

у с. Подсинее [Сунчугашев, 1990, с. 41], там среди вещей, датируемых IX–X вв., были обнаружены железные серп и сошник [Сунчугашев, 1980, с. 108]. Таким образом, часть земледельческих орудий получила уверенную датировку. В ходе исследования он много раз обращался к этнографическим материалам.

У средневекового орошаемого земледелия Я. И. Сунчугашев видит древние истоки, со времен карасукской культуры. По его мнению, оно «получает дальнейшее развитие в период Древнехакасского государства (VI–XII вв.)», восстанавливаются и используются старые каналы, проводятся новые, причем совершенствуется техника их сооружения [Сунчугашев, 1990, с. 83]. Но в дальнейшем «развитое орошаемое земледелие» пришло в упадок, объяснение чему Я. И. Сунчугашев традиционно находит в результате «нашествия монгольских феодалов в XIII в.» [Сунчугашев, 1990, с. 65].

Также разделял точку зрения о значительности земледелия и оседлости у кыргызов в конце IX в. Л. Н. Гумилев, известный сторонник экологического подхода. Это, по его мнению, даже стало причиной ухода кыргызов из Центральной Азии в благодатную Минусинскую котловину, где они привыкли «к оседлому быту» [Гумилев, 1970, с. 55] и могли жить оседло, «заниматься земледелием и скотоводством, а не кочевать» [Гумилев, 1970, с. 66].

О первостепенной роли земледелия в кыргызском хозяйстве для древнетюркского времени упоминает также Д. Г. Савинов. Он пишет, что культурно-хозяйственный тип енисейских кыргызов до выхода их на историческую арену Центральной Азии носил «комплексный характер – земледелие, скотоводство, охота. Ведущее место в этой триаде занимало земледелие» [Савинов, 1978, с. 38]. При этом ученый отмечает высокий уровень агрокультуры, «не просто плужного, но и орошаемого земледелия» [Савинов, 1978, с. 38]. В конечном итоге он называет кыргызов земледельческим народом [Савинов, 1978, с. 39].

Причины такого типа хозяйства он видит в русле экологического подхода. Д. Г. Савинов пишет, что «территория Минусинской котло-

вины, сравнительно небольшая по размерам, окруженная горно-таежными массивами Саян и Кузнецкого Алатау, в значительно большей степени приспособлена к интенсивному земледелию, нежели к экстенсивному скотоводству» [Савинов, 1984, с. 80].

В отношении развития скотоводства Д. Г. Савинов утверждает, что «отдельные группы кыргызов, скорее всего в предгорных районах, занимались отгонным скотоводством», но вряд ли «можно считать енисейских кыргызов кочевниками в такой же степени, как, например, тюрки-тюгю или уйгуров» [Савинов, 1994, с. 113–114].

До настоящего времени придерживается направления о значительном развитии земледелия И. Л. Кызласов. Он пишет: «Большинство населения жило оседло. Сила страны заключалась в комплексном хозяйстве. Земледелие издревле было пахотным и орошаемым» [Кызласов, 2024, с. 920]. В отношении скотоводства он считает, что «знавшее селекцию животноводство было пастушеским, основанным как на выпасах, так и на стойловом содержании с сенокошением» [Кызласов, 2024, с. 921].

Совершенно иной точки зрения придерживается Ю. С. Худяков. Проведенный им анализ как археологического материала, так и письменных источников позволяет ему определить культурно-хозяйственный тип кыргызов «как кочевых скотоводов» [Худяков, 1984, с. 22] и сделать вывод о «принадлежности кыргызской культуры в эпоху Средневековья кочевому миру степного пояса Евразии» [Худяков, 1982, с. 214]. Важно отметить, что Ю. С. Худяков в систему доказательств преобладания кочевого скотоводства вводит характеристику облика материальной культуры и традиции ведения внешней политики. В частности, он отмечает, что археологические материалы енисейских кыргызов «находят многочисленные аналогии в материалах Тувы, Монголии, Степного Алтая и Восточного Казахстана» [Худяков, 1982, с. 214], где, как известно, проживали в Средние века кочевые народы, а единство «материальной культуры при различиях в экономической базе труднообъяснимо» [Худяков, 1984, с. 22]. Таким образом,

здесь хорошо усматривается применение нами вышеобозначенного историко-культурного подхода.

Что касается развития земледелия, то Ю. С. Худяков все же не склонен отрицать его существование, но и не склонен преувеличивать его уровень развития. Анализируя письменные источники, он пишет, что «если чужеземные хронисты пишут о кыргызском земледелии достаточно подробно, то в рунических текстах о нем упоминается очень редко» [Худяков, 1995, с. 110]. По поводу же ирригационных сооружений он солидарен с В. И. Федоровым, что они «использовались для увлажнения пастбищ и водопоев» [Худяков, 1995, с. 111]. В конечном итоге уровень развития земледелия он определяет как примитивный [Худяков, 1984, с. 23].

В опыте осмысления земледельческой традиции в Хакаско-Минусинском крае в Средние века в исследованиях Ю. С. Худякова можно проследить определенную эволюцию и выделить три варианта существования земледелия, последовательно предложенных им, дополняющих друг друга.

Первоначально исследователь предположил, что в эпоху великодержавия «кыргызский каган по примеру многих правителей кочевых империй предпринял попытку искусственного насаждения земледелия и градостроительства с целью увеличения гарантированного дохода в казну», которая «потерпела неудачу» [Худяков, 1982, с. 212]. Впоследствии Ю. С. Худяков приходит к мнению, что «чужеземные хронисты, писавшие о кыргазах с чужих слов, включили в описание кыргызского земледелия сведения не только о самих кыргазах, но и о подвластных им кыштымах. Известно, что примитивное земледелие на Енисее сохранилось вплоть до прихода русских и было распространено преимущественно у кыштымов на периферии степной Минусинской котловины, в лесостепной и лесной зоне, причем сами кыргызы оставались кочевниками-скотоводами» [Худяков, 1984, с. 23].

В последнее время ученый предполагал развитие земледелия уже в степной зоне. Механизм такого варианта развития земледелия ему видится так: «...в ходе седентаризационных

явлений беднейшая часть населения, потеряв скот, вытесняется из ведения кочевого скотоводческого хозяйства, оседает, начинает возделывать землю. Мобильность кочевого общества, участие в войнах позволяли таким бывшим кочевникам, при удачном стечении обстоятельств, вновь обрести скот и вернуться к привычной жизни» [Худяков, 1995, с. 110]. Помимо прочего, им отмечается также развитие охоты, которое было облавное у кыргызов-кочевников, так и пушной промысел у таежных кыштымов [Худяков, 1995, с. 111].

Таким образом, работы Ю. С. Худякова в последнее время являются непосредственным продолжением развития в историографии направления, отводящего ведущую роль кочевому скотоводству в хозяйстве средневекового населения Хакасско-Минусинского края. При его обосновании, как и у А. Н. Бернштама, налицо рассуждения в русле историко-культурного подхода.

Если при решении проблемы хозяйственной деятельности населения Хакасско-Минусинского края в раннем и развитом Средневековье имеются диаметрально противоположные мнения, то для позднего этапа Средних веков особых расхождений мнений нет. Для XVII в. картина хозяйственной деятельности в основном видится в том, что кыргызы, проживая в степной части, занимались скотоводством, их подданные – кыштымы, проживавшие в лесостепи и в горно-таежных районах, – занимались, наряду с со скотоводством, охотой, рыбной ловлей и отчасти земледелием. Такого мнения придерживались, используя в основном русские письменные источники: С. В. Бахрушин [Бахрушин, 1955, с. 181–188], К. Г. Копкоев [Копкоев, 1959, с. 3–18], Л. П. Потапов [Потапов, 1957, с. 18, 19, 77, 89], А. Абдыкалыков [Абдыкалыков, 1968, с. 17, 22], В. Я. Бутанаев [Бутанаев, 2000, с. 157, 158]. А. Абдыкалыков [Абдыкалыков, 1968, с. 24] и В. Я. Бутанаев [Бутанаев, 2000, с. 159] предполагали, что кыргызы частично занимались земледелием. В. Я. Бутанаев в ходе реконструкции хозяйствования активно использовал этнографические материалы.

С. Г. Скобелев посвятил ряд работ хозяйственной деятельности коренного населения Хакасско-Минусинского края до и во время русского заселения. В одной из первых работ он отмечает, что очаги земледелия в XVII в. на карте «полукольцом с севера, запада и востока как бы окаймляют Хакасско-Минусинскую котловину, приходясь на соседние с ней лесные и лесостепные районы. На степных же просторах самой котловины, там, где живут «кыргызы» русских источников, нет никаких, даже отдельных, признаков занятия земледелием» [Скобелев, 1979, с. 147]. «В домонгольское время, – пишет далее автор, – положение было иным: центром хлебопашества была именно Хакасско-Минусинская котловина» [Там же]. С. Г. Скобелев предполагает, что произошло вытеснение племен, занимавшихся в свое время земледелием в котловине, в леса [Скобелев, 1979, с. 148].

В более поздних своих работах С. Г. Скобелев проводит попытку анализа уровня производительных сил в позднем Средневековье. «Археологические комплексы XV – начала XVII в., – пишет он, – свидетельствуют об отсутствии заметного прогресса в развитии производительных сил общества в сравнении с домонгольским временем» [Скобелев, 1992, с. 121]. Показателем неразвитости хозяйственной деятельности у населения Хакасско-Минусинского края С. Г. Скобелев считает ее значительную зависимость «от конкретных природно-климатических условий» [Скобелев, 1994, с. 38]. Что проявлялось в том, что «кочевое скотоводство здесь представляли кыргызы, обитавшие в степных районах» [Скобелев, 1994, с. 38]. А у населения лесных районов, вследствие невозможности ведения там кочевого животноводства, «типы хозяйства были смешанными» [Там же].

В последнее время С. Г. Скобелев предложил интересную идею по эволюции хозяйственной деятельности на протяжении всего Средневековья. Так, он считает, что «кыргызы на Енисее в период, предшествующий Великодержавию, имели комплексное хозяйство с преобладающей ролью земледелия, что не могло не вести к началам оседлой жизни»

[Скобелев, 2017, с. 79]. После разгрома уйгур в 840 г. значительное число кыргызов покинуло свою родину и вступило в тесный контакт с кочевниками [Там же]. Часть этого населения возвратилась на Енисей и принесла «навыки в основном кочевого скотоводства» [Скобелев, 2017, с. 80]. Это, как он считает, подтверждается археологическими данными: «В целом, по сравнению с эпохой чаатас, культура кыргызов с IX–X вв. все более приобретала общекочевнический облик, а ее инвентарный комплекс мало отличался от культур соседей-номадов» [Там же]. Монгольские завоевания только развили этот процесс [Там же]. Здесь в его рассуждениях прослеживается историко-культурный подход.

Активно используя экологический подход, включился в разработку проблем средневековой хозяйственной деятельности Хакасско-Минусинского края автор статьи. Был проведен анализ так называемых железных сошников, в ходе которого высказано сомнение в использовании их в качестве сошников, а также по аналогиям установлена их датировка [Тараканов, 2001, с. 117–120]. На основании новейших исследований палеогеографии голоцена была высказана точка зрения о влиянии изменения климата на развитие хозяйственной деятельности. Теплый и влажный климат второй половины I тыс. был благоприятен как для скотоводства, так и для земледелия, а холодный и сухой середины II тыс. пагубно сказался на хозяйственной деятельности [Тараканов, 2001 а, с. 78, 79].

Было проведено моделирование скотоводческого хозяйства в экосистемах Хакасско-Минусинского края. Установлено, что регион предоставляет возможность развития для разных типов скотоводческого хозяйства. При этом для ведения чистового кочевого скотоводства здесь возможности ограничены, географические условия более подходят для вертикального скотоводства [Тараканов, 2006, с. 102, 103]. А проведенный анализ топографии средневековых поселений Хакасско-Минусинского края подтвердил существование вертикального типа перекочевков [Тараканов, 2008, с. 412, 413].

Заключение

Таким образом, анализ историографии проблемы изучения хозяйственной деятельности населения Хакасско-Минусинского края в Средние века показывает достаточно серьезную ее разработку. Использована обширная и разнотипная источниковедческая база. Было высказано много интересных и перспективных идей. Особенно перспективна, как нам кажется, идея о специализации хозяйствования в разных ландшафтных зонах. Это дает направление поиска археологических памятников, связанных с этой специализацией, особенно поселенческих комплексов.

Помимо общего комплексного научного подхода в исследованиях, посвященных хозяйственной деятельности Хакасско-Минусинского края в Средние века, были выявлены экологический, историко-экономический и историко-культурный подходы. Как нам кажется, именно различие подходов при рассмотрении предмета исследования приводит к диаметральному направлению в решении проблемы хозяйственной деятельности Хакасско-Минусинского края в Средние века. Логика подхода не позволяет гибче интерпретировать историко-археологический источник.

Наиболее перспективным, по нашему мнению, является экологический подход, который уже сгенерировал целый ряд перспективных идей. В настоящее время довольно хорошо изучена экосистема Хакасско-Минусинского края, что дает перспективы для применения этого подхода к уже известным археолого-историческим материалам. Также он направлен на выявление своеобразия, специализацию и изучение микрорайонов.

Литература

- Абдыкалыков А.** Енисейские кыргызы в XVII веке (исторический очерк). Фрунзе: Изд-во «Илим», 1968. 138 с.
- Адрианов А. В.** Очерки Минусинского края. Томск, 1904. 62 с.
- Бартольд В. В.** Киргизы (исторический очерк). Фрунзе: Киргиз. гос. изд-во, 1927. 57 с.

- Бахрушин С. В.** Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 176–224.
- Бернштам А. Н.** Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 207 с.
- Бичурин Н. Я.** [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: АН СССР, Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая, 1950. 656 с.
- Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С.** История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2000. 272 с.
- Гумилев Л. Н.** Поиски вымышленного царства. (Легенда о «государстве пресвитера Ионна»). М.: Изд-во «Наука», 1970. 432 с.
- Дегтярев А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В.** Академик М. К. Любавский и его наследие // Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 8–72.
- Евтюхова Л. А.** Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Типография изд-ва «Советская Хакасия», 1948. 110 с.
- Евтюхова Л. А., Киселев С. В.** Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г. // Вестник древней истории. № 4 (9). М., 1939. С. 159–168.
- Евтюхова Л. А.** Кыргызское поселение у с. Малые Копены // Краткие сообщения ИИМК. Вып. XVI. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 158–164.
- Есин Ю. Н., Намсараева Н. П., Тараканов В. В.** Сунчугашев Яков Иванович: биобиблиографический справочник. Абакан: ООО «Диалог Сибирь-Абакан», 2006. 61 с.
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 года.** М.: Наука, 1993. 525 с.
- Киселев С. В.** Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.
- Киселев С. В.** Разложение рода и феодализм на Енисее // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 65. Л., 1933. 34 с.
- Клейн Л. С.** Феномен советской археологии. СПб.: Изд-во «ФАРН», 1993. 128 с.
- Клеменц Д. А.** Древности Минусинского музея. Томск: Тип. «Сибирская газета», 1886. 185 с.
- Козьмин Н. Н.** Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск: Изд-во Иркутской секции научных работников, 1925. 186 с.
- Копкоев К. Г.** Добровольное присоединение Хакасии к России // 250 лет вместе с великим русским народом. Абакан: Хакаское книжное изд-во, 1959. С. 3–18.
- Кузнецов-Красноярский И. П.** Древние могилы Минусинского округа. Томск: Типолит. В. В. Михайлова и П. И. Макушина, 1889.
- Кызласов И. Л.** Государственные образования тюркских народов // История России: 20 т. Т. 2. Государства и народы на территории России в VI – сер. XIII века. Становление и развитие Руси. М.: Наука, 2024. С. 899–926.
- Кызласов Л. Р.** Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху раннего Средневековья. М.: Изд-во Наука, 1981. С. 46–52.
- Кызласов Л. Р.** Еще раз о терминах «хакас» и «кыргыз» // Советская этнография. 1971. № 4. С. 59–67.
- Кызласов Л. Р.** История Южной Сибири в Средние века. М.: Изд-во «Высшая школа», 1984. 167 с.
- Кызласов Л. Р.** О южных границах государства древних хакасов в IX–XII вв. // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. VIII. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1960. С. 56–77.
- Левашева В. П.** Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск: Красноярское краевое гос. изд-во, 1939. 68 с.
- Левашева В. П.** Ремесло в Древнехакасском государстве // Записки ХакНИИЯЛИ (история, этнография, археология). Абакан: Хак. обл. нац. изд-во, 1947. Вып. 1. С. 43–49.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири. Т. 1. М.: «Вост. лит.» РАН, 1999. 630 с.
- Потапов Л. П.** Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1957. 307 с.
- Радлов В. В.** Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Радлов В. В.** Сибирские древности. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896. 72 с.
- Савенков И. Т.** О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV археологического съезда в Чернигове (1908). Т. 1. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1910. 553 с.
- Савинов Д. Г.** Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего Средневековья. Кемерово: КемГУ, 1994. 215 с.
- Савинов Д. Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.

- Савинов Д. Г.** О длительности пребывания енисейских кыргызов в Центральной Азии // Вестник ЛГУ. № 14. Серия: История, язык, литература. Вып. 3. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 35–40.
- Скобелев С. Г.** Енисейские кыргызы – кочевники или земледельцы: задача преодоления распространенного стереотипа // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 1 (17). С. 76–85.
- Скобелев С. Г.** О культурно-хозяйственных типах на Среднем Енисее в период позднего Средневековья // Материалы XVII Всесоюзной научной конференции «Студент и научно-технический прогресс». Серия: История. Новосибирск, 1979. С. 144–153.
- Скобелев С. Г.** Развитие хозяйства местного населения Среднего Енисея и Томи в XVII в. // Кузнецкая старина. Вып. 2. Новокузнецк: Кузнец. крепость, 1994. С. 34–46.
- Скобелев С. Г.** Традиции и новации в материальной культуре коренного населения среднего Енисея в XVII в. // Традиционное и новое в культуре народов России. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1992. С. 120–122.
- Сунчугашев Я. И.** Металлические изделия средневековых мастеров Хакасии // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия: Общественные науки. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд-ние, 1980. С. 105–108.
- Сунчугашев Я. И.** Памятники орошаемого земледелия средневековой Хакасии. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1990. 96 с.
- Тараканов В. В.** Историко-экологическое моделирование средневекового скотоводческого хозяйства в условиях экосистем Хакасско-Минусинского края // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая: материалы международной научной конференции (23–24 ноября 2006 г.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. С. 98–104.
- Тараканов В. В.** К вопросу о так называемых «железных сошниках» Хакасско-Минусинского края // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Вып. V. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2001. С. 113–121.
- Тараканов В. В.** Природные изменения как фактор в развитии исторических процессов Хакасско-Минусинского края в Средние века // 55 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории: материалы региональной научной конференции, 18–20 ноября 1999 г. Абакан: Стрежень, 2001. С. 78–79.
- Тараканов В. В.** Топография средневековых поселений Хакасско-Минусинского края как источник для историко-экологических интерпретаций и реконструкций // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. III. М.: ИА РАН, 2008. С. 411–413.
- Теплоухов С. А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2. Л.: Издание Гос. русского музея, 1929. С. 41–58.
- Федоров В. И.** Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения // Материалы и исследования по археологии СССР. № 24. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 137–144.
- Федоров В. И.** Из истории развития орошения в Хакасии // Записки ХакНИИЯЛИ. 1954. Вып. 3. С. 33–67.
- Худяков Ю. С.** К вопросу о хозяйственно-культурном типе енисейских кыргызов в эпоху Средневековья // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд-ние, 1984. С. 18–24.
- Худяков Ю. С.** Кыргызы на Табате. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд-ние, 1982. 240 с.
- Худяков Ю. С.** Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995. 188 с.

References

- Abdykalykov A.** Eniseiskie kyrgyzy v XVII veke (istoricheskii ocherk) [Yenisei Kyrgyz in the 17th century (historical essay)]. Frunze, IliM, 1968, 138 p. (In Russian)
- Adrianov A. V.** Ocherki Minusinskogo kraya [Essays of the Minusinsk Region]. Tomsk, 1904, 62 p. (In Russian)
- Bakhrushin S. V.** Eniseiskie kirgizy v XVII v. [Yenisei Kyrgyz in the 17th century]. In: Bakhrushin S. V. Scientific works. Vol. 3: Selected works on the History of Siberia of the 16th–17th centuries. Part 2: History of the peoples of Siberia in the 16th–17th centuries. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955, pp. 176–224. (In Russian)
- Bartold V. V.** Kirgizy (istoricheskii ocherk) [Kyrgyz (historical essay)]. Frunze, Kirghiz State Publishing House, 1927, 57 p. (In Russian)
- Bernshtam A. N.** Sotsial'no-ehkonomicheskii stroi orkhono-eniseiskikh tyurok VI–VIII vekov [Socio-economic system of the Orkhon-Yenisei

- Turks of the 6th–8th centuries]. Moscow-Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1946, 207 p. (In Russian)
- Bichurin N. Ya. [Iakin].** Sbornik svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Moscow-Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, In-t etnografii im. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, 1950, 656 p. (In Russian)
- Butanaev V. Ya., Khudyakov Yu. S.** Istoriya eniseiskikh kyrgyzov [History of Yenisei Kyrgyz]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2000, 272 p. (In Russian)
- Degtyarev A. Ya., Ivanov Yu. F., Karev D. V. Akademik M. K.** Lyubavsky i ego nasledie [Lyubavsky and his legacy]. In: Lyubavsky M. K. Review of the history of Russian colonization from ancient times to the 20th century. Moscow, Moscow University Publ., 1996, pp. 8–72. (In Russian)
- Esin Yu. N., Namsaraeva N. P., Tarakanov V. V.** Sunchugashev Yakov Ivanovich: Biobibliograficheskiy spravochnik [Sunchugashev Yakov Ivanovich: Biobibliographic Reference Book]. Abakan, Dialog Sibir-Abakan, 2006, 61 p. (In Russian)
- Evtyukhova L. A.** Arkheologicheskie pamyatniki eniseiskikh kyrgyzov (khakasov) [Archaeological sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakass)]. Abakan, Sovetskaya Khakasiya, 1948, 110 p. (In Russian)
- Evtyukhova L. A., Kiselev S. V.** Otkrytiya Sayano-Altayskoi arkheologicheskoi ehkspeditsii v 1939 g. [Discoveries of the Sayan-Altai archaeological expedition in 1939]. *Bulletin of Ancient History*, no. 4 (9). Moscow, 1939, pp. 159–168. (In Russian)
- Evtyukhova L. A.** Kyrgyzskoe poselenie u s. Malye Kopeny [Kyrgyz settlement near the village of Malye Kopeny]. *Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture*. Issue 16. Moscow-Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1947, pp. 158–164. (In Russian)
- Fedorov V. I.** Drevnee iskusstvennoe oroshenie v raione Minusinskogo ponizheniya [Ancient artificial irrigation in the area of the Minusinsk Basin]. *Materials and Research on the Archaeology of the USSR*. No. 24. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952, pp. 137–144. (In Russian)
- Fedorov V. I.** Iz istorii razvitiya orosheniya v Khakasii [From the history of the development of the irrigation system in Khakassia]. *Notes of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History*. Issue 3, 1954, pp. 33–67 (In Russian)
- Gumilev L. N.** Poiski vymyshlennogo tsarstva. (Legenda o «gosudarstve presvitera Ionna») [Search for the fictional kingdom. (The legend of the «State of Presbyter John»)]. Moscow, Nauka, 1970, 432 p. (In Russian)
- Istoriya Khakasii s drevneishikh vremen do 1917 goda** [History of Khakassia from ancient times to 1917]. Moscow, Nauka, 1993, 525 p. (In Russian)
- Khudyakov Yu. S.** K voprosu o khozyaistvenno-kul'turnom tipe eniseiskikh kyrgyzov v ehpokhu srednevekov'ya [On the economic and cultural type of the Yenisei Kyrgyz in the Middle Ages]. In: *Ethnography of the peoples of Siberia*. Novosibirsk, Nauka, 1984, pp. 18–24. (In Russian)
- Khudyakov Yu. S.** Kyrgyzy na prostorakh Azii [Kyrgyz in the vastness of Asia]. Bishkek, 1995, 188 p. (In Russian)
- Khudyakov Yu. S.** Kyrgyzy na Tabate [Kyrgyz on the Tabata]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 240 p. (In Russian)
- Kiselev S. V.** Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri [Ancient History of South Siberia]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951, 643 p. (In Russian)
- Kiselev S. V.** Razlozhenie roda i feodalizm na Enisee [The decomposition of the genus and feudalism on the Yenisei]. *Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture*. Issue 65. Leningrad, 1933, 34 p. (In Russian)
- Klein L. S.** Fenomen sovetskoi arkheologii [Phenomenon of Soviet archaeology]. Saint Petersburg, FARN, 1993, 128 p. (In Russian)
- Klements D. A.** Drevnosti Minusinskogo muzeya [Antiquities of the Minusinsk Museum]. Tomsk, Siberian Newspaper, 1886, 185 p. (In Russian)
- Kopkoev K. G.** Dobrovol'noe prisoedinenie Khakasii k Rossii [Voluntary accession of Khakassia to Russia]. In: 250 years together with the great Russian people. Abakan, Khakass Publishing House, 1959, pp. 3–18. (In Russian)
- Kozmin N. N.** Khakasy. Istoriko-etnograficheskiy i khozyaistvennyi ocherk Minusinskogo kraya [Khakass. Historical-ethnographic and economic essay of the Minusinsk Region]. Irkutsk, Publishing House of the Irkutsk Department of Scientists, 1925, 186 p. (In Russian)
- Kuznetsov-Krasnoyarsky I. P.** Drevnie mogily Minusinskogo okruga [Ancient graves of the Minusinsk Region]. Tomsk, V. V. Mikhailov and P. I. Makushin's Typography, 1889. (In Russian)
- Kyzlasov I. L.** Gosudarstvennye obrazovaniya tyurkskikh narodov [State formations of the Turkic

- peoples]. In: History of Russia: in 20 volumes. vol. 2. States and peoples on the territory of Russia in the 6th – middle 13th centuries. Formation and development of Russia. Moscow, Nauka, 2024, pp. 899–926. (In Russian)
- Kyzlasov L.R.** Drevnekhakasskaya kul'tura chaatas VI–IX vv. [Ancient Khakass culture Chaatas of the 6th-9th centuries]. In: Steppes of Eurasia in the Early Middle Ages. Moscow, Nauka, 1981, pp. 46–52. (In Russian)
- Kyzlasov L.R.** Eshche raz o terminakh «Khakas» i «Kyrgyz» [Once again about the terms «Khakass» and «Kyrgyzh». *Soviet Ethnography*. 1971, no. 4, pp. 59–67. (In Russian)
- Kyzlasov L.R.** Istoriya Yuzhnoi Sibiri v srednie veka [History of South Siberia in the Middle Ages]. Moscow, Vysshaya Shkola, 1984, 167 p. (In Russian)
- Kyzlasov L.R.** O yuzhnykh granitsakh gosudarstva drevnikh khakasov v IX–XII vv. [On the southern borders of the ancient Khakass state in the 9th-12th centuries]. *Scientific Notes of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History*. Issue 8. Abakan, Khakass Publishing House, 1960, pp. 56–77. (In Russian)
- Levasheva V.P.** Iz dalekogo proshlogo Yuzhnoi chasti Krasnoyarskogo kraya [From the distant past of the southern part of the Krasnoyarsk Region]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Regional State Publishing House, 1939, 68 p. (In Russian)
- Levasheva V.P.** Remeslo v drevnekhakasskom gosudarstve [Craft in the ancient Khakass state]. *Notes of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (history, ethnography, archaeology)*. Issue 1. Abakan, Khakass Region National Publishing House, 1947, pp. 43–49. (In Russian)
- Miller G.F.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow, Vostochnaya literatura, 1999, 630 p. (In Russian)
- Potapov L.P.** Proiskhozhdenie i formirovanie khakasskoi narodnosti [The origin and formation of the Khakass people]. Abakan, Khakass Publishing House, 1957, 307 p. (In Russian)
- Radlov V.V.** Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Diary pages]. Moscow, Nauka, 1989, 749 p. (In Russian)
- Radlov V.V.** Sibirskie drevnosti [Siberian antiquities]. Saint Petersburg, I. N. Skorokhodov Typography, 1896, 72 p. (In Russian)
- Savenkov I.T.** O drevnikh pamyatnikakh izobrazitel'nogo iskusstva na Enisee. Sravnitel'nye arkheologo-etnograficheskie ocherki [About ancient monuments of fine art on the Yenisei. Comparative archaeological and ethnographic essays]. In: Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Chernihiv (1908). Vol. 1. Moscow, G. Lissner and D. Sobko's Typography, 1910, 553 p. (In Russian)
- Savinov D.G.** Gosudarstva i kul'turogenez na territorii Yuzhnoi Sibiri v ehpokhu rannego srednevekov'ya [States and cultural genesis in the territory of South Siberia in the Early Middle Ages]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 1994, 215 p. (In Russian)
- Savinov D.G.** Narody Yuzhnoi Sibiri v drevnetyurkskuyu ehpokhu [The peoples of South Siberia in the Old Turkic Era]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1984, 174 p. (In Russian)
- Savinov D.G.** O dlitel'nosti prebyvaniya eniseiskikh kyrgyzov v Tsentral'noi Azii [On the duration of stay of the Yenisei Kyrgyz in Central Asia]. Bulletin of Leningrad State University. No. 14. Series of history, language, literature. Issue 3. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1978, pp. 35–40. (In Russian)
- Skobelev S.G.** Eniseiskie kyrgyzy – kochevniki ili zemledel'tsy: zadacha preodoleniya rasprostranennogo stereotipa [Yenisei Kyrgyz – nomads or farmers: overcoming a widespread stereotype]. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2017, no. 1(17), pp. 76–85. (In Russian)
- Skobelev S.G.** O kul'turno-khozyaistvennykh tipakh na Srednem Enisee v period pozdnego srednevekov'ya [On cultural and economic types in the Middle Yenisei during the late Middle Ages]. In: Proceedings of the 17th All-Union Scientific Conference «A Student and Scientific-Technical Progress». Series «History». Novosibirsk, 1979, pp. 144–153. (In Russian)
- Skobelev S.G.** Razvitie khozyaistva mestnogo naseleniya Srednego Eniseya i Tomi v XVII v. [Development of the economy of the local population of the Middle Yenisei and Tom in the 17th century]. *Kuznetsk Antiquity*. Issue. 2. Novokuznetsk, Kuznetsk Fortress, 1994, pp. 34–46. (In Russian)
- Skobelev S.G.** Traditsii i novatsii v material'noi kul'ture korenного naseleniya srednego Eniseya v XVII v. [Traditions and innovations in the material culture of the indigenous population of the Middle Yenisei in the 17th century]. In: Traditional and new in the culture of the peoples of Russia. Saransk, Mordovian University Publ., 1992, pp. 120–122. (In Russian)
- Sunchugashev Ya.I.** Metallicheskie izdeliya srednevekovykh masterov Khakasii [Metal

- products of medieval masters of Khakassia]. Bulletin of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Series «Social Sciences». Issue 1. Novosibirsk, Nauka, 1980, pp. 105–108. (In Russian)
- Sunchugashev Ya.I.** Pamyatniki oroshaemogo zemledeliya srednevekovoi Khakasii [Monuments of irrigated agriculture of medieval Khakassia]. Abakan, the Khakass Branch of Krasnoyarsk Publishing House, 1990, 96 p. (In Russian)
- Tarakanov V.V.** Istoriko-ekologicheskoe modelirovanie srednevekovogo skotovodcheskogo khozyaistva v usloviyakh ehkositsem Khakassko-Minusinskogo kraia [Historical and ecological modeling of medieval cattle breeding in the conditions of ecosystems of the Khakass-Minusinsk Region]. In: Relevant problems of ethnic, cultural and religious tolerance of the indigenous peoples of the Russian and Mongolian Altai. Proceedings of the International Scientific Conference (November 23-24, 2006). Gorno-Altai, Gorno-Altai State University Publ., 2006, pp. 98–104. (In Russian)
- Tarakanov V.V.** K voprosu o tak nazyvaemykh «zheleznykh soshnikakh» Khakassko-Minusinskogo kraia [On the issue of the so-called “iron coulter” of the Khakass-Minusinsk Region]. *Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Turkic Studies of N. F. Katanov Khakass State University*. Issue 5. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2001, pp. 113–121. (In Russian)
- Tarakanov V.V.** Prirodnye izmeneniya kak faktor v razvitii istoricheskikh protsessov Khakassko-Minusinskogo kraia v srednie veka [Natural changes as a factor in the development of historical processes of the Khakass-Minusinsk Region in the Middle Ages]. In: 55 years of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History: Proceedings of the Regional Scientific Conference, November 18-20, 1999. Abakan, Strezhen, 2001, pp. 78–79. (In Russian)
- Tarakanov V.V.** Topografiya srednevekovykh poselenii Khakassko-Minusinskogo kraia kak istochnik dlya istoriko-ekologicheskikh interpretatsii i rekonstruktsii [Topography of medieval settlements of the Khakass-Minusinsk Region as a source for historical and ecological interpretations and reconstructions]. In: Proceedings of the 2nd (18) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal 2008. Vol. 3. Moscow, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2008, pp. 411–413. (In Russian)
- Teploukhov S.A.** Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskh kul'tur Minusinskogo kraia. (V kratkom izlozhenii) [Experience of classification of ancient metal cultures of the Minusinsk Region. (In brief)]. *Materials on Ethnography*. Vol. 4, vol. 2. Leningrad, Edition of the State Russian Museum, 1929, pp. 41–58. (In Russian)

ПРЕСТУПНОСТЬ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ХАКАСИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. А. Печерский

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: volody75.75@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8969-0604

В статье исследуются вопросы, связанные с преступностью в сельском хозяйстве Хакасии в годы Великой Отечественной войны. Дефицит продовольствия провоцировал многочисленные кражи сельскохозяйственных продуктов. За 1942 г. было возбуждено более 100 уголовных дел по фактам хищений зерна, по которым осудили 191 человека. Неэффективная организация охраны зерна в колхозах и совхозах привела к увеличению количества краж. Расхищение зернового фонда грозило срывом планов сева и уборки.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Хакасия, экономическая преступность, кражи зерна.

CRIME IN AGRICULTURE IN KHAKASSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Vladimir A. Pechersky

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: volody75.75@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8969-0604

The article examines issues related to crime in agriculture in Khakassia during the Great Patriotic War. Food shortages provoked numerous thefts of agricultural products. In 1942, more than 100 criminal cases were initiated on the facts of grain theft, according to which 191 people were convicted. Inefficient organization of grain protection in collective farms and state farms has led to an increase in the number of thefts. The plundering of the grain fund threatened to disrupt the sowing and harvesting plans.

Keywords: Great Patriotic War, Khakassia, economic crime, grain theft.

В годы Великой Отечественной войны производство продуктов питания существенно сократилось, была введена карточная система снабжения, значительное количество продуктов стало уходить на снабжение действующей армии. В результате возник дефицит практически всех видов продуктов питания. Сельскохозяйственная продукция стала желанной добычей для преступников, одни из которых желали спасти от голода себя и своих детей, другие же увидели в этом возможность для обогащения.

Частым кражам сельскохозяйственной продукции способствовала слабая организация охраны колхозного имущества. На пленуме Хакасского обкома ВКП(б), проходившем

27–28 февраля 1942 г., из доклада начальника областной милиции А.Д. Мусаева стало известно, что в 1942 г., несмотря на то, что обком указывал райкомам и председателям райисполкомов в отношении охраны общественного урожая, «все исчерпывающие меры приняты не были, и что мы имеем в результате? То, что всякие проходимцы и жулики, благодаря ротозейству отдельных руководителей, расхищали и растаскивали урожай»¹.

Возложение доли вины на руководителей районов было лишь отчасти справедливо. Недостаточно тщательная охрана зерна являлась следствием кадрового дефицита, возникшего

¹ НАРХ (Национальный архив Республики Хакасия). Ф. 2. Оп. 1. Д. 939. Л. 16об.

во время войны, найти подходящих людей для работы в охране представлялось довольно затруднительным.

В результате за 1942 г. только милиция возбудила более 100 уголовных дел по фактам хищений зерна, по которым осудили 191 чел. У преступников изъяли зерна всех культур 43 164 кг. Однако руководитель милиции Хакасской автономной области А. Д. Мусаев признал, что выявлен лишь небольшой процент правонарушителей, а большинство тех, кто не был пойман на месте преступления, остались безнаказанными¹.

За первые два месяца 1943 г. милиция Хакасии возбудила 39 уголовных дел по фактам расхищения семенного фонда. Александр Дмитриевич выразил опасение: «Мы не гарантированы от такого положения, когда сволочь, которая пробралась к государственным колхозным амбарам, расхищает, а потом поджигает, чтобы скрыть следы хищений, мы, правда, таких фактов еще не имеем»².

Страх начальника милиции нельзя назвать беспочвенным. Поджог складских помещений являлся достаточно распространенной мерой сокрытия следов преступлений, и опасаться такового приходилось заранее.

А. Д. Мусаев сообщил участникам пленума о том, что «сотрудники милиции обследовали колхозные и совхозные склады и обнаружили вопиющие факты, когда в пятидесяти случаях не было охраны этих амбаров. Это говорит о том, что товарищи не понимают всей опасности, перед которой могут оказаться. В 55 случаях эта охрана просто для счета – люди старые, слепые, глухие и дети, которые находились в рядом стоящих избушках». По мнению начальника милиции, секретари райкомов, председатели райисполкомов вопрос об охране семенного фонда должны поставить как один из наиважнейших, наряду с подготовкой почвы, пахотой.

Потому что ситуация с охраной, которая сложилась на момент проведения пленума, не могла обеспечить того, чтобы каждый килограмм зерна использовался по назначению. Опыт прошлого года показал, что были

случаи воровства с полей и вместо запланированных полутора центнеров зерна в землю попадало только полцентнера. Он надеялся, что секретари райкомов и председатели райисполкомов примут все меры к тому, чтобы лучше организовать охрану, расставить силы во время посевной кампании, чтобы каждое зерно попало только в почву³.

Актуальность проблемы расхищения зерна заставила обратиться к ней и первого секретаря Хакасского обкома А. П. Фомичева. Глава областной партийной организации отметил – напряженное положение с засыпкой семян требовало организовать борьбу за полное сохранение семенного фонда, но, по мнению Адама Петровича, в деле охраны зерна была проявлена беспечность. Несмотря на неоднократные указания по этому вопросу крайкома и обкома, во многих колхозах области допустили многочисленные случаи расхищения семенного зерна. По данным, имевшимся в распоряжении обкома, за первые пять месяцев 1943 г. в области похитили 2080 пудов зерна, нашли же лишь 1 270 пудов.

Так же как и начальник милиции, первый секретарь был вынужден признать, что изложенные им данные неполные. Расхищенного зерна наверняка больше и далеко не все преступники разоблачены и наказаны. «О том, как действуют антисоветские воры и расхитители государственного добра и какая возможность создавалась им для этого нашей вопиющей беспечностью и отсутствием большевистской бдительности, говорят следующие факты»: у кладовщика колхоза «Красная Армия» Усть-Абаканского района Радичкина при обыске обнаружено 867 кг пшеницы и 140 кг муки, а при проверке семенного фонда в амбарах там нашли излишек 23 ц. Оказалось, что ушлый кладовщик принимал зерно без взвешивания семян, чтобы потом похитить.

В колхозе «1 августа» Аскизского района семеро колхозников уменьшали норму высева и присваивали оставшееся зерно. При обыске у них обнаружили 591 кг похищенной семенной пшеницы⁴.

¹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 939. Л. 16об.

² Там же.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 78.

Кражи семенного зерна грозили срывом посевной кампании, и от правоохранительных органов требовалось принять самые решительные меры к пресечению подобного рода преступлений.

Обком проверил состояние охраны и хранения зерна на пунктах заготзерно, семенных фондах в колхозах и совхозах области. Проверка показала: «преступно-халатная» поставка охраны зерна на Иудинском и Очурском пунктах заготзерно создавала благоприятные условия для его хищения. Этим не преминули воспользоваться работники данных пунктов. Заведующий складом Иудинского пункта Катаева систематически расхищала зерно. Приемщицы зерна на Очурском пункте Боровицкая и Ромашова похитили 10 ц пшеницы.

Плохо охранялось зерно и в колхозах и совхозах. За январь–февраль 1943 г. там вскрыли 60 случаев хищений зерна, в результате которых в руки преступников попало 18 т хлеба. Так, в колхозе «Путь к коммунизму» Аскизского района бывший председатель колхоза Манчилаев похитил 3,9 ц зерна. В колхозе «Рассвет» Бейского района добычей группы расхитителей стали 80 ц хлеба. В Копьевском совхозе на ферме «Старая дума» зерно расхищал полевод Мокров. На ферме «Качаево» того же совхоза сторож Казаченко украл 1,8 ц хлеба¹.

Несмотря на усилия партийных и правоохранительных органов, кражи зерна не шли на убыль. На заседании бюро Хакасского обкома ВКП(б) 14 сентября 1943 г. прокурор области С. И. Симонов сообщил партийному руководству о неблагоприятном положении с преступностью в сельском хозяйстве области, причиной коего являлась все та же плохо организованная охрана. Хищения с токов происходили ввиду отсутствия охраны и неудачного подбора сторожей. Немало краж происходило во время перевозок хлеба на заготовительные пункты и колхозные и совхозные амбары, непосредственно из самих складов и амбаров и путем обмолота колосьев.

В колхозе «Охотник» Усть-Абаканского района некто Харченко, воспользовавшись плохой организацией охраны, украл на токах

77 кг зерна. А в колхозе «1 мая» Аскизского района колхозница Шмидт незаконно завладела 6 кг колосьев.

Областной прокурор отметил, что отдельные руководители колхозов, совхозов и заготовительных пунктов «проявляют беспечность в охране хлебов, преступно-легкомысленное отношение к подбору кадров сторожей, а райкомы и райисполкомы не проверяют и не требуют ответственности за охрану хлебов». В отдельных колхозах и совхозах охраной зерна занимались непроверенные, случайные люди и те, кто в силу особенностей своего здоровья не мог полноценно исполнять обязанности сторожа.

В некоторых хозяйствах отсутствовало расписание круглосуточных дежурств, а систематическая проверка порядка несения охраны не проводилась. Отдельные председатели колхозов, директора совхозов и МТС не перевешивали зерно, поступавшее из-под молотилок и комбайнов, не организовывали учета хлеба на токах и при перевозке хлеба с токов на заготовительные пункты и в амбары, что создавало условия для нечистых на руку граждан расхищать хлеб и оставаться безнаказанными.

Некоторые председатели колхозов завышали нормы отчисления зерна для выдачи аванса колхозникам и на внутриколхозные нужды. Подобную практику прокурор назвал антигосударственной и обвинил тех председателей в «разбазаривании хлеба»².

Облисполком и бюро обкома постановили: «Обязать райкомы и райисполкомы немедленно провести систему мероприятий, обеспечивающих организацию охраны хлеба от расхищения, а именно: в течение 3 суток проверить состав сторожевой охраны, весовщиков и возчиков зерна на ссыпные пункты и всех лиц, не внушающих доверия и физически не пригодных, отстранить от этих обязанностей и заменить другими, проверенными людьми. Систематически в ночное время организовывать проверку сторожевой охраны на заготпунктах, в МТС, колхозах и совхозах. Организовать группы общественного порядка и комсомольские сторожевые посты по борьбе с хищениями зерна. Немедленно провести

¹ Там же. Л. 96.

² НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 944. Л. 3.

проверку весового хозяйства колхозов и совхозов и при обнаружении неправильных весов запретить на них взвешивание зерна»¹.

Постановления облисполкома и бюро обкома носили во многом декларативный характер. Нижестоящие организации часто не имели возможность исполнить их требования, поэтому областное руководство в основном обязывало и требовало.

Кроме этого, исполком и бюро обкома обратили внимание райисполкомов, райкомов и органов прокуратуры на усиление контроля над выполнением колхозами и совхозами обязательств перед государством по хлебосдаче и на недопущение «разбазаривания» хлеба под видом расходования на общественное питание, авансирования колхозников сверх установленного процента от фактически сданного хлеба государству.

Партийное и советское руководство области решило рассматривать каждый факт «разбазаривания» хлеба как преступление перед Родиной и не оставлять виновников безнаказанными. А прокурора области Симонина и начальника областного НКВД Орлова «обязать осуществлять повседневно надзор за постановкой охраны хлебов путем решительной борьбы, применения жестких мер в отношении виновных, быстроты следствия и судебного рассмотрения дел данной категории»².

Как признало бюро обкома на своем заседании 26 октября 1943 г., райкомы и райисполкомы, своевременно не потребовав от органов суда и прокуратуры немедленной и решительной борьбы со всякого рода проявлениями саботажа в хлебозаготовках, и следственные дела, передаваемые в органы прокуратуры на нарушителей закона об авансировании, задерживались, а в большинстве случаев не рассматривались.

Учитывая, что в колхозах и совхозах часто растаскивали хлеб и скрывали под видом отходов качественное зерно, бюро поручило райкомам, райисполкомам, органам милиции, суда и прокуратуры прекратить любые случаи

хищения хлеба. Виновных следовало немедленно привлекать к строгой ответственности³.

Бюро также потребовало от райкомов «в целях предупреждения хищения хлеба с токов в суточный срок вывезти его на заготзерно и в дальнейшем ни в коем случае, ни под каким предлогом не допускать оставления хлеба на токах, а вывозить его немедленно после обмолота. Категорически воспретить директорам совхозов и предколхозов, не выполнивших план хлебозаготовок и не засыпавших семена, скормливание хлеба скоту. Поручить органам прокуратуры и наркомзага установить тщательный контроль и в случае обнаружения подобных фактов немедленно предавать виновных суду»⁴.

К расхитителям приравнивались и руководители колхозов, незаконно выдававшие хлеб колхозникам, им, как и расхитителям, грозила судебная ответственность. Прежде всего, колхозы должны были выполнить свои обязательства перед государством, а затем позаботиться о собственных нуждах.

Требования и обязательства, предъявляемые к районным властям, возымели некоторое действие в 1944 г. Как отметил в своем выступлении на пленуме Хакасского обкома ВКП(б) начальник областного управления НКВД Н. Ф. Орлов: «Наша партия и советское правительство все время обращает серьезное внимание на охрану социалистической колхозной собственности. Как у нас в области обстоит дело с охраной социалистической, колхозной собственности? Нужно отметить, что в 1944 г. большинство колхозов занимались охраной урожая лучше, чем в 1943 г., однако, несмотря на все это, в ряде колхозов и совхозов с охраной урожая дело обстоит плохо. За время уборки было расхищено свыше 250 тыс. ц хлеба, привлечено к ответственности 212 чел.: сторожа, кладовщики, весовщики, возчики, которые достаточно серьезно не подбирались и не проверялись»⁵.

К сожалению, на пунктах заготзерно, в глубинных пунктах и во время перевозок, по словам Н. Ф. Орлова, наблюдались про-

¹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 944. Л. 3об.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 92.

⁴ Там же. Л. 93.

⁵ Там же. Л. 127–127об.

блемы с охраной хлеба. Из-за недостаточного учета и слабой охраны зерно расхищалось. Только в ноябре и декабре на Абаканском пункте заготзерно были выявлены две преступные группы, в которые входили семь человек: сторожа, весовщики и кладовщики. Эти люди систематически занимались хищением хлеба.

В городе Черногорске с глубинного пункта заготзерно украли 20 ц проса. Это произошло в результате обвеса и других мошеннических действий. При перевозке зерна с глубинного пункта Белый Яр было обнаружено, что в течение нескольких дней с каждой машины не хватало по 40–50 кг зерна. Для выяснения причин этих недостатков были направлены сотрудник милиции и работник заготзерно.

Они привезли пять машин, на которых не хватало двух центнеров хлеба. Оказалось, что заведующий пунктом обманывал с весом. Были приняты меры, и в течение последних нескольких дней у шоферов не было недостатков. Однако 22 декабря 1944 г. им не предоставили мешкотару и зерно пришлось перевозить навалом. В результате снова возникли большие недостатки¹.

Продукты питания все еще оставались слишком заманчивой целью для преступников, поэтому даже усиление охраны, чего требовали областные власти, не могло полностью решить проблему расхищения зерна. Работники пунктов заготзерно придумывали различные уловки, чтобы завладеть государственным имуществом, а милиции приходилось проявлять не меньшую изобретательность для их разоблачения.

Несмотря на многочисленные предупреждения как со стороны партийных и советских органов, так и НКВД и прокуратуры, кражи продолжались и в первом полугодии 1945 г. По данным начальника областного управления НКВД С. И. Павлючека, которые он привел в своем выступлении на 5 пленуме Хакасского обкома, проходившем 29–30 июня 1945 г., в результате отсутствия надлежащего учета и охраны социалистической собственности в некоторых колхозах, совхозах и организациях области за первое полугодие 1945 г.

имелся ряд хищений промышленных и продовольственных товаров.

Всего привлекли к ответственности 272 чел. В том числе членов ВКП(б) – 3, кандидатов в партию – 5, ВЛКСМ – 14. Всего по области похитили: хлебопродуктов – 11 774 кг, мясопродуктов – 3 412 кг, крупного рогатого скота – 11 голов, мелкого скота – 48 голов, молочных продуктов – 161 кг, мануфактуры – 454 м. Других товаров – 35 963 руб., деньгами – 70 000 руб. Из вышеперечисленного изъяли у преступников и возвратили колхозам, совхозам и другим государственным организациям большое количество похищенного².

Степан Иванович заявил: «В этом году имеется по отношению первого полугодия 1944 г. резкое снижение фактов хищения зерна и других сельхозпродуктов. В первом полугодии 1944 г. похищено всего зерна 7 946 кг, из них в колхозах – 5 272 кг. Из 7 946 кг похищенного зерна найдено и возвращено потерпевшим 5 576 кг, а остальное зерно не найдено. Почему это произошло? Это произошло, потому что руководители колхозов, совхозов и заготовительных организаций несерьезно относятся к подбору людей, имеющих непосредственное отношение к зерну»³.

Например, в колхозе «Чаптых-Хоных» Усть-Абаканского района кладовщик Тугарин по договоренности с кладовщиком Кортиной и другими колхозниками воровал семенную пшеницу, которую меняли на разные вещи. При обыске у последних обнаружено и изъято 200 кг семенной пшеницы. В апреле 1945 г. в колхозе «10 октябрь» Боградского района колхозницы Комарова и Ермолаева похитили 150 кг семенной пшеницы, при обыске пшеница была обнаружена у них на квартире.

В Июсском совхозе Ширинского района полевод совхоза Аношин по договоренности с работницей полеводческой бригады Байкаловой и возчиком зерна Худовиной, сеяльщиком Фокиным и пахарями Киренко и Расказчиковым в ходе посевной кампании 1945 г. похитил 340 кг пшеницы. Сеяльщик колхоза «Иргиус» Ширинского района Подонков,

¹ Там же. Л. 127–127об.

² НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1100. Л. 89–90.

³ Там же. Л. 90.

в прошлом судимый за бандитизм, оставлял на ночь в сеялке зерно, а его жена со своей сестрой в ночное время выгребали его. Они в течение месяца похитили 190 кг семенного зерна.

Заведующий мельницей колхоза «1 мая» Алтайского района Кузьмичев по договоренности с председателем ревизионной комиссии того же колхоза Букреевой и бухгалтером Барабашкиным не выписывал квитанции на поступавшее на размол зерно, которое делили между собой. Таким образом, с января по март 1945 г. похитили 12 ц зерна¹.

Областной прокурор Соколов, выступая на том же пленуме, заметил: «В этом году мы по всей области имели массу нарушений социалистической законности. Наибольшее количество фактов нарушения социалистической законности мы имели в охране соцсобственности в наших колхозах и совхозах от расхищений и разбазариваний таковой»².

В первой половине 1945 г. наибольшее число хищений наблюдалось в хозяйствах Богградского, Ширинского и Саралинского районов. За весь период подготовки и проведения весеннего сева 1945 г. по области привлекли к уголовной ответственности за хищение семян 74 чел., в этих районах совершили преступления 44 чел., или 60 %³.

В Богградском и Ширинском районах большую роль традиционно играло земледелие

и оборот зерна был высок. Экономика же Саралинского района строилась на горнодобывающей промышленности, и зерна здесь не хватало, поэтому оно становилось желанной добычей для воров.

Так, в Богградском районе произошло три случая крупного хищения семян, в которых были замешаны руководители колхозов. В колхозе «Красный Борец» Богградского района была вскрыта группа лиц, в которую входили: председатель колхоза Желябов, зам. председателя колхоза Спирин, зам. председателя колхоза Мухин. Все являлись членами партии. Из четырех коммунистов этого колхоза в преступную группу входили трое, или три четверти состава парторганизации. Они продали трех колхозных лошадей за 13 500 руб., из которых 10 500 руб. пропили. На лошадей составили фиктивные акты об их гибели. Кроме того, взяли в колхозе 34 кг сливочного масла, которое продали, а деньги тоже истратили на спиртное⁴.

Чаще всего кражи совершали те, кто имел доступ к зерну: весовщики, возчики, кладовщики. Слишком велико было искушение завладеть самой большой ценностью в голодные годы.

Расхищение зерна грозило срывом посевной и уборочной кампаний. Исходя из этого, данному вопросу уделялось особое внимание в судебных и правоохранительных органах. А обком и облисполком держали решение этой проблемы на контроле.

¹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1100. Л. 91–91об.

² Там же. Л. 95 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 95об–96.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХЛЕБНЫХ МАГАЗИНОВ И ТОРГОВЛЯ В ИНОРОДЧЕСКИХ ВЕДОМСТВАХ ЮГА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Е. В. Самрина

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655001, Россия; email: esamrina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4748-2460

Хлебные магазины в России появились в XVIII в. и просуществовали до 1917 г. В статье рассматривается деятельность хлебных запасных магазинов, которые существовали на юге Енисейской губернии. Ответственность за организацию, функционирование и содержание этих магазинов возлагалась на руководителей ведомств и население.

Деятельность магазинов была неоднозначной. С одной стороны, они помогали обеспечивать продовольственную безопасность и создавали запасы продуктов. В трудные времена аборигенное население могло полагаться на хлебные магазины, чтобы обеспечить себя пропитанием. С другой стороны, их деятельность усложняла жизнь людей, так как магазины предоставляли товары в кредит под большие проценты и проводили ссудные операции, которые были невыгодны для населения. Хотя изначально эта форма поддержки предназначалась для самых бедных. Они брали хлеб в долг и попадали в еще большую зависимость.

Магазинами пользовалась в основном зажиточная часть населения. Только богатые люди могли без труда выплатить ссуду с процентами. Руководители ведомств использовали также неофициальную практику выдачи хлебных ссуд. Постепенное повышение цены на хлеб способствовало сокращению объемов продажи хлеба и переводу хлебных операций преимущественно на ссудный характер.

Создание хлебных магазинов в инородческих районах Сибири позволяет обратиться к более общим теоретическим вопросам, в частности, к проблеме патерналистской «заботы» государства о «народном продовольствии», а также патерналистского регулирования торговли, направленного на ввоз и сбыт крепких спиртных напитков в пределах инородческих селений.

Казенная и частная торговля способствовала прогрессивным изменениям в хозяйственно-бытовом укладе коренного населения региона, в то же время свободная торговля обернулась для населения большой зависимостью от торгово-обменных связей.

Ключевые слова: хлебный магазин, инородцы, юг Енисейской губернии, помощь бедным, продовольственная безопасность, ссудные операции, торговля, патернализм.

ACTIVITIES OF GRAIN STORES AND TRADE IN INDIGENOUS DEPARTMENTS OF THE SOUTH OF THE YENISEI GOVERNORATE

Elena V. Samrina

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655001, Russia; email: esamrina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4748-2460

In Russia, grain stores appeared in the 18th century and existed until 1917. The article examines the activities of grain storages that existed in the south of the Yenisei Governorate. The responsibility for the organization, operation and maintenance of these stores was assigned to the heads of departments and the population.

The activities of these store were controversial. On the one hand, they helped to ensure food security and create food stocks. In difficult times, the aboriginal population could rely on grain stores to provide themselves against famine. On the other hand, their activities complicated people's lives as the grain stores provided goods on credit at high interest rates and carried out loan operations that were unprofitable for the population. Although, initially this form of support was intended for the poorest people. They borrowed bread and became even more dependent.

These stores were mainly used by the well-to-do part of the population. Only rich people could easily repay a loan with interest. The heads of departments also used the informal practice of issuing grain loans. The gradual increase in the price of bread contributed to the reduction in the volume of bread sales and the transfer of grain operations mainly to loans.

The creation of grain stores in the indigenous regions of Siberia makes it possible to address more general theoretical issues, in particular, the problem of the paternalistic «concern» of the state for «national food», as well as paternalistic regulation of trade aimed at the import and sale of strong alcoholic beverages within indigenous villages.

State-owned and private trade contributed to progressive changes in the economic and everyday life of the indigenous population of the region, on the other hand, free trade turned into a great dependence on trade and exchange relations for the population.

Keywords: grain stores, indigenous population, south of the Yenisei Governorate, assistance to the poor, food security, loan operations, trade, paternalism.

Создание хлебных, или экономических, магазинов на юге Енисейской губернии было инициировано государством. Инородческим ведомствам делегировалось обеспечение продовольственной безопасности путем создания хлебных магазинов. Регулировать их деятельность и обеспечивать население продовольствием было поручено родоначальникам Степных дум. В суровых природных условиях Сибири хлебные магазины играли важную роль – они помогали людям пережить трудные времена.

Деятельность экономических магазинов Сибири подробно регламентировалась Положением о казенных хлебных запасных магазинах (1822). Именным указом создавались «губернские комиссии для продовольствия жителей», которые по своему усмотрению могли сохранять запасные хлебные магазины или учреждать «денежный капитал»¹.

Основные цели создания системы казенных продаж для кочевого и бродячего населения Сибири были определены «Уставом об управлении инородцев» 1822 г.² Образование казенных запасов в местах проживания инородцев диктовалось необходимостью организации снабжения населения продовольствием, оказания пособия их промыслам, а также стремлением умерить «вольные цены» на необходимые потребности. Одним из главных принципов устройства казенных продаж инородцам являлось требование того, чтобы продажи не оказывали «ни малейшего стеснения промышленности частных людей»³.

Хлебные магазины создавались как общественный склад и представляли собой

специальные помещения, в которых хранились запасы хлеба, предназначенного для продажи или раздачи нуждающимся в качестве ссуды. Магазины также располагали боеприпасами для охоты (порох и свинец). Однако большей частью они занимались выдачей ссуд продовольственного и семенного хлеба.

Магазины были организованы в селах Уты, Таштып, Усть-Есь, Ужур. Утинский сельский экономический магазин находился в новом «общественном» доме, в котором находилась дума⁴.

Непосредственный контроль по исполнению законов возлагался на губернские комиссии продовольствия. Поступления в счет продовольственного сбора контролировал лично гражданский губернатор. В 1853 г. «губернское правление слушало представление Енисейского гражданского губернатора от 18 февраля о продовольственном сборе». Губернатор обратил внимание членов правления на то, что «в этот капитал числятся недоимки по округам: по Минусинскому округу мещан – 35 руб. 45 коп., крестьяне государственные – 763 руб. 55 коп., кочевых и ясачных инородцев – 560 руб. 83 коп.». Он приказал немедленно взыскать, «не делая должникам ни малейшего послабления... независимо ни от сего»⁵.

За формирование и использование запасного капитала, а также за своевременное пополнение запасов отвечали родоначальники. Они должны были регулярно сообщать окружным и губернским органам о наличии хлебных запасов, предоставляя соответствующие ведомости примерно такого содержания: «Количество хлеба в неурожайные годы почти на целый год может поддержать существова-

¹ ПСЗ РИ-1. Т. XXXVII. № 29000. С. 146–154.

² ПСЗ РИ-1. Т. XXXVIII. № 29126. С. 394–416.

³ Там же.

⁴ НАРХ (Национальный архив Республики Хакасия). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 238. Л. 17–21.

⁵ Там же. Д. 231. Л. 21.

ние инородцев сей думы на два сего года»¹. Руководители думы также отвечали за подержание зданий в надлежащем состоянии и обеспечение их бесперебойного функционирования.

Государство не принимало непосредственного участия в создании хлебных магазинов. Из государственной казны не выделялись средства на строительство и содержание магазинов. Финансовые расходы ложились на жителей инородческих ведомств. Инородцы строили запасные магазины за свой счет. Например, здание хлебозапасного магазина было построено на средства жителей Кызыльской думы. На постройку здания магазина «определили собрать 509 руб. 46 коп., или по 42 коп. с каждой из 1 213 наличных душ» [Ярилов, 1899а, с. 101].

В думском бюджете была заложена отдельная статья расходов на содержание хлебных магазинов. На оплату работы караульных при двух хлебных магазинах (Утинского и Усть-Есинского) выделялось до 300 руб. В счет содержания хлебного магазина и народного продовольствия койбалы в 1854 г. собрали 33 руб. 52 $\frac{1}{4}$ коп. с 667 душ², в 1855 г. – 36 руб. 47 $\frac{1}{2}$ коп.³

Запасной хлебный фонд формировался за счет взносов населения. Хлеб в общественные магазины засыпался из расчета двух пудов с каждой ревизской души. В Кызыльском ведомстве числилось 1 213 душ, и фонд пополнялся соответственно 2 426 пудами ржи и ярицы [Ярилов, 1899а, с. 101].

Однако население саботировало открытие хлебных магазинов. Автор статьи, опубликованной в «Сибирской газете», считает, что причина этого – неэффективность магазинов и разграбление складов. Только с помощью полицейских мер в ряде мест были открыты магазины. Многие жители находились от них на расстоянии 100–200 км, и доставка хлеба туда требовала больших расходов и потерь

времени⁴. К тому же у населения просто не было хлеба, поскольку большинство людей не занималось земледелием.

Из-за жалоб населения Абаканская управа вынуждена была заменить хлебный сбор денежным. И вместо хлебного магазина была учреждена общественная касса. На собираемые по раскладу деньги покупался и поступал в магазин хлеб⁵.

Взносы в кассу взимались принудительно. Фактически всеми делами кассы заведовал письмоводитель. Деньги из кассы получали только письмоводитель, писари и родона начальники, а в учетную книгу в качестве должников вносились другие лица⁶.

В трудные годы хлебные магазины должны были оказывать помощь семенным хлебом. По данным Н. Н. Козьмина, ссуда выдавалась под 5 % [Козьмин, 1925, с. 131]. Между тем, по подсчетам Г. А. Моховой, хлеб из этих магазинов выдавался под большие проценты (5 фунтов на пуд, что составляло 12,5 %) [Мохова, 1958, с. 12].

Поэтому магазинами пользовалась в основном зажиточная часть населения, по рекомендации старосты рода. Только богатые люди могли без труда выплатить ссуду с процентами.

При составлении списков на получение хлеба из магазина писари и старосты должны были учитывать способность должников вернуть взятый хлеб с процентами в указанный срок. При этом применялась круговая порука: в списки включали только тех, за кого отвечало общество [Там же].

Таким образом, получивший ссуду был обязан вернуть ее с процентами с нового урожая. Ссуду давали только тем, кто получал поручительство. Если ссуда не возвращалась, ее взыскивали с жителей улуса по раскладке.

Все хлебные взносы поступали в полную собственность родона начальников, давая широкий простор для махинаций и злоупотреб-

¹ Там же. Д. 238. Л. 17–21.

² Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (РФ ХакНИИЯЛИ). Ф. 114. Л. 202.

³ НАРХ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 238. Л. 17–21.

⁴ Сибирская газета. 1881. № 19.

⁵ Там же.

⁶ Восточное обозрение. 1902. № 139.

лений. Руководители ведомств использовали неофициальную практику выдачи ссуд.

«В Сагайской думе помощник письмоводителя, ведавший магазином, приобрел бочонок вина, и каждый, кто приходил за получением ссуды, был обязан купить у него по тройной цене бутылку водки и угостить. Только после этого выдавалась половина ссуды. Вторую половину можно было получить, повторив все сначала. Затем, чувствуя безнаказанность, он поделил ссуду на четыре части, выдавая ее отдельно на тех же условиях. В случае, если у бедняка не было денег на покупку вина, помощник письмоводителя выдавал ссуду с условием, что из нее отсыпается количество зерна, равное стоимости вина. Несмотря на жалобы, подобная практика была почти во всех хлебных магазинах»¹.

По решению схода в рамках родовой помощи выдавались ссуды на различные нужды для поправки материального положения. Так, денежная ссуда на годичный срок была выделена Константину Собакину «за узаконенные проценты денежной ссуды из капитала общественной запашки всего суммою 15 рублей на поддержание своего хозяйства»².

Для бедняков выплата долга с процентами была непосильной ношей, поэтому родовые старосты ориентировались на более состоятельных людей, хотя изначально эта форма поддержки предназначалась для самых бедных. Магазины были созданы усилиями всего населения, и их содержание легло на плечи всех жителей ведомства. Реальная польза для инородцев от хлебных магазинов была невелика, они рассматривали сборы на их содержание как принудительную повинность.

Спрос на займы, особенно в период весеннего сева и в неурожайные годы, был постоянным. Родоначальники на основе списков, составленных родовыми старостами, распределяли имеющийся запас хлеба по административным родам. В списках указывались лица, нуждающиеся в хлебе, но с оговоркой

«своевременно и в полном объеме выплачивающие ссуды»³. Ссуда выдавалась на год. Так, общественным приговором раздавался хлеб в Усть-Есинском хлебном экономическом магазине «нуждающимся в оном инородцам нашей думы... в ссуду до первого урожая»⁴.

Причинами частых обращений мелецких инородцев в хлебные магазины были: «крайняя бедность», «неурожай в предыдущем году», «неулов рыбы от пароходства по Чулыму», «многие из числа не занимающихся хлебопашеством решительно не имеют средств к пропитанию себя; лов рыбы, единственный их кусок хлеба, прекратился», «зверя нет» и т.д. Мелецкая управа производила выдачу зерна перед самым временем посева, «чтобы хлеб не был потреблен вместо посева на другие потребности» [Ярилов, 18996].

У кызыльских и мелецких инородцев отсутствовали собственные хлебные магазины. Выдача хлеба производилась из сельских (крестьянских) хлебозапасных магазинов. «Несмотря на очевидную потребность в собственном хлебозапасном магазине, Мелецкая управа еще и по сие время его не имеет. Согласно журналу Енисейского губернского совета от 24 декабря 1894 г., постройка магазина не утверждена как не вызывающаяся необходимостью» [Ярилов, 18996, с. 34].

В Кызыльском ведомстве магазин был построен в 1893 г., уже после ликвидации Степной думы. «В 1841 г. дума докладывала командированному от V-го отделения собственной ЕИВ Канцелярии генерал-майору Черкасову, что для продовольствия сих инородцев никаких здесь хлебных запасов казенных или общественных никогда не было и не имеется, и они этого не просили и не желали, потому что могут сами собой иметь содержание» [Ярилов, 1899а, с. 100].

С каждым годом хлеба требовалось все больше, но у населения не было запасов. В 1841 г. Кызыльская дума сообщала, что из-за дороговизны хлеба и других продуктов питания ясачные люди продали много скота.

¹ Сибирская газета. 1881. № 19.

² НАРХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 977. Л. 2.

³ Там же. Д. 840. Л. 15.

⁴ Там же. Д. 648. Л. 1.

Кызыльцы, которые раньше ели меньше хлеба, быстро к нему привыкли. Бедняки брали хлеб в долг и попадали в зависимость, потому что должны были вернуть его хлебом [Ярилов, 1899а, с. 100].

«Казенные магазины не только усугубляли хроническую задолженность местного населения, но и существенно усиливали его зависимость от внешних источников продовольствия» [Слезкин, 2008, с. 351].

Как считает Л. И. Шерстова, российская «администрация «облегчала» аборигенам жизнь через систему хлебных завозов и создание «хлебных магазинов», что способствовало резкому упадку и свертыванию традиционного для Южной Сибири земледелия...» [Шерстова, 2022, с. 180]. В то же время запасные хлебные магазины давали возможность аборигенному населению в неблагоприятные годы сводить концы с концами.

Государственные формы поддержки нуждающегося населения – пособие на пропитание – появляются в конце XIX – начале XX в. Красноярское губернское казначейство на пропитание отпускало в среднем по 6 руб. на одного человека, относящегося к категории «совершенной бедности» и «неспособности ни к каким работам, не имеющих своих средств и родственников, которые могли бы их пропитывать и призрывать»¹.

Образование хлебозапасных магазинов, хлеб из которых отпускался в ссуду, обусловило распространение ссудных операций. Постепенное повышение цены на хлеб способствовало сокращению объемов продажи хлеба и переводу хлебных операций преимущественно на ссудный характер. Размер ссуды устанавливался в соответствии с требованиями Положения о казенных хлебных запасных магазинах (1822). Согласно данному документу, пособие полагалось выдавать «с наложением 6 % прибыли на заготовленную цену» [Щеглов, 1993, с. 269]. Руководствуясь этим, инородческая администрация имела право определять размер ссуды в каждом случае индивидуально, но не выше общего 6 % раз-

мера, установленного Положением. Между тем наиболее распространенной ссудой в селениях инородцев была 12 %-я ссуда [Мохова, 1958].

Продавать хлеб с выгодой для казны было запрещено. Согласно донесению Главного управления Восточной Сибири от 25 июля 1831 г., магазинам запрещалось «продавать инородцам хлеба с выгодой для казны и взыскивать долги за сей хлеб, проданный им во время нелова зверей или рыбы».

Кроме того, государство признало, что билеты, выдаваемые чиновниками частным лицам на въезд в кочевья коренных народов для торговли, являются лишь попыткой чиновников нажиться на этой ситуации².

Магазины располагали не только запасами зерна, также и боеприпасами для охоты (порох и свинец), которые закупались на средства населения. Деньги на пороховой сбор собирались в принудительном порядке. Ведомства покупали в Минусинске порох с последующей раздачей его населению. Абаканская управа ежегодно приобретала 8 пудов, а Аскизская – 50–60 пудов. Доставка до с. Аскиз обходилась в 1 руб., а в Усть-Абаканское всего в несколько копеек. Тем не менее на транспортные расходы собирали по 6–7 руб.³

Эти товары также можно было получить в долг, а в случае неуплаты долг распределялся между всеми членами общества по принципу коллективной ответственности. Местные чиновники и инородческие руководители, пользуясь неграмотностью населения, по сути, занимались грабежом. В выписке из журнала Сибирского комитета 19 октября и 9 ноября 1831 г. констатируется постоянная жалоба инородцев «на продажу непомерными ценами вещей необходимых»⁴.

Создание хлебных магазинов в отдаленных районах Сибири позволяет рассмотреть более общие теоретические вопросы. В частности, это касается проблемы патерналистской «заботы» государства о «народном продовольствии». Также стоит обратить вни-

¹ НАРХ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

² НАРХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–8.

³ Восточное обозрение. 1902. № 139.

⁴ НАРХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–8.

мание на регулирование торговли со стороны государства, направленное на ввоз и продажу крепких спиртных напитков в пределах этих районов.

Согласно Уставу 1822 г., в инородческих ведомствах разрешалась частная и государственная торговля. Она быстро развивалась и ежегодно набирала обороты. Суммы торговых оборотов были значительными.

Посредники из крестьян и купцов вели торговлю с инородческим населением. Они закупали необходимые вещи и продавали продукцию скотоводства и охотничьего промысла.

С одной стороны, торговля способствовала прогрессивным изменениям в жизни коренного населения региона. С другой стороны, она привела к тому, что население стало сильно зависеть от торговых и обменных связей.

Как отмечали члены Сибирского комитета в 1831 г., «торговцы и промышленные обманывают инородцев, пользуясь их незнанием цены вещей, продаваемых или промышляемых, что инородцы не умеют защищаться противу притеснения частных людей, что при свободе торговли нельзя усмотреть, соблюдается ли определенное в законах запрещение ввозить к инородцам горячие напитки»¹.

В 1844 г. вышел правительственный указ, запрещавший торговым людям въезжать в селения инородцев, вести с ними торговлю и оставлять там свои товары до взноса ясака в казну, сроки торговли были ограничены в зимнее время январем и в летнее – с 15 июля по 1 сентября. К инородцам разрешалось ввозить все продукты питания и другие товары широкого потребления, кроме спиртных напитков. Между тем многие исследователи отмечали повсеместную торговлю и употребление горячительных напитков, а также его пагубное влияние на инородческое население. Продажа спиртного имела широкое распространение и приносила большие доходы.

В Хакасско-Минусинском крае действовало три крупных винокуренных завода. Продукция распространялась почти по всей Сибири, особенно в ее северной части. Алкогольные напитки стали неперенным атрибутом торговых сделок между торговцами и населением инородческих ведомств. Типичная процедура торговли красноречиво была описана в газете «Сибирский вестник»: «Приезжают инородцы... продавать скот. Он (торговец. – Е. С.) их принимает как гостей, подает вино. После нескольких рюмок начинается торг, а там магарычи с продавцом. Теперь уже инородцы берут у него вино за свои деньги и часто пропивают половину того, что получили за свой товар»². Коренное население попадало в экономическую зависимость от этих торговцев, которая часто была очень тяжелой.

Однако, по описаниям Е. Я. Пестерева, в 1780-е гг. среди автохтонного населения распитие спиртных напитков было строго регламентировано. Так, молодые люди до 30 лет алкоголь совсем не употребляли. «Если же кто из молодых будет пить вино прежде тридцати лет, то считают его негодным человеком; и если молодой человек будет пьяный в компании со стариками, то они с ним ничего не говорят, кроме как беспрестанно его бранят, называя его мотом, ленивцем и пьяницей» [Пестерев, 1793, с. 19].

Коренное население слабо ориентировалось в ценах на завозимые к ним товары. Попытки защититься от невыгодных сделок не приносили успеха, они жаловались «на продажу непомерными ценами вещей необходимых, на несправедливость донесений полицией»³.

В своих торговых операциях купцы нередко использовали психологические особенности, присущие представителям коренного населения. Например, мещанин Евдоким Бехтенов раздал деньги населению Сагайской думы в счет покупки у них 600 беличьих шкурок на общую сумму 150 руб. Но «он припомнить не может по той причине, что раздача

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 287. Л. 10.

² Сибирская газета. 1889. № 42.

³ РФ ХакНИИЯЛИ. Ф. 114. Л. 82.

им от него в сказанный товар денег производилась по малейшим частям и не более штук 6 каждому». В 1835 г. Кузнецкая городская ратуша обратилась в Степную думу с просьбой помочь в сборе денег. Ратуша полагалась только на честность и добросовестность должников. В итоге деньги были собраны в полном объеме¹.

Князь Костров описал такой же случай с купцом Ананьиным. «Купцы Ананьины-Кузнецкие весьма давно поселились в Аскизе и, производя выгодную торговлю с инородцами, приобрели очень хорошее состояние. Почти все сагайские татары – постоянные их должники.

В доме Ананьина слышал я, между прочим, один анекдот, довольно хорошо характеризующий здешних татар. У старшего брата Ананьина была книга, где он записывал все долги инородцев. Раз как-то эта книга лежала на столе пред образом, у которого теплилась свечка. В комнате никого не было. Свеча упала на книгу и сожгла ее. Ананьин, знавший только один общий итог своих одолжений татарам, пришел в ужас. Делать было нечего: он поехал по всем улусам и стал спрашивать: нет ли в них кого из должников. Должники сей час же явились. Далее Ананьин предложил вопрос: сколько каждый из них должен. Все ответили так, как кто мог припомнить. На основании этого у кредитора составила новая книга, по которой общий итог долгов инородцев оказался совершенно верным с итогом прежней книги». Костров при этом вопрошал: «Не правда ли простота?» [Костров, 1859, с. 145].

А. Линьков в статье, опубликованной в «Сибирском архиве» в 1916 г., писал, что «минусинские старожилы, например, Н. П. Пашенных, Г. З. Узунов, В. В. Федоров и др., могут немало рассказать, как бессовестно эксплуатировали инородцев разные аферисты и темные дельцы» [Линьков, 1916, с. 12].

Регулирование торговли в пределах инородческих ведомств было возложено на адми-

нистрацию Степных дум. Они старались защитить местное население от недобросовестных торговцев. Например, приказчик минусинского купца К. Малова был привлечен к судебной ответственности за незаконную торговлю в с. Аскиз. У него не было разрешения на торговлю, а также были обнаружены серьезные нарушения в торговом оборудовании: немеченые гири и коромысла от весов [История Хакасии с древнейших времен... 1993, с. 266].

Енисейский гражданский губернатор в 1830 г., инспектируя Минусинский округ, выявил, что купцы и их приказчики пользуются незнанием инородцами российских законов о том, что якобы существует запрет на продажу пушнины купцам из других губерний. За продажу товара торговцам других губерний «подвергнутся они взысканию, чем доводя инородцев до того, чтобы упомянутый товар продается им по весьма низким ценам». После губернаторской инспекции минусинский окружной начальник приказал родоначальникам и князьям контролировать торговую деятельность и объявить населению об отсутствии такого закона².

Хлебные магазины спасали людей от голода, но не могли решить проблему бедности. Причины, по которым люди обращались в эти магазины, свидетельствуют о глубоких социально-экономических проблемах в инородческом обществе. Хотя хлебные магазины и приносили некоторую пользу, инородцы воспринимали сборы на их содержание как принудительную обязанность. Помощь государства ограничивалась инициативой создания этих магазинов.

Литература

История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / под ред. Л. Р. Кызласова. М.: Наука, 1993. 523 с.

Козьмин Н. Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск: Изд-во Иркут. секции науч. работников Рабпроса, 1925. 186 с.

¹ Там же. Л. 96.

² РФ ХакНИИЯЛИ. Ф. И-3. Д. 494. Л. 9.

- Костров Н. А.** Заметки о минусинских инородцах и обитаемой ими местности // Енисейские губернские ведомости. 1859д. № 24.
- Линьков А.** Хлопоты коллежского регистратора Габлера и купеческого сына Суханова об отводе под прииски земель качинских татар // Сибирский архив. 1916. № 1. С. 8–14.
- Мохова Г. А.** Социально-экономический очерк истории Хакасии. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1958. 122 с.
- Пестерев Е. Я.** Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях, как российских ясачных татарах, так и китайских мунгалах и сойотах, деланные Егором Пестеревым с 1772 г. по 1781 г. в бытность его под названием пограничного комиссара при сочинении карты и при отыскании пришедших в неизвестность трактованных пограничных знаков и самой пограничной между Российской империей и Китайским государством черты, лежащей от Иркутской губернии через Красноярский край до бывшего Зенгарского владения // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Кн. 2. Ч. XXXII. С. 7–28.
- Слезкин Ю.** Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 509 с.
- Шерстова Л. И.** Родовые угодья тюркских народов Южной Сибири в XIX в.: традиции и новации // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2022. С. 179–192.
- Щеглов И. В.** Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Акционер. информ.-изд. концерн «Сев. Дом», 1993. 463 с.
- Ярилов А. А.** Кызыльцы и их хозяйство. Былое и настоящее сибирских инородцев. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1899а. 366 с.
- Ярилов А. А.** Мелецкие инородцы. Былое и настоящее сибирских инородцев. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1899б. 150 с.

References

- Istoriya Khakasii s drevneishikh vremen do 1917 goda / edited by L. R. Kyzlasov [History of Khakassia from the ancient times to 1917]. Moscow, Nauka, 1993, 523 p. (In Russian)
- Kostrov N. A.** Zametki o minusinskikh inorodtsakh i obitaemoi imi mestnosti [Notes on the Minusinsk indigenous population and the area inhabited by them]. In: The Yenisei Governorate News, 1859d, no. 24. (In Russian)
- Kozmin N. N.** Khakasy. Istoriko-etnograficheskiy i khozyaistvennyi ocherk Minusinskogo kraya [Khakass. Historical, ethnographic and economic essay of the Minusinsk Region]. Irkutsk, Publishing House of the Irkutsk Department of Scientific Workers of the Union of Educational Workers, 1925, 186 p. (In Russian)
- Linkov A.** Khlopoty kollezhskogo registratora Gablera i kupecheskogo syna Sukhanova ob otvode pod priiski zemel' Kachinskikh tatar [Duties and responsibilities of collegiate registrar Gabler and merchant's son Sukhanov to allot the Kachin Tatars' lands for mines]. In: Siberian Archive, 1916, no. 1, pp. 8–14. (In Russian)
- Mokhova G. A.** Sotsial'no-ekonomicheskii ocherk istorii Khakasii [Socio-economic essay on the history of Khakassia]. Abakan, Khakass Publishing House, 1958, 122 p. (In Russian)
- Pesterev E. Ya.** Primechaniya o prikosnovennykh okolo kitaiskoi granitsy zhitelyakh, kak rossiiskikh yasachnykh tatarakh, tak i kitaiskikh mungalakh i soiotakh, delannye Egorom Pesterevym s 1772 g. po 1781 gg. v bytnost' ego pod nazvaniem pogranichnogo komissara pri sochinenii karty i pri otyskanii prishedshikh v neizvestnost' traktovannykh pogranichnykh znakov i samoi pogranichnoi mezhdru Rossiiskoi Imperiei i Kitaiskim gosudarstvom cherty, lezhashchei ot Irkutskoi gubernii cherez Krasnoyarskii krai do byvshego Zengarskogo vladeniya [Notes on the inhabitants found near the Chinese border, both Russian Cossack Tatars and Chinese Mongols and Soyots, made by Egor Pesterev from 1772 to 1781, when he was under the name of a border commissioner when composing a map and finding interpreted border signs that came into obscurity and the borderline itself between the Russian Empire and the Chinese state, lying from the Irkutsk province through the Krasnoyarsk Region to the former Zengar domain]. In: New monthly works, 1793, book 2, chapter 32, pp. 7–28. (In Russian)
- Shcheglov I. V.** Khronologicheskii perechen' vazhneishikh dannyykh iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg. [Chronological list of the most important data from the history of Siberia: 1032–1882]. Surgut, Sev. DoM, 1993, 463 p. (In Russian)
- Sherstova L. I.** Rodovye ugod'ya tyurskikh narodov Yuzhnoi Sibiri v XIX v.: traditsii i novatsii [Ancestral lands of the Turkic peoples of South Siberia in the 19th century: traditions and innovations]. In: Military and peasant people of Russia in the 15th–19th centuries. Chelyabinsk, A. Miller Library, 2022, pp. 179–192. (In Russian)

Slezkin Yu. Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa [Arctic Mirrors: Russia and the small-numbered peoples of the North]. Moscow, New Literary Review, 2008, 509 p. (In Russian)

Yarilov A.A. Kyzyl'tsy i ikh khozyaistvo. Byloe i nastoyashchee sibirskikh inorodtsev [Kizylians and their economy. The past and present of Sibe-

rian indigenous population]. Yurev, K. Matissen Typography, 1899a, 366 p. (In Russian)

Yarilov A.A. Meletskie inorodtsy. Byloe i nastoyashchee sibirskikh inorodtsev [Meletsk indigenous population. The past and present of Siberian indigenous population]. Yurev, K. Matissen Typography, 1899b, 150 p. (In Russian)

Языкознание

DOI 10.52782 / KRIL.2024.3.43.004

УДК 811.512.142

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ

М. А. Ахматова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, ул. Чернышевского, 173, Нальчик, 360004, Россия; email: mari.ahmatova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0507-395X

В статье рассматриваются карачаево-балкарские и хакассские фразеологические единицы, представляющие собой важный элемент национальных культур. Национально-культурное своеобразие народа, специфика исторического развития наиболее полно и всесторонне могут быть выявлены в системном изучении его национально-культурных особенностей. Фразеологические единицы способны довольно четко и емко отразить своеобразие национального характера. Привлечение материала карачаево-балкарского и хакассского языков, принадлежащих к одной тюркской семье языков, выявление как общих признаков, так и отличительных черт, свойственных данным языкам, наиболее притягательно и актуально в условиях расширения границ общения и поиска новых путей диалога культур. Проведенный анализ показал, что сравнительное изучение фразеологических единиц двух языков позволило установить общие и различительные признаки устойчивых сочетаний как в семантическом, так и в структурно-грамматическом плане. В сравниваемых языках выявлено немало аналогичных по содержанию и внешнему оформлению фразеологических единиц, которые полностью или частично совпадают в лексико-грамматической структуре. В ходе работы нами были выделены следующие семантические категории фразеологизмов: морально-нравственная оценка поведения человека и его характера; внешние и внутренние данные и внешний вид человека; различные состояния (физическое, психофизическое), социальное состояние; мыслительная деятельность; речь; межличностные отношения и другие. Выявлено 14 групп схожих по значению и структуре фразеологических единиц карачаево-балкарского и хакассского языков.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, хакассский язык, фразеологические единицы, ментальность, картина мира.

PHRASEOLOGICAL PARALLELS IN THE KARACHAY-BALKARIAN AND KHAKASS LANGUAGES

Maria A. Akhmatova

H. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, 173 Chernyshevsky Str., Nalchik, 360004, Russia; email: mari.ahmatova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0507-395X

The article examines the Karachay-Balkarian and Khakass phraseological units, which represent an important element of national cultures. The national and cultural identity of the people, the specifics of historical development can be most fully and comprehensively revealed in the systematic study of its national and cultural characteristics. Phraseological units are able to reflect quite clearly and succinctly the uniqueness of the national character. The involvement of the material of the Karachay-Balkarian and Khakass languages belonging to the same Turkic language family, the identification of both common and distinctive features peculiar to these languages is most attractive and relevant in the context of expanding the boundaries of communication and searching for new ways of dialogue between cultures. The analysis showed that a comparative study of phraseological units of the two languages allowed us to establish

common and distinctive features of stable combinations both in semantic and structural-grammatical terms. In the compared languages, many phraseological units similar in content and appearance, which fully or partially coincide in the lexical and grammatical structure, were revealed. In the course of our work, we have identified the following semantic categories of phraseological units: moral assessment of human behavior and character; physical and moral characteristics and appearance of a person; various states (physical, psychophysical), social condition; mental activity; speech; interpersonal relationships and others. 14 groups of phraseological units of the Karachay-Balkarian and Khakass languages similar in meaning and structure are identified.

Keywords: Karachay-Balkarian language, Khakass language, phraseological units, mentality, picture of the world.

Введение

Исследуя проблему взаимоотношений языка и культуры, В. фон Гумбольдт высказывал мысль о том, что любая культура национальна, и ее характер (национальный) воплощается в языке, которому присуща отличная для каждого этноса внутренняя форма. Языки представляют собой некие иероглифы, в которые человек облекает окружающую действительность и свое мировосприятие, «через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем, и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [Гумбольдт, 1985, с. 349]. Язык в определенной степени воздействует на развитие культуры, также отражает все те изменения, которые происходят в культуре народа, и рассматривается как хранилище опыта народа. Язык следует рассматривать в тесной связи с социумом, так как он «в этнических границах его носителей – это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура и опыт познавательной деятельности, его мировоззрение и психология, закреплявшийся из поколения в поколение багаж знаний о природе и космосе, о болезнях и способах их лечения, о воспитании и подготовке к жизни новых поколений людей в интересах сохранения и умножения этноса и его самобытности. Тем самым язык представляет собой форму культуры, воплощающую в себе исторически складывавшийся национальный тип жизни во всем ее разнообразии и диалектической противоречивости» [Тарланов, 1984, с. 6]. Способность языка накапливать культурно значимую информацию, а также

выступать хранителем духовных ценностей культуры позволяет получить информацию о языке и культуре народов, заложенную в системе языковых знаков. Каждому языку свойственна самобытность, обусловленная жизнью этноса, а использование фразеологизмов в речи придает ей особую выразительность и красочность. Одной из функций языка является не только формирование национально-культурных кодов, но также передача своеобразия национальной ментальности. В этом отношении большую роль играет фразеологический фонд языка, так как он является одним из ценнейших источников информации о культуре и менталитете народа. В нем законсервированы этические, нравственные, поведенческие, особые формы категориального восприятия пространства и времени, также обрядовые и ритуальные представления народа, что отмечено в целом ряде работ, посвященных фразеологии в целом [Ахматова, 2017; Улаков, Хуболов, 2014а; Улаков, Хуболов, 2014б], различным специализированным группам слов [Кетенчиев и др., 2018; Ахматова и др., 2022] и т. д.

Языковая картина мира, представленная во фразеологии, вызывает интерес у исследователей не только к пространственно-временной характеристике явлений мира, но и подводит к донаучному представлению о реальности, которое дано во фразеологической системе. Это, со своей стороны, дает возможность раскрыть древние формы познания. Следует также отметить, что разнообразные эмоционально-чувственные переживания, представленные в фразеологизмах, «свидетельствуют о различии и общности стереотипов человеческих отношений, мироощущении и представлениях об окружающем мире родственных народов» [Чертыкова, 2018, с. 512].

Основная часть

В условиях современной парадигмы развития национальных языков, а также обогащения культур немаловажное значение приобретает проблема необходимости сравнительного анализа языковых явлений в том или ином языке. Сравнительное исследование различных языковых данных, в нашем случае фразеологических фондов карачаево-балкарского и хакасского языков, позволяет выявить всю языковую и культурную информацию, по которой можно реконструировать сами культурные архетипы, а также различные трансформации, произошедшие в языках. Национально-культурную специфику фразеологических единиц возможно раскрыть на основе комплексного (системно-структурного, антропоцентрического) подхода к их исследованию. Актуальность данной работы определяется все большим ростом межкультурных контактов. Предметом исследования стали фразеологические единицы карачаево-балкарского и хакасского языков различной направленности. Материалом для исследования послужили фразеологизмы, отобранные нами из следующих работ: «Краткий хакасско-русский фразеологический словарь» [Боргоякова, 1996], «Фразеологический словарь карачаево-балкарского языка» [Жарашуева, 1995].

Анализ рассмотренных фразеологических единиц позволяет нам выделить следующие категории:

1. Морально-нравственная оценка поведения человека и его характера:

– фразеологизмы, выражающие отрицательное значение «злословный»: *аар тиллиг* (букв. с тяжелым языком) – *ачы тилли* (букв. с кислым языком);

– фразеологизмы, выражающие понятие «болтливый, много говорящий; болтун»: *тил узун* (букв. длинный язык) – *тили узун, узун тилли* (букв. с длинным языком); *тилі пос – тили бош* (букв. язык пустой (свободный));

– фразеологизмы, выражающие понятие «бесстрашный, смелый»: *аба чўректіг* (букв. с медвежьим сердцем) – *аслан жүрекли* (букв. с львиным сердцем);

– фразеологизмы, выражающие понятие «лентяй, дармоед»: *кізі айагына харахсынчы* (букв. высматривающий чужую тарелку) – *киши кўолуна кўарагъан* (букв. смотрящий на чью-либо руку);

– фразеологизмы, выражающие понятие «глупый, бестолковый (букв. без мозгов)»: *миизі чох – мыйысы жокъ*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «добрый, мягкосердечный, великодушный (букв. с мягким сердцем)»: *нымзах чўректіг – жумушакъ жүрекли*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «бессовестный, наглый (букв. не иметь лицо)»: *сырай чох – бети жокъ*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «слабодушный, безвольный (букв. с пустой душой)»: *пос кўңніліг – бош келлю*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «бессердечный, жестокий (букв. с каменным сердцем)»: *тас чўректіг – таш жүрекли*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «злой, жестокий (букв. с твердым сердцем)»: *хатыг чўректіг – кўаты жүрекли*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «трусливый (букв. с заячьим сердцем)»: *хозан чўректіг – кўоян жүрекли*.

2. Внешние и внутренние данные и внешний вид человека:

– фразеологизмы, выражающие понятие «худой (букв. без мяса)»: *иді чох – эти жокъ*.

3. Различные состояния человека:

– фразеологизмы, выражающие понятие «молчание (букв. рот не открывать)»: *аас аспасха – аузун ачмазгъа; аасха суг оортаан чілі – аузуна суу алгъанча* (букв. будто воды в рот набрал);

– фразеологизмы, выражающие понятие «не оказаться хуже других (букв. под ногу не попасть)»: *азах алтына тўспеске – аякъ тўпге тўшмезге*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «скрывать что-либо, не говорить (букв. внутри держать)»: *істінде тударга – ичинде тутаргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «настроение упало, испортилось»: *кўңні тўзерге – келю тўшдю* (букв. душа упала);

– фразеологизмы, выражающие понятие «иметь желание что-либо сделать (букв. рука чешется)»: *хол хычирга* – *кьолю кичирге*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «беспокойно, нервно (сидеть) (букв. как на иголке (иголках)»: *іңеде чіли (одырагга)* – *ийнеледеча олтурургга*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «быстро идти в восторженном, радостном настроении (букв. под ногами не видеть)»: *азах алтын көрбеске* – *аякь тюбюндегин кермей*; *азах алтында чирні сизинмеске* (букв. под ногой землю не чувствовать) – *аякь тюбюнде жерни кермей барыргга* (букв. идти, не видя под ногами землю);

– фразеологизмы, выражающие понятие «становится страшно, становится не по себе»: *істинче соох ойланча* (букв. внутри холод бегаёт) – *ичин сууукь алды* (букв. нутро охватил холод);

– фразеологизмы, выражающие понятие «охватил ужас кого-либо»: *састары чіке турыбысхан* (букв. волосы прямо встали) – *чач тюклери ерге турдула* (букв. волосы встали дыбом);

– фразеологизмы, выражающие понятие «простудиться»: *соохха хантырагга (алынарга)* (букв. холод взять) – *сууукь тийди* (букв. холод тронул);

– фразеологизмы, выражающие понятие «сильно злиться, не находить себе места от злости, ненависти (букв. землю царапать)»: *чир тырбахтиргга* – *жер тырнаргга*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «сильно испугаться»: *чүрек аасха тол парарга (тыгыл парарга)* (букв. сердце в рот наполнилось) – *жюреги тамагына тыгылды* (букв. сердце в горле застряло);

– фразеологизмы, выражающие понятие «рассказать о чем-либо откровенно (букв. сердце открывать)»: *чүрек азарга* – *жюрек ачаргга*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «испытывать чувство радости (букв. сердце поднимается)»: *чүрек көдірілерге* – *жюреги кетюрюлорге (кетюрюлдою)*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «успокоить душу (букв. сердце охладить)»: *чүрек соодарга* – *жюрекни суутургга*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «печалиться, тяжело переживать что-либо, гневаться, злиться (букв. сердце разрывается)»: *чүрек чарыларга* – *жюреги жарыларгга*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «непосредственно, вплотную (букв. лицом к лицу)»: *чүстең чүске* – *бетден бетге*.

4. Межличностные отношения:

– фразеологизмы, выражающие понятие «защищать, заступаться за кого-либо (букв. подолом закрывать)»: *идек чабарга* – *этеги бла жабаргга*;

– фразеологизмы, выражающие пренебрежительное отношение к кому-либо, совсем ни во что не ставить кого-либо (букв. не считать за человека): *кізее санабасха (пір нимее санабасха)* – *адамгга санамазгга (бир затха, жукьгга санамазгга)*;

– фразеологизмы, выражающие жалость, сострадание (букв. сердце тает): *чүрек хайылча* – *жюреги эриди*;

– фразеологизмы, выражающие благосклонное отношение к кому-либо (букв. ввести кого-либо в общество): *кізі аразына кирерге* – *киши арасына кийирирге (адамлагга кьошаргга)*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «потерять уважение людей»: *кізі санына кірбеске* (букв. в счет людей не входит) – *адам санындан чыгаргга* (букв. выйти из числа людей);

– фразеологизмы, выражающие понятие «быть на чьей-либо стороне, вступаться за кого-либо»: *кізі сарин аларга* (букв. чью-либо сторону брать) – *биреу жанлы болургга* (букв. быть на стороне кого-либо);

– фразеологизмы, выражающие понятие «нравиться, прийтись по душе»: *көңнін тартарга* (букв. настроение притянуть) – *келю тартыргга (жюреги тартыргга)* (букв. душа (сердце) тянется);

– фразеологизмы, выражающие враждебное отношение, понятие «кому-либо вредить (букв. яму копать)»: *оймах хазарга* – *уру кьазаргга (биреуге)*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «подавить гнев, раздражение, обиду»: *өкпе*

пазынарга (букв. легкое давить) – *епкесин чек-дюрюрге* (букв. (его) легкое сдавить);

– фразеологизмы, выражающие понятие «ласкать, прижимать к груди (букв. к печени прижать)»: *паарга пазынарга – баууруна кы-саргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «запасть в душу (букв. печень пропитать)»: *паарга сиип парарга – баууруна сингдирирге*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «невнимательно слушать»: *пiр хулахха кирiп, пiрсiнең сыгарарга* (букв. в одно ухо впускать, в другое выпускать) – *бир кыулагъына кирип, бирсинден чыгып* (букв. в одно ухо входит, из другого выходит);

– фразеологизмы, выражающие понятие «не давать возможность проявить себя (букв. крыло обрезать)»: *ханат кизерге – кыанатын кесерге*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «набираться сил (букв. крыло затвердеть)»: *ханат хатырарга – кыанат кыатдырыргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «подчинить себе, держать в своей власти (букв. держать в руке)»: *холга тударга – кыолда тутаргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «поставить на правильный путь»: *холга кирерге* (букв. в дорогу ввести) – *тюз жолгъа салыргъа* (букв. на правильный путь поставить);

– фразеологизмы, выражающие понятие «не нравиться (букв. сердце не лежит)»: *чyрек чатпасха – жюреги тартмайды* (букв. сердце не тянет);

– фразеологизмы, выражающие понятие «понравиться (букв. найти дорогу к сердцу)»: *чyрекке хол табарга – жюрекке жол табаргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «забыть кого-либо или что-либо (букв. выбросить из сердца)»: *чyректең сыгара тастабызарга – жюрекден атаргъа, ташларгъа*.

5. Мыслительная деятельность:

– фразеологизмы, выражающие понятие «глупый»: *сагызы хысха* (букв. мысль короткая) – *акылы кыысха* (букв. ум короткий);

– фразеологизмы, выражающие понятие «постоянно говорить о ком-либо или о чем-либо (букв. изо рта не ронять)»: *аастаң тyзiрбеске – аузундан тyшюрмезге*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «быть предметом разговоров, пересудов»: *кiзi ахсынаң сыхпасха* (букв. изо рта людей не выходить) – *адам аузундан тyшмезге* (букв. изо рта людей не выпадать);

– фразеологизмы, выражающие понятие «уметь правильно оценивать что-либо (букв. отличать черное от белого)»: *харанаң ахты таныстырарга – кыарадан акыны айырыргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «задуматься о чем-либо»: *сагысха тyзерге* (букв. в мысль падать) – *сагышыа кыалыргъа (кирирге)* (букв. в думу, размышление войти).

6. Социальное состояние:

– фразеологизмы, выражающие понятие «счастливый, удачливый (букв. с двумя долями)»: *ikі ylystig – эки юлюшлю*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «1) не иметь возможности; 2) бедный, неимущий (букв. рука короткая)»: *хол хысха – кыолу кыысха*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «выгодная, доходная должность (букв. теплое место)»: *чылыг чир – жылы жер*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «верный помощник (букв. правая рука)»: *оң хол – онг кыолу*.

7. Речь:

– фразеологизмы, выражающие понятие «говорить что-либо, выражать свое мнение (букв. рот открыт)»: *аас азарга – аузун ачаргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «разговориться (букв. в разговор войти)»: *чоохха кирерге – хапаргъа кирирге (кетерге)*.

8. Возраст:

– фразеологизмы, выражающие понятие «быть еще недостаточно взрослым»: *аас-сyдi араалах* (букв. рот от молока не очистился) – *аузунда сютю кыурумагъан* (букв. молоко во рту не обсохло).

9. Психическое воздействие:

– фразеологизмы, выражающие понятие «сильно напугать кого-либо (букв. вытащить нутро)»: *изiн сыгарарга – ичин чыгъарыргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «толкать на что-нибудь плохое (букв. на нехорошую дорогу тянуть)»: *саба чолга тартарга – терс жолгъа тартыргъа*.

10. Физическое воздействие:

– фразеологизмы, выражающие понятие «кого-либо сильно наказать (букв. воду выжимать)»: *суг сыгара тударга – сыгъын сууун чыгъарыргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «избить (букв. коснуться рукой)»: *хол теерге – къол тийирирге (жетдирирге)*.

11. Квантитативы:

– фразеологизмы, выражающие понятие «очень много, достаточно»: *мойын азыра* (букв. через шею) – *богъурдагъына дери* (букв. до глотки).

12. Родство:

– фразеологизмы, выражающие понятие «родной (о ребенке) (букв. из печени вышедший)»: *паарынаң сыххан – бауурундан чыкъгъан*.

13. Клятва:

– фразеологизмы, выражающие понятие «обещать что-либо (букв. дать слово)»: *сѳс пирерге – сез берирге*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «выполнять обещание (букв. слово держать)»: *сѳс тударга – сезюн тутаргъа; сезюне ие болургъа*;

14. Различные действия:

– фразеологизмы, выражающие понятие «узнать секрет, тайну (букв. во внутренность войти)»: *истіне кірерге – ичине кирирге*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «голосовать (букв. руку поднимать)»: *хол кѳдїрерге – къол кетюрерге*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «расписываться (букв. руку класть)»: *хол саларга – къол салыргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «взять какое-либо дело в свое распоряжение (букв. в руку брать)»: *холга аларга – къолгъа алыргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «начать жить, обосноваться на каком-либо месте (букв. жилище ставить)»: *чурт саларга – журт салыргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «сохранять самообладание, держать себя в руках (букв. сердце давить)»: *чѳрек пазынарга – жүрегин басаргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «бездельничать, быть изнеженным (букв. сидеть на шее)»: *мойнында одыарга – бойнунда олтурургъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «ехать, идти по следу (букв. попасть на след, (взять след)»: *ізі-чолга тѳзерге – ызына тѳшерге, ызын алыргъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «свалить вину на кого-либо (букв. на шею класть)»: *мойынга саларга – боюнуна салыр-гъа*;

– фразеологизмы, выражающие понятие «вмешиваться в чужие дела (букв. нос совать)»: *пурун сугарга – бурунун сугаргъа*.

Заключение

Таким образом, исследование карачаево-балкарских и хакасских фразеологических единиц позволило выявить немало схожестей и точек соприкосновения в образе мышления и менталитете народов. Рассмотренный нами материал дал возможность определить некоторые особенности, свойственные данным языкам. Выявлено 14 групп схожих по семантике и структуре фразеологических единиц карачаево-балкарского и хакаского языков.

Литература

- Ахматова М.А. Функционально-семантический потенциал фразеологизмов в карачаево-балкарском нартском эпосе // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 3 (17). С. 15–20.
- Ахматова М.А., Салчак А.Я., Чертыкова М.Д. Средства выражения эмоции страха в тюркских языках (на примере тувинского, карачаево-балкарского и хакаского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 224–238.
- Боргоякова Т.Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1996. 144 с.
- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 456 с.

- Жарашуева З. К.** Фразеологический словарь карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1995. 476 с.
- Кетенчиев М. Б., Додуева А. Т., Девеева А. А.** Вербализация семьи в карачаево-балкарском фольклоре // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 81–84.
- Тарланов З. К.** Язык и культура. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1984. 120 с.
- Улаков М. З., Хуболов С. М.** Семантически двухкомпонентные предложения с предикатами, выраженными именными фразеологизмами, в карачаево-балкарском языке // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 52. С. 113–116.
- Улаков М. З., Хуболов С. М.** Управляемые фразеологизмы как репрезентаторы объекта в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. № 5 (61). С. 240–244.
- Чертыкова М. Д.** Соматические фразеологизмы как сфера соприкосновения тюркского мировидения: компонент «сердце» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 511–512.

References

- Akhmatova M. A.** Funktsional'no-semanticheskii potentsial frazeologizmov v karachaevo-balkarskom nartskom epose [Functional and semantic potential of phraseological units in Karachay-Balkarian Nart epic]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2017, no. 3 (17), pp. 15–20. (In Russian)
- Akhmatova M. A., Salchak A. Ya., Chertykova M. D.** Sredstva vyrazheniya emotsii strakha v tyurkskikh yazykakh (na primere tuvinskogo, karachaevo-balkarskogo i khakasskogo yazykov) [Means of expressing the emotion of fear in Turkic languages (using the example of Tuvan, Karachay-Balkarian and Khakass languages)]. *The New Research of Tuva*. 2022, no. 2, pp. 224–238. (In Russian)
- Borgoyakova T. G.** Kratkii khakassko-russkii frazeologicheskii slovar' [Brief Khakass-Russian phraseological dictionary]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 1996, 144 p. (In Russian and Khakass)
- Gumboldt V.** Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and philosophy of culture]. Moscow, Progress, 1985, 456 p. (In Russian)
- Zharashueva Z. K.** Frazeologicheskii slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka [Phraseological dictionary of the Karachay-Balkarian language]. Nalchik, Elbrus, 1995, 476 p. (In Russian and Karachay-Balkarian)
- Ketenchiev M. B., Dodueva A. T., Deveeva A. A.** Verbalizatsiya sem'i v karachaevo-balkarskom fol'klore [Verbalization of family in Karachay-Balkarian folklore]. *Baltic Humanitarian Journal*. 2018, vol. 7, no. 1 (22), pp. 81–84. (In Russian)
- Tarlanov Z. K.** Yazyk i kul'tura [Language and culture]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1984, 120 p. (In Russian)
- Ulakov M. Z., Khubolov S. M.** Semanticheski dvukomponentnye predlozheniya s predikatami, vyrazhennymi imennymi frazeologizmami, v karachaevo-balkarskom yazyke [Semantically two-component sentences with predicates expressed by nominal phraseological units in the Karachay-Balkarian language]. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2014, no. 52, pp. 113–116. (In Russian)
- Ulakov M. Z., Khubolov S. M.** Upravlyaemye frazeologizmy kak reprezentatory ob'ekta v karachaevo-balkarskom yazyke [Controlled phraseological units as representatives of an object in the Karachay-Balkarian language]. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2014, no. 5 (61), pp. 240–244. (In Russian)
- Chertykova M. D.** Somaticheskie frazeologizmy kak sfera soprikosnoveniya tyurkskogo mirovideniya: komponent «serdtse» [Somatic phraseological units as a sphere of contact of the Turkic worldview: the «heart» component]. *The World of Science, Culture, and Education*. 2018, no. 3 (70), pp. 511–512. (In Russian)

СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ЭПОСЕ «ГОРКУТ АТА», КОМПОНЕНТЫ КОТОРЫХ СВЯЗАНЫ ПУТЕМ ПРИМЫКАНИЯ

О. А. Нурыева

*Институт языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули Академии наук
Туркменистана, ул. Пушкина, 13А, Ашхабад, 744000, Туркменистан; email: enesh1961@gmail.com*

Знаменитый эпос «Горкут ата» является одним из ярчайших памятников мирового достояния фольклора, литературы и культуры. Начиная с момента его обнаружения в г. Дрездене более 200 лет назад ведется научное изучение лингвистами фонетических, орфографических, лексических, грамматических и стилистических особенностей этого памятника. Также данный памятник привлекает большое внимание фольклористов, этнографов, историков, культурологов и других ученых. Исследования разных сторон этого многогранного эпоса до сих пор не теряют своей актуальности.

Статья посвящена одному из видов синтаксической связи словосочетания – примыканию – на примере языка эпоса «Горкут ата». Особое внимание уделяется особенностям терминов туркменского языка, называющих разные способы синтаксических связей, отмечается их вариативность. Автор считает целесообразным и правильным использование терминов *ыснышма* 'примыкание', *ылалашма* 'согласование', *эйерме* 'управление'. В языке исследованного письменного памятника частотны словосочетания, синтаксически связанные путем примыкания, главный компонент которых выражен существительным, а зависимое слово – другими именными частями речи. Встречаются словосочетания, зависимый компонент которых выражен причастием, наречием, деепричастием. Компоненты, не оформленные какими-нибудь грамматическими формами, соединяются друг с другом семантически. В некоторых случаях главный компонент словосочетания может принимать грамматические показатели для связи с другими словами в предложении. В ходе исследования выявлены случаи слабого и тесного примыкания. Делается вывод о том, что синтаксическая связь компонентов словосочетаний, образованных путем примыкания в языке эпоса «Горкут ата», имеет сходство с синтаксической связью компонентов словосочетаний, образованных путем примыкания в современном туркменском языке.

Ключевые слова: язык эпоса «Горкут ата», терминология, синтаксическая связь, словосочетание, примыкание.

WORD COLLOCATIONS IN THE EPIC «GORKUT ATA», THE COMPONENTS OF WHICH ARE CONNECTED BY ADJUNCTION

Ogulsapar A. Nuryeva

*Magtymguly Institute for Language, Literature, and National Manuscripts of the Academy of Sciences of
Turkmenistan, 13A Pushkin Str., Ashgabat, 744000, Turkmenistan; email: enesh1961@gmail.com*

The famous epic «Gorkut Ata» is one of the brightest monuments of the world heritage of folklore, literature, and culture. Since its discovery in Dresden more than 200 years ago, linguists have been conducting a scientific study of the phonetic, spelling, lexical, grammatical and stylistic features of this monument. This monument also receives a great deal of attention of folklorists, ethnographers, historians, cultural scientists and other scientists. Research on various aspects of this multifaceted epic still does not lose its relevance.

The article is devoted to one of the types of syntactic connection of a word collocation – adjunction – using the example of the language in the epic «Gorkut Ata». Special attention is paid to the features of terms in the Turkmen language, naming different ways of syntactic connections, and their variability is noted. The author considers it expedient and correct to use the terms *ysnishma* 'adjunction', *ylalashma* 'concord', *eierme* 'government'. In the language of the studied written monument, there are often collocations syntactically connected by adjunction, the main component of which is expressed by a noun, and the dependent word is expressed by other nominal parts of speech. There are also collocations a dependent component of which is expressed by a participle, adverb, and adverbial participle. Components that are not formed by any grammatical forms are connected to each other semantically. In some cases, the main component of a word collocation may take grammatical indicators to connect with other words in a sentence. The study revealed cases of weak and close adjunction. It is concluded that the syntactic connection of the components

in word collocations formed by adjunction in the language of the epic «Gorkut Ata» has similarities with the syntactic connection of the components in word collocations formed by adjunction in the modern Turkmen language.

Keywords: language of the epic «Gorkut Ata», terminology, syntactic connection, word combination, adjunction.

Введение

Словосочетания играют главную роль в процессе построения предложения, являющегося основной синтаксической единицей текста. Компоненты словосочетания в туркменском языке связываются между собой различными способами: посредством аффиксов, с помощью послелогов, также связь может быть формально не выражена. В случае, когда компоненты словосочетаний соединяются путем примыкания, соединение компонентов словосочетания происходит путем следования этих компонентов в установленном порядке, семантически и интонационно.

В туркменском языкознании наименования способов синтаксической связи в словосочетаниях отличаются определенной вариативностью. Туркменский ученый Т. Гузучиев проанализировал термины, называющие способы связи между компонентами словосочетаний. Ученый отметил, что А. Аннануров использует термины «*гошулыш* ‘присоединение’, *ылалашык* ‘согласование’, *доландыр-мак* ‘управление’» [Аннануров, 1974, с. 84], а Г. Сарыев обозначает те же понятия терминами *ыснышма* ‘сближение’, *ылалашма* ‘согласование’, *эерме* ‘управление’ [Сарыев, 1972, с. 33–34]. В монографии «Современный туркменский язык» под редакцией профессоров П. Азимова, М. Н. Хыдырова, Г. Сопиева те же самые понятия обозначены терминами *янашма* ‘примыкание’, *ылалашма* ‘согласование’, *эерме* ‘управление’ [Азимов, Хыдыров, Сопиев, 1962, с. 50]. В академическом издании «Грамматика туркменского языка» под редакцией профессоров Б. Чарыярова и Г. Сарыева виды синтаксической связи словосочетаний обозначаются терминами *ыснышма* ‘примыкание’, *ылалашма* ‘согласование’, *уйдурма* ‘управление’ [Чарыяров, Сарыев, 1977, с. 27–50]. М. Й. Хамзаев именует эти способы связи компонентов словосочетания терминами *ыснышма* ‘примыкание’, *ылалашма* ‘согласование’, *эерме* ‘управление’, или ‘зависимая

связь’ [Хамзаев, 1969, с. 168–171; Гузучиев, 1993, с. 22]. Исследователь Т. Гузучиев отмечает, что ни один из вышеприведенных терминов не является ошибочным, и он прав в своем мнении о том, что нужно придерживаться единства при выборе терминов: «...это очень удобно в учебно-педагогических работах. В общем, в науке множественность терминов не приводит к хорошему результату. С нашей точки зрения, в этом вопросе будет полезным использование терминов *ыснышма* ‘примыкание’, *эерме* ‘управление’, которые применял Г. Сарыев, потому глаголы *ыснышмак* ‘примыкать’, *эермек* ‘управлять’ также полностью подходят семантически, связывая определяющее и определяемое, главный и зависимый компоненты словосочетания. Но в то же время нельзя считать ошибочными термины *янашма* ‘примыкание’, *уйдурма* ‘управление’, *доландыр-ма* ‘управление’. Но все-таки использование какого-либо подходящего термина является целесообразным. Это поможет избежать множественности терминов» [Гузучиев, 1993, с. 22].

Мы также считаем правильным положение о том, что в туркменском языке способы связи компонентов словосочетаний целесообразно именовать терминами *ыснышма* ‘примыкание’, *ылалашма* ‘согласование’, *эйерме* ‘управление’. Мы использовали эти наименования при анализе синтаксических связей компонентов словосочетаний, встречающихся в эпосе «Горкут ата». Очень важно проследить связь между компонентами словосочетаний, образованных путем примыкания в языке эпоса «Горкут ата».

Основная часть

Мы отмечали ранее, что в туркменском языкознании для наименования такого способа связи компонентов словосочетаний, как примыкание, ученые использовали термин *ыснышма* ‘примыкание’. В подобных словосочетаниях компоненты следуют в строгой

последовательности: в большинстве случаев зависимый компонент идет впереди главного компонента, и он связывается с главным без каких-либо аффиксов. В словосочетаниях, компоненты которых синтаксически связаны путем примыкания, главный компонент выражается глаголом или существительным, а зависимый – именными частями речи (прилагательное, числительное, местоимение, существительное и др.).

В результате анализа текста эпоса «Горкут ата» были обнаружены словосочетания, компоненты которых связаны между собой путем примыкания. Большая роль в языке эпоса отводится словосочетаниям, главный компонент которых выражен существительным, а зависимое – прилагательным.

Примеры: *yügrük suwdan* ندوص کرکوی [ГА, с. 27] ‘через быстротечную воду’ [здесь и далее – досл. пер. автора]; *(i):nçe (billi)* ызу ыз ың [ГА, с. 25] ‘с тонким (станом) девушку’; *gara tag* غاد [ГА, с. 38] ‘черная гора’; *gara eşşek* کششای [ГА, с. 38] ‘черный ишак’; *göm-gök çemen* نىمىج یوگ-مگ [ГА, с. 38] ‘зеленый луг’; *esgi panbuk* قىبىمپا یکسا [ГА, с. 38] ‘ветхий хлопок’; *gar (r)y duşman* ىراق [ГА, с. 38] ‘давний враг’; *keser gyljyly* ىن حىن ىلىق رسک [ГА, с. 39] ‘своего режущего меча’; *gara öwlerin* ىن رلویا اراق [ГА, с. 39] ‘их черные дома’; *ajy suwlar* ىج ىن رالوس [ГА, с. 39] ‘горькие воды’; *a:gja tenim* منت هج غا [ГА, с. 26] ‘белое мое тело’; *yalñu:zja ogul* لوغا هج زوکلاى [ГА, с. 26] ‘единственный сын’; *ýalan söz* نالای [ГА, с. 40] ‘лживое слово’; *gara otaglar* اراق [ГА, с. 47] ‘черные комнаты’; *gara keçe* رالقاتوا [ГА, с. 47] ‘черная кошма’; *gara goýun* هجىك اراق [ГА, с. 47] ‘черный баран’.

В языке эпоса «Горкут ата» между компонентами словосочетания, выраженными именными частями речи, не представлены другие слова, что связано с сочетательными особенностями именных частей речи.

Примеры: *a:l şera: byñ* ىن بارش لا [ГА, с. 22] ‘красного вина’; *gyzyl düwe* هود لزیق [ГА, с. 20] ‘красный верблюд’; *gözel daglarda* ارال غاد لزوگ [ГА, с. 48] ‘на прекрасных горах’; *gurulu ýaýa* [ГА, с. 14] ‘настроенному луку’; *goşa badam* ماداب اشوق [ГА, с. 14] ‘парный миндаль’; *ta:r agyzlym* مىل زى غا راد [ГА, с. 14]

‘с узким ртом’; *gara keçe* هجك هرق [ГА, с. 12] ‘черная кошма’; *gara goýun* نوىق هرق [ГА, с. 12] ‘черный баран’; *gara bagyr* وغوب اراق [ГА, с. 42] ‘черная печень’; *ta:tlu ja:n* ىن اناج ولتط [ГА, с. 29] ‘сладкая жизнь’; *söwgüli gardaş* ىلىگوس [ГА, с. 42] ‘любимый брат’; *ogry köpek* ىرللىق [ГА, с. 44] ‘пес-вор’; *ak süýdün* ناد ىن دوس [ГА, с. 30] ‘белого молока’; *tañ ýelleri* ىرللىق [ГА, с. 48] ‘утренние ветры’; *gaba ökjäm* ىرللىق [ГА, с. 15] ‘громоздкие пятки мои’; *alja ga:nyñ* ىن اناج هج لا [ГА, с. 15] ‘алуя твою кровь’; *gaty gazap* بضق ىتق [ГА, с. 16] ‘очень яростно’; *uly toý* ىوط ىلوا [ГА, с. 16] ‘большая свадьба’.

В случае, если главный компонент словосочетания, связанный с главным путем примыкания, выражен существительным, а зависимый компонент – прилагательным, то главному слову могут подчиняться несколько слов. В таких случаях смысловое значение главного компонента передается полностью. Главное слово зависимого компонента, состоящего из нескольких слов, примыкает к главному компоненту словосочетания. Примеры словосочетаний такого рода встречаются в языке эпоса «Горкут ата»: *at ýimeýen a:jy otlar* رالتوا ىح ىن ىمى تا [ГА, с. 39] ‘горькие травы, которые не едят кони’; *gara polat u:z gyljym* ىرللىق زوا تالوب هرق [ГА, с. 15] ‘из черной стали мой красивый меч’; *a:g бүрçekli, ezzetli, janym ene* ىرللىق [ГА, с. 30] ‘милая, священная моя мама с белыми кудрями’; *çigin guşly jübbe to:n* ىرللىق [ГА, с. 20] ‘халат с плечом, как у птицы’; *akan tury suwlardan* ىرللىق [ГА, с. 21] ‘с текучими прозрачными водами’; *gögsi gözel gaba ta:ga* ىرللىق [ГА, с. 21] ‘громоздкие горы с красивыми хребтами’; *a:g sakally goja:nyñ* ىرللىق [ГА, с. 21] ‘старик с белой бородой’; *ä:rgury ýatan a:la ta:gdan* ىرللىق [ГА, с. 22] ‘от поперек лежащей пестрой горы’; *salkum-salkum tañ ýelleri* ىرللىق [ГА, с. 23] ‘прохладные утренние ветры’; *gara guýma gözleri* ىرللىق [ГА, с. 25] ‘черные с прорезью очи’; *gu: r (u)-gu: ru ça:ýlara* ىرللىق [ГА, с. 26] ‘сухим-сухим ручьям’; *gara to:nly derwişlere* ىرللىق [ГА, с. 26] ‘дервишам в черных хала-

тах’, *boz atlu Hyzyr* روض ولتا زوب [ГА, с. 30] ‘Хызыр на буром коне’; *a:g tö:zlije gaty ýa:ýuny* ىنى ىاى ىتاق هچ لزوت غا [ГА, с. 33] ‘белый бугристый крепкий лук’.

При связи компонентов словосочетаний путем примыкания зависимый компонент синтаксически связан с главным. Главный компонент словосочетания принимает грамматические показатели для связи с другими словами в предложении. Примеры употребления словосочетаний достаточно частотны в тексте письменного памятника «Горкут ата». Приведем примеры: *agyr hazyna*: ىنى زخ رغا [ГА, с. 27] ‘тяжелое сокровище’; *gara başym* مشاب هرق [ГА, с. 27] ‘черная моя голова’; *a:g boýnuna* ىنى ىوب غا [ГА, с. 31] ‘белой его шее’; *a:lja ga:ny* ىنى اق هچ ل [ГА, с. 25] ‘красная его кровь’; *a:l ýañaklym* ملق اكى ل [ГА, с. 14] ‘моя краснощекая’; *gara saçlym* مىلچاس اراق [ГА, с. 14] ‘моя черноволосая’; *a:g otaga* غا [ГА, с. 13] ‘в белую комнату’; *gyzyl otaga* لزق [ГА, с. 13–14] ‘в красную комнату’; *gaba ta:glara* هرق غاظ هبق [ГА, с. 13] ‘громоздким горам’; *alçak kişileri* ىنى رلىشك قچ ل [ГА, с. 13] ‘малодушных людей’; *a:ly sözlerü* ىل زوس ىج [ГА, с. 16] ‘горьких слов’; *a:la ça:dyryň* مل [ГА, с. 16] ‘твою полосатую палатку’.

Компоненты подобных словосочетаний семантически связываются друг с другом. В языке эпоса «Горкут ата» встречаются словосочетания, связанные путем примыкания, зависимый компонент которых выражен местоимением, а главный – существительным. Примеры: *bu kişi* ىشىكى وب [ГА, с. 43] ‘этот мужчина’; *bu gün* نك [ГА, с. 14] ‘этот день’; *ol buga* اغوب لوا [ГА, с. 17] ‘тот бык’; *bu gatla* ملتاق وب [ГА, с. 18] ‘этот водозабор (шлюз)’; *bu oglana* ىنى اغوا وب [ГА, с. 20] ‘этому мальчику’; *galyň oguzuň* ىنى زوغا نلاق [ГА, с. 21] ‘всех огузов’; *bu suç* وب [ГА, с. 30] ‘эта вина’; *bu günä*: h ىنى وب [ГА, с. 30] ‘этот грех’; *bu ýaradan* ىنى دارى وب [ГА, с. 30] ‘этот творец’; *ol na: merd* ىنى قرق لوا [ГА, с. 32] ‘те малодушные’; *birniçe müddetden soňra* هچ ىنى رى [ГА, с. 17] ‘после некоторого времени’.

Также в языке эпоса «Горкут ата» отмечены словосочетания, связанные путем примыкания, зависимые компоненты которых выражены числительными, а главные – суще-

ствительными. В таких словосочетаниях зависимый компонент может быть выражен простым и сложным числительным, например: *bir ýigidiň* ىنى دىگى رى [ГА, с. 38] ‘одного парня’; *iki gözüniň* ىنى ىنى ىكى [ГА, с. 39] ‘обоих глаз’; *üç ýüz on ýaşuny* ىنى ىش ىنى نوا زوى چوا [ГА, с. 40] ‘триста десять лет’; *iki gardaş* ىنى ىكى [ГА, с. 41] ‘два брата’; *bir gün* ىنى ىكى [ГА, с. 47] ‘один день’; *kyrk ýigidin* ىنى ىكى قرق [ГА, с. 13] ‘сорока парней’; *bir agzy* رب ى ذغ [ГА, с. 16] ‘один вход’; *bir oglan* رب نالغوا [ГА, с. 17] ‘один мальчик’; *on baş ýaşynda* ىنى ىش ىنى نوا [ГА, с. 17] ‘пятнадцати лет’; *bir bugasy* ىنى ىسى اغوب رب [ГА, с. 17] ‘его один бык’; *üç kişi* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 17] ‘три человека’; *üç oglan* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 18] ‘три мальчика’; *tümen goýun* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 20] ‘десять тысяч овец’; *kyrk na:merd* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 25] ‘сорок малодушных’; *ilk(i) a:wyydyr* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 25] ‘первая добыча’; *üç kerre* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 30] ‘три раза’; *ýedi dere* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 40] ‘сем ущелий’; *iki talusynyň* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 18] ‘его два хребта’.

В тексте проанализированного письменного памятника встречаются словосочетания, связанные путем примыкания, зависимый и главный компоненты которых выражены существительным. Например: *han baýandyр* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 47] ‘Баяндыр хан’; *Derse han* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 13] ‘Дерсе хан’; *selwi boýlu*: m ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 49] ‘мой кипарисовый стан’; *gü: (ý)z almasyna* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 14] ‘осеннему яблоку’.

В эпосе «Горкут ата» также представлены словосочетания, связанные рассматриваемым способом, оба компонента которых выражены существительными, а главный компонент стоит в форме какого-либо падежа. Например: *Osman nesliniň* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 37] ‘Османского рода’; *ata adyn* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 40] ‘репутацию отца’; *oguz begleri* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 19] ‘огузские беки’; *gadyn enemiň* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 26] ‘моей матери катун’; *han babamyň* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 27] ‘моего отца хана’; *ta:g çeçegi* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 30] ‘горного цветка’; *at aýagy* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 31] ‘конской ноги’; *ozan dili* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 31] ‘язык озана’; *altun jydasyn* ىنى ىسى ىكى [ГА, с. 33] ‘золотую корону’.

В языке эпоса «Горкут ата» выявлены словосочетания, оба компонента которых не принимают какие-либо морфологические показатели либо первый их компонент морфологически не оформлен, а второй компонент принимает форму принадлежности. Например: *Gorkut ata* توقروق اتا [ГА, с. 37] ‘отец Горкут’; *Kadyr tañry* یرنات رداق [ГА, с. 38] ‘все-вышний Кадыр’; *han babamyň* کنمابب ناخ [ГА, с. 27] ‘моего отца хана’; *ene rehmine* نەنیمحر ان [ГА, с. 40] ‘жалости матери’; *gü: (ý)z almasyna* گۈ: (ی)ز آلماسینا [ГА, с. 14] ‘осеннему яблоку’.

В проанализированном письменном памятнике встречаются словосочетания, зависимые компоненты которых выражены причастиями, наречиями, деепричастиями. Если зависимый компонент словосочетания представляет собой наречие или глагольную форму, то главный его компонент будет выражен глаголом.

Приведем примеры словосочетаний, зависимые компоненты которых выражены деепричастиями: *alubany ordasyňa gitdiler* ینبولان اولوب اورداسینا گیتدیلر [ГА, с. 30] ‘взяв, ушел в орду’; *sürüb gidedir* سۈرۈپ گیدیدیر [ГА, с. 37] ‘погнав, пошли’; *ýýýe bilmez* ۈیۈیۈیۈ بیلmez [ГА, с. 38] ‘не сможет съесть’; *ýazylyb, düzülib i:ndi* ۈیۈیۈیۈ یۈیۈیۈیۈ یۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 41] ‘вытянувшись, построившись, спустились’; *gulak uryb diňleýende* (15) گۈلک ۈیۈیۈیۈ دیڭلەيۈەندە [ГА, с. 42] ‘когда, развесив уши, прислушивается’; *tyka-basa (i)ýer* تۈكە-باسا (ی)ۈیر [ГА, с. 4] ‘запихивая, будет есть’; *dy:zyn basub oturanda* دی:زین باسۇپ اوتۇراندە [ГА, с. 42] ‘когда сидел, налегая на колено’; *çeküib aldy* (22) چەكۈیۈپ آلدی [ГА, с. 21] ‘дернув, взял’; *alub geldi* اولوب گەلدی [ГА, с. 22] ‘взяв, пришел’; *alubany ýöneldiler* ینبولان ۈیۈیۈیۈ یۈنەلدیلر [ГА, с. 32] ‘взяв, направились’.

Примеры словосочетаний, зависимые компоненты которых выражены причастными формами, а главные – существительными: *ýatajak ýerim* ۈیۈیۈیۈیۈ یریم [ГА, с. 44] ‘место, где собираюсь спать’; *ölen adam* اولغان ادام [ГА, с. 38] ‘умерший человек’; *çykan ja: n* چۈكەن جا: ن [ГА, с. 38] ‘вышедшая душа’.

Словосочетания, зависимый компонент которых выражен наречием, а главный – глаголом: *i:gülü: ulalur* ۈیۈیۈیۈیۈ اولالور [ГА, с. 17] ‘ухаженный вырастет’; *bir ýa:zyn, bir güýzi:n sawaşdyrarlardy* بىر ۈیۈیۈیۈیۈ, بىر گۈیۈیۈیۈیۈ سەۋاشدىرارلاردا [ГА, с. 14] ‘однажды весной, другой раз осенью давали побороться/потягаться’; *hela:k kylydy* ھەلا:ک کۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 18] ‘пострадал’; *ö:ri turdy* ۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 14] ‘встал’; *näler oldy* نەلەر اولدی [ГА, с. 14] ‘как получилось’; *bellü bilgil* بېللۈ بېگىل [ГА, с. 15] ‘знай ясно’; *hamyla oldy* ھامىلا اولدى [ГА, с. 17] ‘стала беременной’; *götin-götin gitdi* گۈتۈن-گۈتۈن گىتدی [ГА, с. 18] ‘пошел задом’; *gaty urdy* گاتى ۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 18] ‘сильно побил’; *hoş ola* ھوش اول [ГА, 20] ‘будь хорошим’; *artyk ola* ارتىك اول [ГА, с. 20] ‘быть лишним’; *gaty gazab eýleye* گاتى ۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 21] ‘с сильной злобой относится’; *saglen-so: luna göz gezdirdi* سەگلەن-سە: لۇنا گۆز گەزدىردى [ГА, с. 25] ‘посмотрел направо-налево’; *uzu:n olmuş* ۈزۈ:ن اولمۇش [ГА, с. 29] ‘стал длинным’; *sapa-sag oldy* سەپە-سەگ اولدى [ГА, с. 31] ‘стал здоровым’; *tutsag oldy* تۇتساگ اولدى [ГА, с. 32] ‘стал пленным’.

В словосочетаниях, образованных путем примыкания, зависимый и главный компоненты, выраженные именными частями речи, при тесной связи позиционно закреплены, связь между ними формально не выражена, между компонентами таких словосочетаний какие-либо слова не встраиваются. Известно, что такую синтаксическую связь словосочетаний ученые именуют тесным примыканием. В то же время отмечается, что внутри словосочетаний, синтаксически связанных примыканием, могут стоять слова, которые согласуются с другими словами в предложении. Такую связь именуют слабым примыканием [Сарыев, 1972, с. 50–51], [Häzirki zaman türkmen dili, 1962, с. 16]. В некоторых случаях, когда зависимые компоненты выражены причастиями, наречиями, деепричастиями, в силу строгого порядка слов в предложении они не могут позиционно находиться рядом с главным компонентом, и между ними может стоять другое слово. В таком случае существующие тесные связи между компонентами словосочетания разрываются.

В языке эпоса «Горкут ата» есть примеры тесного и слабого примыкания. Примеры тесного примыкания: *a:g boýnuna* ەنەنەنەنەنەنەنە [ГА, с. 31] ‘белой шее’; *a:lja ga: nu* ەلجا گە: نۇ [ГА, с. 25] ‘алую кровь’; *a:l ýañaklym* ەل ۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 14] ‘моя краснощекая’; *ta:tlu ja:nyň* تە:تلۇ جا:نۇڭ [ГА, с. 14] ‘однажды весной, другой раз осенью давали побороться/потягаться’; *hela:k kylydy* ھەلا:ک کۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 18] ‘пострадал’; *ö:ri turdy* ۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 14] ‘встал’; *näler oldy* نەلەر اولدی [ГА, с. 14] ‘как получилось’; *bellü bilgil* بېللۈ بېگىل [ГА, с. 15] ‘знай ясно’; *hamyla oldy* ھامىلا اولدى [ГА, с. 17] ‘стала беременной’; *götin-götin gitdi* گۈتۈن-گۈتۈن گىتدی [ГА, с. 18] ‘пошел задом’; *gaty urdy* گاتى ۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 18] ‘сильно побил’; *hoş ola* ھوش اول [ГА, 20] ‘будь хорошим’; *artyk ola* ارتىك اول [ГА, с. 20] ‘быть лишним’; *gaty gazab eýleye* گاتى ۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 21] ‘с сильной злобой относится’; *saglen-so: luna göz gezdirdi* سەگلەن-سە: لۇنا گۆز گەزدىردى [ГА, с. 25] ‘посмотрел направо-налево’; *uzu:n olmuş* ۈزۈ:ن اولمۇش [ГА, с. 29] ‘стал длинным’; *sapa-sag oldy* سەپە-سەگ اولدى [ГА, с. 31] ‘стал здоровым’; *tutsag oldy* تۇتساگ اولدى [ГА, с. 32] ‘стал пленным’.

В языке эпоса «Горкут ата» есть примеры тесного и слабого примыкания. Примеры тесного примыкания: *a:g boýnuna* ەنەنەنەنەنەنەنە [ГА, с. 31] ‘белой шее’; *a:lja ga: nu* ەلجا گە: نۇ [ГА, с. 25] ‘алую кровь’; *a:l ýañaklym* ەل ۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 14] ‘моя краснощекая’; *ta:tlu ja:nyň* تە:تلۇ جا:نۇڭ [ГА, с. 14] ‘однажды весной, другой раз осенью давали побороться/потягаться’; *hela:k kylydy* ھەلا:ک کۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 18] ‘пострадал’; *ö:ri turdy* ۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 14] ‘встал’; *näler oldy* نەلەر اولدی [ГА, с. 14] ‘как получилось’; *bellü bilgil* بېللۈ بېگىل [ГА, с. 15] ‘знай ясно’; *hamyla oldy* ھامىلا اولدى [ГА, с. 17] ‘стала беременной’; *götin-götin gitdi* گۈتۈن-گۈتۈن گىتدی [ГА, с. 18] ‘пошел задом’; *gaty urdy* گاتى ۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 18] ‘сильно побил’; *hoş ola* ھوش اول [ГА, 20] ‘будь хорошим’; *artyk ola* ارتىك اول [ГА, с. 20] ‘быть лишним’; *gaty gazab eýleye* گاتى ۈیۈیۈیۈیۈ [ГА, с. 21] ‘с сильной злобой относится’; *saglen-so: luna göz gezdirdi* سەگلەن-سە: لۇنا گۆز گەزدىردى [ГА, с. 25] ‘посмотрел направо-налево’; *uzu:n olmuş* ۈزۈ:ن اولمۇش [ГА, с. 29] ‘стал длинным’; *sapa-sag oldy* سەپە-سەگ اولدى [ГА, с. 31] ‘стал здоровым’; *tutsag oldy* تۇتساگ اولدى [ГА, с. 32] ‘стал пленным’.

كناج [ГА, с. 29] ‘сладостную твою душу’;
 söwgüli gardaş شادراق ىلىگوس [ГА, с. 42]
 ‘любимый брат’; *ogry köpek* ىرغوا [ГА,
 с. 44] ‘кобель-вор’.

Примеры слабого примыкания в языке исследуемого письменного памятника: *Ol kyrk na:merd babaňy ýo: ldaşlary babaňy tutdylar* لىدتوت ىنكباب ىرلشادلوى ىنكباب درمان قرق [ГА, с. 32] ‘Эти сорок малодушных товарищей отца взяли его в плен’; *Galkubany, ýeriňden ö:ri turgyl!* لغروط ىروا ىندكرى ىنبوقلق [ГА, с. 32] ‘Восстав, встали с места!’, *Ýata-ýata ýa:nymyz a:gyrды* درغا زمناى اتى اتى [ГА, с. 38] ‘Отлежали наши бока’.

Заключение

На основе анализа языка эпоса «Горкут ата», а именно компонентов словосочетаний, образованных путем примыкания, можно прийти к определенным выводам касательно синтаксического пути развития туркменского языка в период Средневековья. Выяснено, что словосочетания, образованные путем примыкания, демонстрируют определенные различия в синтаксических связях. Как и в современном туркменском языке, так и в языке эпоса зависимый компонент словосочетания позиционно закреплён, находясь перед главным компонентом. Зависимый компонент может выражаться разными частями речи (прилагательным, числительным, местоимением, существительным, наречием, а также глагольными формами: причастием, деепричастием), главный также выражается именными частями речи и глаголами. Синтаксическая связь компонентов словосочетаний, образованных путем примыкания в языке эпоса «Горкут ата», имеет сходство с синтаксической связью компонентов словосочетаний, образованных этим же способом в современном туркменском языке.

Сокращения

ГА – Дрезденский список эпоса «Gorkut ata».

Литература

- Annanurow A.** Dil biliminiň esaslary. Aşgabat: Ylym, 1974. 320 c.
- Guzuçyýew T.** Türkmen diliniň ýazuw ýadygärliklerinde ýönekeý sözlemiň aýyklaýjy agzalary. Aşgabat: Ylym, 1993. 239 c.
- Hamzaýew M. Ý.** Türkmen diliniň morfologiýasynyň we sintaksisiniň meseleleri. Aşgabat: Ylym, 1969. 269 c.
- Häzirki zaman türkmen dili. Sintaksis. Aşgabat: Türkmen döwlet uniwersitetiniň tipografiýasy, 1962. 311 c.
- Nartyýew N., Penjiýew M., Myradow A.** Häzirki zaman türkmen dili. Sintaksis. Aşgabat: Ylham, 1998. 336 c.
- Saryýew G.** Türkmen edebi dilinde söz düzümleri. Aşgabat: TDU tipografiýasy, 1972. 136 c.
- Türkmen diliniň grammatikasy. II bölüm. Söz düzüminiň we ýönekeý sözlemiň sintaksisi. Aşgabat: Ylym, 1977. 279 c.

References

- Annanurow A.** Dil biliminiň esaslary. Aşgabat, Ylym Publ., 1974, 320 p. (In Turkmen)
- Guzuçyýew T.** Türkmen diliniň ýazuw ýadygärliklerinde ýönekeý sözlemiň aýyklaýjy agzalary. Aşgabat, Ylym Publ., 1993, 239 p. (In Turkmen)
- Hamzaýew M. Ý.** Türkmen diliniň morfologiýasynyň we sintaksisiniň meseleleri. Aşgabat, Ylym Publ., 1969, 269 p. (In Turkmen)
- Häzirki zaman türkmen dili. Sintaksis. Aşgabat, Türkmen State University Publ., 1962, 311 p. (In Turkmen)
- Nartyýew N., Penjiýew M., Myradow A.** Häzirki zaman türkmen dili. Sintaksis. Aşgabat, Ylham Publ., 1998, 336 p. (In Turkmen)
- Saryýew G.** Türkmen edebi dilinde söz düzümleri. Aşgabat, TDU Printing House, 1972, 136 p. (In Turkmen)
- Türkmen diliniň grammatikasy. II bölüm. Söz düzüminiň we ýönekeý sözlemiň sintaksisi. Aşgabat, Ylym Publ., 1977, 279 p. (In Turkmen)

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ПРИВЕТСТВИЯ В ТЕКСТЕ ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ «АЛБЫНЧЫ»

М.Д. Чертыкова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: chertikova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7467-4388

Изучение текстов хакасского героического эпоса с позиций лингвофольклористики сегодня очень актуально в связи с тем, что в современной тюркологии активно развиваются комплексные исследования, выполняемые на стыке лингвистики, фольклористики, культурологии. Также в обществе выражен активный интерес к хакасскому героическому эпосу. В статье дается описание лексических выражений процесса приветствия на материале хакасского героического сказания «Албынчы». По сути, это есть концептуальное образование, включающее такие лексические слои, как «заход в юрту», «приветствие», «начало приема пищи за золотым столом», отражающее определенный момент из жизни богатырей. Ключевыми в данном описании являются общетюркское обозначение приветствия *изен/изеннес*- и его синоним монгольского происхождения *минди/миндилес*-. На материале текстов хакасских героических сказаний значения слов *минди/миндилес*- и *изен/изеннес*- 'здравствуй; здорово', 'здороваться, приветствовать друг друга' совпадают, и в тексте каждый из них выполняет функцию уточнения. Аффикс возвратного залога -с- в основе данных глаголов десемантизировался: они выражают не только взаимное (здороваться друг с другом), но и однонаправленное действие (здороваться с кем-либо). Обсуждение этой проблемы связано с явлением синонимической дублетности/варьирования, которая является традиционным во всех тюркских фольклорных текстах. Соответственно, традиция использования синонимов в клишированных выражениях и конструкциях в языке героических сказаний формировалась на протяжении ряда веков под влиянием мировоззренческого и мыслительного уклада наших предков.

Ключевые слова: хакасский язык, героическое сказание «Албынчы», процесс приветствия, концепт, синоним, клише.

LEXICAL DESIGNATION OF THE GREETING PROCESS IN THE TEXT OF THE KHAKASS HEROIC TALE «ALBYNCHY»

Maria D. Chertykova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: chertikova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7467-4388

The study of texts of Khakass heroic epic with regard to linguo-folklore studies is highly relevant today due to the fact that complex research is actively developing in modern Turkology, carried out at the junction of linguistics, folklore, and cultural studies. There is also a strong interest in Khakass heroic epic in the society. The article describes the lexical expression of the greeting process based on the material of the Khakass heroic legend «Albynchy». Actually, this is a conceptual formation that includes such lexical layers as «entering a yurt», «greeting», «starting a meal at the golden table» reflecting a certain moment in the heroes' lives. The common Turkic designation of a greeting *izen/izennes*- and its synonym of Mongolian origin *mindī/mindiles*- are essential in this description. Based on texts of Khakass heroic tales, meanings of the words *mindī/mindiles*- and *izen/izennes*- 'hello; hi', 'to greet; to exchange greetings' coincide, and in the text each of them performs the function of clarification. The reflexive voice affix -s- has been desemanticized in the stem of these verbs: they express not only mutual (to exchange greetings), but also unidirectional action (to greet someone). The discussion of this matter is related to the phenomenon of synonymous doublet/variation, which is traditional in all Turkic folklore texts. Hence, the tradition of using synonyms in cliched expressions and constructions in the language of heroic tales has been forming over a number of centuries under the influence of the ideological and mental structure of our ancestors.

Keywords: Khakass language, heroic legend «Albynchy», greeting process, concept, synonym, cliché.

Введение

Проблема исследования языка тюркских героических сказаний активно обсуждается в работах междисциплинарного характера, что способствует развитию нового направления – лингвофольклористики. В ряде работ язык героических сказаний тюркских народов изучается с семантико-когнитивной, функционально-стилистической, лингвокультурологической и других точек зрения [Ондар, 2020; Ахматова, 2022 и др.]. Также имеется немало работ, посвященных различным вопросам языковой структуры хакасских героических сказаний [Субракова, 2007; Чертыкова, Каксин, 2020; Чертыкова, Каксин, 2023; Чебочакова, 2022; Чугунекова, 2022 и др.].

Основная часть

Цель нашего исследования состоит в выявлении и описании языкового выражения фрагмента приветствия эпических персонажей на материале хакасского богатырского сказания «Албынчы» [Албынчы, 2018]. Описание ситуации приветствия богатырей является обязательным элементом в эпических произведениях. В нашей картотеке имеется богатый языковой материал, репрезентирующий данный пласт лексики, где ключевыми словами являются общетюркское обозначение приветствия *изен/изеннес*- и его синоним монгольского происхождения *миндi/миндiлес*-. Очевидно, что обсуждение данной темы связано с вопросом синонимической дублетности/варьирования, который является традиционным во всех тюркских фольклорных текстах. Подобное явление, хотя и не так часто, как в тюркских языках, встречается также в славянском фольклоре, например, рус.: *суженый-ряженный, путь-дорога, печалиться-кручиниться* и т. д. Несмотря на широкую распространенность, фольклорная синонимия на материале тюркских героических сказаний еще не становилась предметом специального исследования. Однако в некоторых работах затрагивается вопрос использования синонимов как элементов традиционной стилисти-

ческой специфики фольклорного текста [Конунов, 2016; Хертек, 2017].

Общеизвестно, что синонимы – это близкие и/или тождественные по значению слова, отличающиеся тонкими оттенками значений, а также особенностями стилового употребления, эмоциональной окраски, экспрессии и др. Синонимический ряд есть один из уровней лексической организации любого языка. В качестве доминанты синонимического ряда выступает стилистически нейтральная лексема, которая содержит в своей семантической структуре наиболее общую смысловую основу всех членов синонимического ряда. Однако фольклорная синонимия несколько отличается от общепринятого понятия синонимии. В данную категорию включаются не только отдельные лексические единицы, но и клишированные выражения и конструкции, где могут синонимизироваться два и более слова, например: *Izik aзып, iki тас / Изеннес турадырлар, / Иркин алтан, iki тас / Миндiлес турадырлар* [А, с. 80] – ‘Открывая двери, двое слуг / Здравуются, / Перешагивая порог, двое слуг / Здравуются’. В этом предложении видим две синонимические пары: *ас*- ‘переваливать, переходить’ // *алта*- ‘перешагивать’ и *изеннес*- // *миндiлес*- с общим значением ‘здороваться, приветствовать друг друга’.

В «Хакасско-русском словаре» лексема *изен* представлена таким образом: «1) здоровый, в добром здравии; {...}; 2) (приветствие при встрече, пожелание) здравствуй; {...}; *Изен салып, хыс чахсы, изеннезип, турыбысхан* (фолькл.) – ‘Приветствуя, достойная дева здоровается’; {...}» [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 117]. В хакасском языке лексема *изен*, помимо приветствия, выражает еще и значения ‘здоров; здоровье’, ‘жив; живой’, но глагол *изеннес*- «1) приветствовать кого-л., здороваться с кем-л.; {...}; 2) *взаимн.* от *изеннирге* здороваться друг с другом, приветствовать друг друга; {...}» [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 117], в отличие от нее, обозначает только процесс приветствия. В представленной в «Этимологическом словаре тюркских языков» словарной дефиниции этого слова выделены 8 значений: «1) здоровый; {...};

2) спокойный; {...}; 3) благополучный; {...}; 4) здравствуй(те); {...}; 5) умный, разумный; {...}; 6) свободный; {...}; 7) нетронутый, верный; {...}; 8) истинный, подлинный, достоверный» [Севортян, 1974, с. 308]. Авторы данного словаря допускают среднеперсидское происхождение этого слова, поскольку «...В. Банг и другие исследователи установили значения данного слова в поздне-среднеперсидском, совпадающие со значениями *есен* в тюркских языках» [Севортян, 1974, с. 308]. В ряде тюркских языков данная лексема действует как многозначная лексическая единица.

Фольклорный дублетный вариант рассмотренной выше лексемы *минді* «устн. здравствуй; прост. здорово; *Иркін алтап минді тирчедір* (фолькл.) – ‘Переступив порог, [он] здоровается’; *паза тогасханча, изен-минді* до следующей встречи (будь здоров)!» [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 245] имеет монгольское происхождение. Установлено, что семантика и фонетический облик монгольских заимствований в хакасском и других сибирских тюркских языках не обнаруживают значительных изменений. Подобное явление В.И. Рассадина объясняет «длительным двуязычием, возникшим в результате или сильного языкового влияния монголов, или же участием в этногенезе монголоязычных групп населения» [Рассадина, 2019, с. 253]. Данный факт подтверждается и на лексеме *мэнд* «1. 1) Здоровье, благополучие; {...}; *эрүүл мэндийн бичиг* ‘санитарная книжка; справка’; {...}; 2) привет; *мэнд хүргэх* ‘передавать привет’; {...}; 2. Благополучно; *мэнд өнгөрөв* ‘все прошло благополучно’; *мэнд сайн явлаа* ‘съездил благополучно’; {...}; 3. Осведомляться о здоровье; передавать привет; *мэнд амар байна уу?* ‘здравствуйте!’; *мэнд амархан* ‘благополучие’; *мэнд асуух / мэнд мэдэх* ‘справляться о здоровье, приветствовать (при встрече)’; {...}» [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001, с. 252–253]. Такое обозначение приветствия распространилось и на другие тюркские сибирские языки. По свидетельству Б.И. Татаринцева, помимо указанных общих значений, в тувинском языке можно выделить специализированные значения ‘приветство-

вать кого-либо, протягивая к нему обе руки и касаясь ладонями его ладоней’, а сочетание *менди-чагаай!* обозначает ‘до свидания! Будьте здоровы!’ [Татаринцев, 2008, с. 102]. Также на тувинскую лексему *менди* повлияла многозначность его монгольского прототипа. Кроме того, заимствованы и производные формы, например, *мендиле*- ‘здороваться, приветствовать’ [Татаринцев, 2008, с. 103].

На материале текстов хакасских героических сказаний значения слов *минді/минділес*- и *изен/изеннес*- ‘здравствуй; здорово’, ‘здороваться, приветствовать друг друга’ совпадают, и в тексте каждый из них выполняет функцию уточнения. Однако в современном хакасском языке на фоне нетерпимости к лишней семантической нагрузке и стремления любого языка к экономии на разных уровнях такое соответствие нарушилось: один глагол *изеннес*-, вытеснив другой, занял ведущее место, поэтому глагол *минділес*- встречается только в языке фольклора. Аффикс возвратного залога *-с-* в основе данных глаголов десемантизировался: они выражают не только взаимное (здороваться можно друг с другом), но и однонаправленное действие (здороваться с кем-либо). Наш семантико-функциональный анализ монгольских лексических заимствований на материале героического сказания «Албынчы» показал, что «они не обладают разнообразием валентностного/синтаксического потенциала. Структура предложений и клишированных выражений в большинстве случаев являются однотипными» [Чертыкова, 2023, с. 83]. В этом плане случай с глаголами *изеннес*- и *минділес*- – не исключение.

В тексте героического сказания «Албынчы» ситуации приветствия богатырей демонстрируют интенсивность речевого акта и величие богатырей и описываются определенным набором одних и тех же синонимичных ключевых слов, но синтаксически в разных формулировках, например:

✓ *изен-минді*: *Олар іди одырганда, алтын хаалха азылып, / Албынчы анда кіріп килген. / Изен-минді тіп чоохтап, / Алтын сірееге одырыбысхан. / Алтын стол кистінде ікі алып / Ас-тамах чіп одырлар* [А, с. 94] –

‘Пока они сидели, открылась дверь, / Зашел Албынчы. / Говоря «здравствуй(те)», / Сел на золотой трон. / Сидя за золотым столом, / Два богатыря кушают яства»; *Изен-минді ирткенде, хан кізі чоохтап одыр:* / – *Пу ікі тасты стол кистіне одыртыңар, / Ас-тамах чізіннер* [А, с. 81] – ‘После приветствия (букв. когда прошло приветствие) хан говорит: / – Этих двух слуг посадите за стол, / Пусть покушают»; *Түн Хара / Ах өрге ибдең сығып килген, / Удур нас киліп, изен-минді тіп тур:* / *Абый харындас, Албынчы, сині сағып турбын* [А, с. 99] – ‘Тун Хара, / Выйдя из ханской юрты, / Подойдя навстречу, сказал: «Здравствуй, / Старший брат Албынчы, я жду тебя»;

✓ *изен ме, минді бе:* *Изен ме, минді бе, Албынчы, / Иркем-кинцем, – тіп турадыр* [А, с. 120–121] – ‘Ну, здравствуй, что ли, Албынчы, / [Мой] милый, – говорит»; *Харагы чох тас: «Изен ме, минді бе, / Ханназа – ханым, пиглезе – пигім!» – тіп / Хол пиріп, хол тутты. Хан Мирген, хорыхханынаң, / Изен ме, минді бе тіп тапсабысхан* [А, с. 40] – ‘«Здравствуй, что ли, / [Мой] хан, [мой] господин!» – говоря, / Протянул руку. Хан Мирген, испугавшись, / Сказал «здравствуй». На наш взгляд, в отличие от предыдущих обозначений приветствия *изен-минді* в данном случае прибавление к ним вопросительных частиц указывает на неуверенность эпического персонажа в данной ситуации;

✓ *изен сала изеннес-, минді сала минділес-* (букв. кладя приветствие, здоровался): *Хулатай унибөк түсті, / Улуг аалга чидіп, Алып Хан Хыстың / Ах өрге ибіне кірді. / Изен сала изеннезіп, / Минді сала минділес тур Хулатай* [А, с. 62] – ‘Хулатай спустился [с хребта], / Дойдя до большого аала, / Зашел в юрту Алып Хан Хыс. / Здоровается / приветствует Хулатай’. Конструкция *изен сала изеннес-, минді сала минділес-* выражает протекание действия в данный момент;

✓ *изен сала изен тіп тур- / Минді сала минді тіп тур-:* *Арыг хамыс чили мондылызып, / Арыг-сіліг ир чахсылар / Изен сала изен тіп турлар, / Минді сала минді тіп турлар, / Изен-минді ирткенде, ікі алып / Алтын сірееге одырыбыстылар* [А, с. 92] – ‘Качаясь, как чистый камыш, / Мужчины-кра-

савцы / Здороваются (букв. кладя приветствие, говорят «здравствуй») / Два богатыря, когда прошел процесс приветствия, / Сели на золотую скамью»; *Ізік азылып, ікі алып кір килді. / Хулатайның палазынаң Хан Миргеннің палазы, / Ир синіне чит парыбызып, / Изен сала изен тіп турлар, / Минді сала минді тіп турлар. / Изен, минді ирткенде, / Алып Хан Хыс чоохтап тур:* / – *Одырыңар, палаларым, ас-тамах чирге* [А, с. 68] – ‘Дверь открылась, зашли два богатыря. / С сыном Хулатая сын Хан Миргена, / Уже достигнув взрослого состояния, / Здороваются, приветствуют [всех]. / Когда прошло приветствие, / Алып Хан Хыс говорит: / – Садитесь, [мои] дети, кушайте яства’. Конструкция *изен сала изен тіп тур- / Минді сала минді тіп тур-*, как и предыдущая, выражает процесс действия в данный момент, тем самым притягивает к себе логическое ударение. В последнем предложении выражение *изен, минді ирткенде* обозначает переходный этап на другое действие;

✓ *изеннес-, минділес-:* *Изеннезіп, минділезіп, Албынчы / Алтын сірееге одырыбысхан* [А, с. 97] – ‘Поздоровавшись, Албынчы / Присел на золотую скамью»; *Алтын чечпее чидіп, Ай Мирген, / Ах ой адын палгап, тогыс тазор арагазын тудына кірді. / Алтын стол үстүне тургызып, / Изеннезіп, минділезіп прайзынаң, / Арага урар ниме кілеен. / Абахайлар ала сара тургызыбысханнар, / Арачын азын Ай Мирген / Күүледе-саалада урыбысхан* [А, с. 123] – ‘Дойдя до золотого столба, Ай Мирген, / Привязав [своего] бело-сивого коня, зашел, держа в руках девять бурдюков водки. / Поставив (их) на золотой стол, / Поздоровавшись со всеми, / Попросил посуду [чтобы наливать водку]. / Красавицы поставили пестрые чаши, / Ай Мирген водку / С шумом налил в чашки’. Обозначение приветствия глаголами в деепричастной форме *изеннезіп, минділезіп* используется в ситуации, когда некий богатырь, присоединяясь к группе остальных богатырей, совершает другие действия: садится за стол, разговаривает и др.

Как видим, все приведенные здесь лексические обозначения приветствия характеризуются сложностью и разнородностью семантической и сочетаемостной структуры. При

этом они отличаются сходством и близостью значений в концептуализации процесса приветствия, что свидетельствует о длительном многовековом формировании фольклорных традиций.

Заключение

Таким образом, все приведенные здесь и другие имеющиеся в нашем материале репрезентирующие процесс приветствия богатырей дублетные и/или синонимичные лексемы и конструкции являются ключевыми и представляют собой традиционные символические образования. Почти все застывшие в определенных словоупотреблениях и клише лексические выражения акта приветствия представляют собой один из общих экстралингвистических факторов не только хакасского, но и всего тюркского фольклорного текста. В общих чертах они отражают один из языковых слоев концептуализации поведения эпических героев. В перспективе данной тематики мы планируем проводить более глубокий и обширный анализ лексических выражений таких логически взаимосвязанных фрагментов описания, как «заход в юрту», «приветствия», «начало приема пищи за золотым столом», из которых складывается концепт, отражающий определенный момент из жизни богатырей.

Литература

- Албынчы. Алыптыг ныхмах (героическое сказание). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2018. 126 с.
- Анжиганова О.П., Баскаков Н.А., Боргояков М.И., Инкижекова-Грекул И.А., Патачакова Д.Ф., Субракова О.В., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е., Кызласов А.С., Сунчугашев Р.Д., Чертыкова М.Д. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Ахматова М.А. Вербализация языковой картины мира в карачаево-балкарском нартском эпосе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2022. 47 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах / под общ. ред А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба. М.: ACADEMIA, 2001. 2007 с.
- Конунгов А.А. Лингвостилистический анализ лексики героических сказаний Н. Улагашева и А. Калкина // Язык и культура алтайцев: современные тенденции развития. Материалы региональной научно-практической конференции. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2016. С. 145–156.
- Ондар М.В. Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 302 с.
- Рассадин В.И. Очерки по истории сложения тюркско-монгольской языковой общности / под ред. А.В. Дыбо. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2019. 608 с.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
- Субракова О.В. Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2007. 164 с.
- Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Том IV. М, Н, О, Ө, П. Новосибирск: Наука, 2008. 440 с.
- Хертек Л.К. Своеобразие эпической синонимии (на материале тувинских героических сказаний) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1–1 (67). С. 49–52.
- Чебочакова И.М. Существительные, образованные посредством аффиксов *-ыг* и *-ыс*, в текстах хакасских героических эпосов «Алтын Арыг» и «Ай Хуучын» // Сохранение и популяризация нематериального этнокультурного наследия: традиции и современность. Сборник материалов Международного научного симпозиума, в рамках IV Международного фестиваля «Встреча шедевров ЮНЕСКО на земле Олонхо». Якутск: [б.и.], 2022. С. 306–308.
- Чертыкова М.Д. Монгольские заимствования в тексте хакасского героического сказания «Албынчы» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. Вып. 1 (39). С. 73–85.
- Чертыкова М.Д., Каксин А.Д. Глагольная репрезентация эмоционального мира богатырей: на материале хакасского героического сказания «Албынчы» // Алтаистика. 2023. № 4. С. 16–26.
- Чертыкова М.Д., Каксин А.Д. Языковое выражение богатырского видения мира: на материале героического сказания «Албынчы» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2020. № 3 (19). С. 14–29.
- Чугунекова А.Н. Особенности употребления дейктических местоимений в текстах

хакасских героических сказаний // Эпосоведение. 2022. № 3 (27). С. 40–49.

References

- Akhmatova M. A.** Verbalizatsiya yazykovoi kartiny mira v karachaevo-balkarskom nartskom epose [Verbalization of the linguistic picture of the world in the Karachay-Balkarian Nart epic]. The author's summary of the thesis for the degree of the Doctor of Philological Sciences. Nalchik, 2022, 47 p. (In Russian)
- Albynch. Alyptyg nymakh (geroicheskoe skazanie) [Albynch. Alyptyg nymakh (heroic tale)]. Abakan, Khakass Publishing House, 2018, 126 p. (In Khakass)
- Anzhiganova O. P., Baskakov N. A., Borgoyakov M. I., Inkizhekova-Grekul I. A., Patachakova D. F., Subrakova O. V., Beloglazov P. E., Kaskarakova Z. E., Kyzlasov A. S., Sunchugashev R. D., Chertykova M. D.** Khakassko-russkii slovar' = Khakas-orys söstik [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khakass and Russian)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' v chetyrekh tomakh [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary in four volumes]. Edited by A. Luvsandendev, Ts. Tsedendamb. Moscow, ACADEMIA, 2001, 2007 p. (In Mongolian and Russian)
- Chebochakova I. M.** Sushchestvitel'nye, obrazovannye posredstvom affiksov -yg i -ys, v tekstakh khakasskikh geroicheskikh eposov «Altyn Aryg» i «Ai Khuuchyn» [Nouns formed by affixes -yg and -ys in the texts of the Khakass heroic epics «Altyn Aryg» and Ai Khuuchyn». In: Sokhranenie i populyarizatsiya nematerial'nogo etnokul'turnogo naslediya: traditsii i sovremennost'. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma, v ramkakh IV Mezhdunarodnogo festivalya «Vstrecha shedevrov YuNESKO na zemle Olonkho» [Preservation and popularization of intangible ethnocultural heritage: traditions and modernity. Collection of materials of the International Scientific Symposium, within the framework of the 4th International Festival «Meeting of UNESCO masterpieces on Olonkho Land»]. Yakutsk, 2022, pp. 306–308. (In Russian)
- Chertykova M. D.** Mongol'skie zaimstvovaniya v tekste khakasskogo geroicheskogo skazaniya «Albynch» [Mongolian borrowings in the text of the Khakass heroic tale «Albynch»]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2023, issue 1 (39), pp. 73–85. (In Russian)
- Chertykova M. D., Kaksin A. D.** Glagol'naya reprezentatsiya emotsional'nogo mira bogatyrei: na materiale khakasskogo geroicheskogo skazaniya «Albynch» [Verbal representation of the emotional world of heroes: based on the material of the Khakass heroic tale «Albynch»]. *Altai Studies*. 2023, no. 4, pp. 16–26. (In Russian)
- Chertykova M. D., Kaksin A. D.** Yazykovoe vyrazhenie bogatyrskogo videniya mira: na materiale geroicheskogo skazaniya «Albynch» [Linguistic expression of the heroic vision of the world: based on the material of the heroic legend «Albynch»]. *Bulletin of M. K. Ammosov Northeastern Federal University. Series: Epic Studies*. 2020, no. 3 (19), pp. 14–29. (In Russian)
- Chugunekova A. N.** Osobennosti upotrebleniya deikticheskikh mestoimenii v tekstakh khakasskikh geroicheskikh skazanii [Features of the use of deictic pronouns in the texts of Khakass heroic tales]. *Epic Studies*. 2022, no. 3 (27), pp. 40–49. (In Russian)
- Khertek L. K.** Svoeobrazie epicheskoi sinonimii (na materiale tuvinskikh geroicheskikh skazanii) [The originality of epic synonymy (based on the material of Tuvan heroic tales)]. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. 2017, no. 1–1 (67), pp. 49–52. (In Russian)
- Konunov A. A.** Lingvostilisticheskii analiz leksiki geroicheskikh skazanii N. Ulagasheva i A. Kalkina [Linguo-stylistic analysis of the vocabulary of heroic tales by N. Ulagashev and A. Kalkin]. In: Language and Culture of the Altaians: Modern Development Trends. Materials of the Regional Scientific and Practical conference. Gorno-Altai, Gorno-Altai Typography, 2016, pp. 145–156. (In Russian)
- Ondar M. V.** Osobennosti yazyka tuvinskikh geroicheskikh skazanii (v sopostavitel'nom aspekte) [Features of the language of Tuvan heroic tales (in a comparative aspect)]. The author's summary of the thesis for the degree of the Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2020, 302 p. (In Russian)
- Rassadin V. I.** Ocherki po istorii slozheniya tyurksko-mongol'skoi yazykovoi obshchnosti [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian linguistic community]. Edited by A. V. Dybo. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019, 608 p. (In Russian)
- Sevortyan E. V.** Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye) [Etymological dictionary of

Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic bases on vowels)]. Moscow, Nauka, 1974, 767 p. (In Russian and Turkic)

Subrakova O.V. Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa [The language of Khakass heroic epic]. Abakan, Khakass Publishing House, 2007, 164 p. (In Russian)

Tatarintsev B.I. Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka. Tom IV. M, N, O, Θ, P [Etymological dictionary of the Tuvan language. Vol. 4. M, N, O, Θ, P]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 440 p. (In Russian and Tuvan)

ПОГРАНИЧНЫЕ ЗОНЫ В СЕМАНТИКЕ ХАКАССКО-УЗБЕКСКИХ МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ СООТВЕТСТВИЙ

М. Д. Чертыкова¹, Г. И. Халлиева²

¹ Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, пр. Ленина, 92, Абакан, 655017, Россия; email: chertikova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7467-4388

² Узбекский государственный университет мировых языков, ул. Кичик Халка Йули, дом 21а, Учтепинский район, кв-л Г-9а, Ташкент, 100170, Узбекистан; email: gulnoz7410@mail.ru; ORCID:0000-0001-5013-0792

Изучение общетюркских лексических элементов в условиях взаимодействия языков является одной из актуальных задач тюркской лингвистики. Особый интерес представляет эволютивная трансформация словарного состава отдельно взятого языка под влиянием других языков. В процессе исторического развития того или иного языка одним из естественных и закономерных факторов развития лексикона является многозначность слова. Статья посвящена функционально-семантическому анализу общетюркских глаголов, функционирующих в хакасском и узбекском языках, выявлению общих и отличительных особенностей в их семантической структуре. В ходе анализа этих глаголов выявили следующие их типы: а) хакасско-узбекские многозначные глагольные соответствия, тождественные во всех лексико-семантических вариантах; б) хакасско-узбекские многозначные глагольные соответствия, выражающие действия, изменения которых происходят в зависимости от семантики объекта; в) хакасско-узбекские многозначные глагольные соответствия, обнаруживающие различия в переносных значениях; г) хакасско-узбекские многозначные глагольные соответствия с переносным специализированным значением. На примере данных глаголов впервые рассматриваются семантические трансформации глаголов на основе их переносных значений, по сути, метонимического, метафорического осмысления языковых явлений. Тем самым предпринимается попытка обозначения проблемы для дальнейших более углубленных сравнительных исследований, что дает возможность выявить глубинную специфику отдельного языка. Данные модели развития многозначности универсальны и свидетельствуют о максимальном сходстве первичных значений и значительном расхождении вторичных, переносных значений.

Ключевые слова: хакасский язык, узбекский язык, глагол, лексическое соответствие, словарная структура, семантика, многозначность.

BORDER ZONES IN SEMANTICS OF KHAKASS-UZBEK POLYSEMOUS VERBAL CORRESPONDENCES

Maria D. Chertykova¹, Gulnoz I. Hallieva²

¹ N. F. Katanov Khakass State University, 91 Lenin Ave., Abakan, 655017, Russia; email: chertikova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7467-4388

² Uzbek State University of World Languages, 21a Kichik Khalka Yuli Str., Tashkent, 100170, Uzbekistan; email: gulnoz7410@mail.ru; ORCID:0000-0001-5013-0792

The study of common Turkic lexical elements in the context of language interaction is one of the vital tasks of Turkic linguistics. The evolutionary transformation of the vocabulary of a particular language under the influence of other languages is of particular interest. In the process of the historical development of a language, one of the natural and regular factors in the development of the lexicon is word polysemy. The article is devoted to a functional and semantic analysis of common Turkic verbs functioning in the Khakass and Uzbek languages, identification of common and distinctive features in their semantic structure. An analysis of these verbs has identified the following types of verbs: a) Khakass-Uzbek polysemy verbal correspondences which are identical in all lexical and semantic variants; b) Khakass-Uzbek polysemy verbal correspondences expressing actions, changes of which occur depending on semantics of an object; c) Khakass-Uzbek polysemy verbal correspondences that reveal differences in figurative meanings; d) Khakass-Uzbek polysemy verbal correspondences with a figurative specialized meaning. Using the example of these verbs, semantic transformations of verbs are considered for the first time on the basis of their figurative meanings, in fact, metonymic, metaphorical understanding of linguistic phenomena. Thus, an attempt is made to set up a problem

for further more in-depth comparative studies, which makes it possible to identify the deep specifics of a particular language. These models of the development of word polysemy are universal and indicate the maximum similarity of primary values and a significant discrepancy between secondary, figurative values.

Keywords: Khakass language, Uzbek language, verb, lexical correspondence, dictionary structure, semantics, polysemy.

Введение

Древнейшие представители тюркской языковой семьи – хакасский и узбекский языки – относятся к различным подгруппам: первый относится к уйгуро-огузской группе тюркской языковой семьи, второй – к карлукско-хорезмийской. Длительные исторические процессы оставили следы в лексике тюркских языков, подвергая их значительным трансформациям в лексико-семантическом и структурном планах. При этом каждый тюркский язык под влиянием других соседних языков в современном глобализирующем мире приобрел свои соответствующие особенности. На сегодняшний день остаются насущными и актуальными вопросы изучения лексических слоев общетюркского фонда в сравнительном плане. Язык как знаковая система является носителем и выразителем национального мировосприятия, при этом его ценностные и смысловые аспекты индивидуальны для каждого этноса.

В сибирской тюркологии имеется немало работ, посвященных исследованию семантической структуры межъязыковых соответствий в синхроническом и диахроническом аспектах [Левин, 2001; Кокошникова, 2004; Широбокова, 2005; Тютешева, Шагдурова, 2021 и др.]. Однако пока недостаточно работ, выполненных в сравнении с языками других групп тюркской языковой семьи. Учитывая полиаспектность и значимость проводимых лингвистических работ, связанных с системностью общетюркской лексики, следует подчеркнуть, что данная проблема более ясно и четко просматривается на стыке отдельных лексических фрагментов конкретно взятых родственных языков.

Основная часть

Цель нашего исследования – лексико-семантический анализ и выявление отличительных и универсальных особенностей

в семантической структуре хакасских и узбекских глагольных соответствий. Материалом для исследования послужили примеры, собранные из двуязычных лексикографических источников. Лексико-семантическому обсуждению подвергаются общетюркские глагольные соответствия, отобранные методом сплошной выборки. Под общетюркскими глагольными соответствиями мы понимаем глаголы, представленные в современных тюркских языках, имеющие общие первичные и корневые системы с возможными фонетическими и семантическими трансформациями.

Общеизвестно, что глагольные лексико-семантические группы (далее – ЛСГ) в любом языке представляют собой наиболее значимые и распространенные парадигматические структуры. Однако при выделении конкретной ЛСГ установление ее границ, которые являются подвижными, нечеткими ввиду имеющихся смысловых связей между глаголами, является нелегкой насущной задачей для лингвистов. Размытость этих границ связана с многозначностью глагольных единиц, которые по наличию того или иного своего лексико-семантического варианта (ЛСВ) в своей семантической структуре, чаще на уровне вторичных значений, могут входить в два или более ЛСГ. Как правило, такие глаголы располагаются в ее периферийной части. В семантике таких многозначных/полисемантических глагольных единиц ключевую роль играет образный компонент, связывающий прямое и переносное значения, а также коннотативные. Наблюдается пересечение не только с другими лексическими группами, но и между подгруппами и разрядами внутри конкретной ЛСГ, например, глаголы со значением эмоции чаще пересекаются с глаголами со значениями речи, поведения, интеллектуальной деятельности, восприятия и др., что объясняется тем, что эмоциональные процессы являются своеобразной составляющей психических состояний человека наряду

с его волевыми проявлениями и интеллектуальными состояниями. Как утверждает Ш. Балли: «Мы никогда не говорим и не мыслим абсолютно рассудочно, но, с другой стороны, эмоциональная доля мысли может быть настолько мала, что ее языковое выражение практически следует зачислить в категорию логического знака. Но верно также и обратное: чувство может господствовать настолько, что идея кажется сведенной к нулю...» [Балли, 1961, с. 23]. В языковом отражении такие смысловые пересечения слов осуществляются главным образом через корреляции их вторичных и переносных значений. Подобное явление приводит к смене категориальных признаков в семантике, как, например, в хакасском языке происходит переход глаголов звучания в разряд глаголов эмоции: *марла-* 1) 'реветь (о животных)'; 2) *разг.* 'реветь; громко плакать (о людях)'; *орла-* 'реветь (о животных)'; *разг.* 'орать, громко плакать (о людях)' и т.д. Таким образом, ряд глаголов в переносном значении может обозначать не только звучание, но и громкий плач человека. Поскольку мы признаем интеллект одним из важнейших признаков разумного существа (в основном человека; с многочисленными оговорками – приматов), а мир таких существ – разнообразным, считаем, что и в языке проводится различие между разными проявлениями названного признака. Тюркские языки имеют способы по-разному высказываться об уме, рассудочности и рассудительности, понимании мира, восприятии речи, получении знания, переработке информации, связи ума с «душой и сердцем», перевода мыслей в речь и т.п. В ходе нашего исследования выявлено, что глаголов, выражающих различные проявления многостороннего процесса мышления и знания, не так уж много, однако за счет своей многозначности они справляются со всеми обозначениями действий, связанных с интеллектом человека [более подробно в: Чертыкова, 2021]. В других тюркских языках также малочисленность ментальных глаголов покрывается их многозначностью. Тем самым происходят внутрисловные перемещения признаков в их содержании. В целом же данные хакасско-узбекские многозначные глагольные

соответствия **тождественны во всех ЛСВ**, ср., например: *хакас.*: *сис-* 1) 'то же, что и *сизин* (в 1 знач.)'; *мал-хус чир тітірірін сисче осхас* 'оказывается, животные предчувствуют землетрясение'; 2) 'разгадывать, отгадывать что-л.'; *сиспекті сизерге* 'отгадывать загадку' [ХРС, 2006 с. 463]; *сизин-* 1) 'чувствовать, предчувствовать, чутать'; 2) 'догадываться, понимать; замечать что-л.'; 3) 'замечать что-л.'; 4) 'остерегаться кого-л., чего-л.' [ХРС, 2006, с. 463–464]; *узб.*: *сезмоқ* 1) 'чувствовать, ощущать, осязать'; *совукни* 'чувствовать холод'; *масъўлиятии* 'чувствовать ответственность'; 2) 'замечать, обнаруживать'; *Кун кеч бўлиб қолганини сезмай қолибмиз* – 'Мы не заметили, что день уже кончился'; *Ер тигиди илон кимирласа сезади* (букв. если под землей пошевелится змея, он почувствует) – 'Он на два аршина под землей видит'; *Ўзингни яхши сезасанми?* – 'Ты хорошо себя чувствуешь?' [УРС, 1988, с. 376]. Как видим, хакасско-узбекское глагольное соответствие *сис-/сизин-/сезмоқ*, как и другие ментальные глаголы, представляет собой сложное понятие, включающее в себя совокупность различного рода семантических компонентов, набор которых определяют условия реализации. В ходе анализа внутрисистемных лексико-семантических пересечений подобных глаголов установлено, что у глаголов интеллектуальной деятельности не только в хакасском, но и в других тюркских языках слабо развиты синонимические и антонимические отношения.

В сфере эмотивной глагольной лексики также часты внутрисловные и межсловные пересечения вербальных средств. Эмоциональные переживания индивида, его отношение к миру и восприятие различных вещей и жизненных событий находят свое выражение в различной форме. В зависимости от индивидуальных особенностей своего внутреннего мира человек говорит, думает, совершает какие-либо поступки, эмоционально реагирует на те или иные раздражители. Некоторые проявления его внутреннего мира бывают визуально видимыми и с помощью системы невербальных знаков доходят до окружающих, некоторая же часть (например, мысли или эмоции) известна лишь самому человеку.

Такая эмоция, как сердитость/злость, человека ощущается в движениях его рук, дрожании его губ, повышении тона речи, изменении цвета лица и др. В зависимости от внутреннего состояния у человека может пересохнуть в горле, прерываться голос. Все эти чувственные и эмоциональные проявления отражаются в языке. Примеры:

хак.: *хорыгарга* 1) ‘бояться, пугаться, испытывать боязнь, страх; трусить’; *набылаанча хорыгарга* ‘дрожать от страха’; {...}; 2) ‘бояться, страшиться, опасаться кого-л., что-л.’; *агырыгдаң хорыгарга* ‘опасаться болезней’; *сидиктердең хорыгарга* ‘бояться трудностей’; *соохтаң хорыгарга* ‘бояться (не переносить) морозов’; *чаадаң хорыгарга* ‘страшиться войны’; {...}; *Харах хорыхча, хол итче* (погов.) – ‘Глаза боятся, руки делают’ [ХРС, 2006, с. 851];

узб.: *кўрқмок* 1) ‘бояться, пугаться, страшиться, трусить, робеть’; *Нимадан кўрқасан?* – ‘Чего ты боишься?’; *Мен ундан кўрқар едим* – 1) ‘Я боялся его’; 2) ‘Я боялся за него’; {...}; 2) ‘опасаться, бояться’; *кўрқа-кўрқа* или *кўрқаниса* ‘боязливо, с опаской, нерешительно’; *кўрқиб-писаб биров келарди* ‘кто-то шел нерешительно’ [УРС, 1988, с. 668]. В семантической структуре хакасско-узбекского глагольного соответствия *хорыгарга* = *кўрқмок* обнаруживаются идентичные два ЛСВ, транслирующие проявление эмоции страха. Отличительная же особенность данных ЛСВ во временном соотношении: в первом случае: ‘страх, испуг в данный момент / в короткий отрезок времени и в определенной ситуации’; во втором же – ‘опасение и страх за кого-л., что-л., сопутствующий человеку продолжительное время (может, всю жизнь)’. Следует особо подчеркнуть, что на реализацию второго признака влияет не только эмоциональный, но и ментальный факторы, т.е. состояние опасения и тревожности у субъекта, как правило, вызывается его определенными негативными предположениями, оценками ситуации и т.д.

В нашем материале большую часть примеров составляют глагольные лексические соответствия, прямые значения которых связаны с объектом, выражающим неодушевленный

предмет или явление. Однако их переносные значения чаще развиты в направлении антропоцентрического потенциала. Тем самым можно выделить хакасско-узбекские многозначные глагольные соответствия, выражающие действия, **изменения которых происходят в зависимости от семантики объекта**, например:

хак.: *сізерге* 1) ‘нарывать’; *салаа сісче* ‘палец нарываает’; *хулах сісче* ‘в ушах нарываает’; 2) то же, что *көберге* в 1 знач.; *харах сіс парган* ‘глаза (т.е. веки) опухли’; *соохха сырай сісче* ‘от мороза лицо отекает’; 3) ‘вздуться, пучить’; *суз сісче* ‘река вздувается’; *чир сісче* ‘земля вздувается’; *харын сісче* ‘живот пучит’; 4) *перен.* ‘дуться, сердиться’ [ХРС, 2006, с. 476–477];

узб.: *шишмоқ* 1) ‘пухнуть, опухать, отекая, заплыть, вздуться, раздуться, вспучиться’; *унинг юзи шишибди* ‘у него щека опухла, щеку разнесло’; 2) ‘надуваться (наполняться газом, воздухом; напрячься, натянуться от ветра)’; 3) ‘разжиреть, растолстеть’; 4) ‘разбогатеть’; *миям (или каллам) шишиб кетди* ‘у меня вспухла голова, у меня ум за разум заходит’ [УРС, 1988, с. 566].

Как видим, расширение семантики хакасско-узбекского глагольного соответствия *сізерге/шишмоқ* ‘нарывать, пухнуть’ в процессе исторического развития закрепило понятийно-ассоциативные смыслы под влиянием национально-культурной специфики этносов. В хакасском языке данный глагол приобретает эмоциональный оттенок (*алыт-чахсы сізібіскен одыр* (фолькл.) ‘богатырь молодец сидит и дуется’, в узбекском – поведенческий (*димоны шишибди* ‘он зазнался, задрал нос’). Подобные примеры свидетельствуют о глубинной сути человеческого мышления, закодированной в языковых знаках.

Важнейшим показателем расширения семантической структуры номинативного глагола путем образного/ассоциативного переноса является его сочетаемость, который становится семантически двуплановым в номинативном и переносно-образном значениях. Существенным изменением в сочетаемости таких глаголов является «...нестандартность, которая и рождает образный смысл» [Сатина,

2000, с. 21]. На примере переносных значений глагольного соответствия *хурирга/куримоқ* ‘сохнуть, высыхать...’ обнаруживается сходство приобретенных признаков по форме и функции в метафорическом пространстве, которые соотносятся со слабеющим здоровьем человека и пожеланием недругу соответствующего состояния. Подобная форма проклятия, возможно, характерна не только для тюркских языков (ср. рус.: *чтоб рука отсохла*):

хак.: *хурирга* 1) ‘сохнуть, высыхать’; *иртире хурирга* ‘пересохнуть’; *читире хурирга* ‘досыхать’; *хуруп парарга* ‘высохнуть, подсохнуть’; {...}; 2) ‘высыхать, засыхать, погибать’; *палчах хурупча* ‘грязь засыхает’; *агас салаазы хуруп парган* ‘ветка отсохла’; {...}; 3) ‘черстветь’; *халас хурупча* ‘хлеб черствеет’; 4) *перен.* ‘высохнуть, худеть’; *ол саңай хуруп партыр* ‘он совсем высох (напр., от болезни)’ [ХРС, 2006, с. 851];

узб.: *куримоқ* 1) ‘сохнуть, высыхать, засыхать’; *кир қуриди* ‘белье высохло’; 2) ‘сохнуть, вянуть, жухнуть’; *қуриган гул* ‘увядшие (засохшие) цветы’; 3) ‘иссыхать, переводиться’; *тинкам қуриб китяпти* ‘я чувствую слабость, меня силы покидают’; *Бозорда картошка қуриб қолибдимиз, шуни олмасанг!* – ‘Что, на базаре картофель перевелся, что ли, чтобы такое покупать!’; 4) ‘сохнуть, отниматься (о членах тела)’; *бир қўли қуриб қолган* ‘у него одна рука отсохла’; *тухуми қуруган ҳайвонлар* ‘вымершие животные’; *Бетинг қурсин!* – ‘Чтоб тебе сгинуть! Чтоб твоего лица мне не видать!’; *Қуриб кет!* – ‘Пропади ты пропадом!’ [УРС, 1988, с. 662].

Расширяют объем группы хакасско-узбекских глагольных соответствий глаголы со значением говорения с ярко выраженными производно-метафорическими значениями. У них более сложная семантическая структура: здесь друг на друга накладываются такие составляющие компоненты, как эмоция, говорение, поведение, на основе которых такие глаголы могут входить в соответствующие ЛСГ, например, в семантике глаголов со значением злости и раздражения могут присутствовать такие семы, как ‘брань’, ‘гнев’, ‘сопровождение гнева какими-либо действиями’. Однако в зависимости от контекста может акцентироваться только один компонент. Подобные глагольные единицы образованы на ассоциативной основе, содержащей сравнение с тем, что названо производящим словом, и мотивированы значениями корней, например, хак.: *чабаллан*- 1) ‘браниться’; 2) ‘злиться’ от *чабал* ‘плохой’; *хазырлан*- 1) ‘браниться’; 2) ‘сви-репет’ от *хазыр* ‘злой, грозный, яростный’. Признак злости в семантике глагола *адайлан*- в представлении носителя языка соотносится с действиями и признаками злой собаки (*адай* ‘собака’).

Далее рассмотрим хакасско-узбекские многозначные **глагольные соответствия, обнаруживающие различия в переносных значениях**, что можно продемонстрировать на словарной дефиниции хакасско-узбекского глагольного соответствия *сурарга/сурамоқ* ‘спрашивать’:

хак.: *сурарга* 1) ‘спрашивать кого-л. о чем-л.; осведомляться’; *кiзiнiң адын сурарга* ‘спрашивать имя’; {...}; 2) ‘просить что-л. у кого-л.’; *ахча сурарга* ‘просить в долг денег’; *полызыг сурарга* ‘просить о помощи’; *хатап сурарга* ‘переспросить’; *чоох сурарга* ‘просить слова’; 3) ‘просить, назначить цену; справиться о цене’; *Пiр хап тоңас уңуң нинче сурчазың?* – ‘Сколько просишь за мешок пшеницы?’; *Халың нинченi сурчалар?* – ‘Сколько калыма просят (родители невесты?)’; 4) просить руки; сватать; свататься; *холын сурарга* ‘просить руки (свататься)’; *Хызын оолгыма сурчам* – ‘Его дочь сватаю за своего сына’ [ХРС, 2006, с. 522]. Четвертый ЛСВ данного глагола ‘просить руки; сватать; свататься’, очевидно, получил развитие от русского выражения *просить руки*;

узб.: *сурамоқ* 1. 1) ‘спрашивать, расспрашивать, справляться’; {...}; 2) ‘просить’; *пул* ~ ‘просить денег’; *ундан нима суранг, ҳаммасы топилади* ‘что у него ни попросишь, все найдется’; *сўраб олмоқ* 1) ‘справиться, узнать (у кого что-л.)’; 2) ‘выпросить (у кого что-л.)’; 3) ‘спрашиваться, просить совета, советоваться’; *ҳеч кимдан сўраб ҳам ўтирмасдан* ‘ни с кем не советуясь, ни с кем не посоветовавшись; никого не спрашиваясь, без спросу’; 4) ‘запрашивать’; *Эгаси юз сўм сўради. Мин этмиш сўм дедим* (А. Қаҳҳор. «Қанотсиз

читтак») – ‘Хозяин запросил сто рублей. Я предложил семьдесят рублей’; 5) разг., фолькл. ‘управлять, править’; {...}; *юрт* ~ ‘управлять страной’; *қўрғой* ~ ‘владеть крепостью, управлять крепостью’ [УРС, 1988, с. 408]. Сложность изучения синтагматических отношений глаголов также связана с механизмом развития их номинативно-производных значений, которые, по сути, не являются образными/метафорическими. На примере глагольного соответствия *сурарга/сурамоқ* ‘спрашивать’ можно проследить постоянную связь производных значений с исходным. В зависимости от объектной закреплённости трансформируется внутренняя форма семантики глагола, например, его производное значение ‘просить что-л. вещественное’ не конкретизирует способ просьбы: при помощи языка, жеста, взгляда или др. Известно, что почти все ЛСВ многозначного слова связаны между собой стержневым понятийным признаком, указывающим на общую связь между ними. Если же при дальнейшем развитии семантической структуры данная связь прерывается, но сохраняется формальная морфологическая оболочка слова, то данные ЛСВ в качестве отдельных лексических единиц переходят в разряд омонимов.

Следующее глагольное соответствие может послужить примером того, как в обоих языках расширение семантики глагола происходит путем сочетания с определенными словами. Образное осмысление глагольного слова, включая ассоциативные связи явлений/процессов, для каждой национальной языковой культуры оказывается индивидуальным, тем самым **переносное значение приобретает специализированный характер**, например:

хак.: *теберге* (*теп-*) 1) ‘толкать, ударять ногой; разг. пинать (о человеке); бить ногами, лягать (о животных)’; *аңдара теберге* ‘толкнуть ногой так, чтобы свалить’; {...}; 2) со словом *чилеңмес* ‘качаться’; *чилеңмес теберге* ‘качаться на качелях’; *Тепсем – тимір, одырзам – оймах (изер)* (загадка) – ‘Пну ногой – железо, а сяду – яма (седло)’ [ХРС, 2006, с. 605–606].

узб.: *тепмоқ* 1) ‘пинать, лягать’; {...}; 2) ‘топтать, протаптывать, утаптывать, затап-

тывать’; *лой* ~ ‘топтать глину, месить глину ногами’; 3) ‘биться (о сердце, пульсе)’; *юррак тепади* ‘сердце бьется’; 4) ‘отдавать (об огнестрельном оружии)’; *Винтовкага қараганда ов милтигы кучлироқ тепади* – ‘Охотничье ружье отдает сильнее, чем винтовка’; 5) ‘выбиваться, пробиваться (на поверхность)’; *қизамиқ сиртга тепди* ‘корь высыпала’; {...}; [УРС, 1988, с. 438–439].

К глагольному соответствию *теберге/тепмоқ* по категориальной семе ‘производить какие-либо действия ногами’ приближено следующее хакасско-узбекское соответствие:

хак.: *типсирге* 1) ‘топтать, вытаптывать, утаптывать; давить ногами’; *чол типсен саларга* ‘вытоптать (проторить) дорожку’; 2) ‘травить, делать протраву’; от *типсирге* ‘потравить всходы травы’; {...}; *перен.* ‘часто заходить к кому-л.; останавливаться у кого-л.’; *туғаннарыбысты типсенчебіс* ‘[мы] часто останавливаемся у родственников (например, когда приезжаем в город)’ [ХРС, 2006, с. 623]. Данный глагол, полностью потеряв смысловую связь с исходным значением, тем самым приобретая статус омонимичной лексемы, перешел в синонимический ряд с доминантным глаголом *хазирга* ‘прокалывать’: *типсирге* ‘проколоть что-л., прикрепить булавкой; прикалывать’; см. *хазирга* [ХРС, 2006, с. 623]. Возможность синонимизироваться со словами другого семантического разряда свидетельствует о самостоятельности слова как лексической единицы. Смысловое расхождение в содержании узбекского аналога данного общетюркского глагола оказалось значительным, чему способствует самостоятельное развитие семантики слова;

узб.: *депсинмоқ* 1) ‘топать, притоптывать’; 2) ‘пинать, бить ногой; понукать (лошадь)’ [УРС, 1988, с. 119]. В отличие от хакасского глагольного варианта *типсирге*, который в сочетании с именами, выражающими человека, приобретает переносное значение на основе метафорической, образной связи действий, можно предположить, что переносное значение узбекского глагола возникло на основе метонимической взаимосвязи: сидя верхом на лошади, производить действия ногами, чтобы лошадь шла/бежала быстрее.

В обсуждениях темы явления многозначности часто выносятся философские умозаключения относительно языка и человеческого мышления. «За полисемией всегда скрывается усилие человеческой мысли в поисках новых и новых средств познания, выражения, экспрессии. За омонимией же ничего не скрывается, кроме игры случая. Как это получается?» – задается вопросом Го Лицзюнь [Го Лицзюнь, 2014, с. 105]. Между тем вопросы разграничения полисемии и омонимии в лингвистике обсуждаются систематически, вырабатываются все новые критерии и способы, а также в эту тематику вовлекаются все новые аспекты.

Выводы

Мы рассмотрели с лексико-семантических позиций хакасско-узбекские глагольные соответствия, которые являются принадлежностью общетюркского лексического фонда. В ходе их анализа выявили следующие типы: а) хакасско-узбекские многозначные глагольные соответствия, тождественные во всех ЛСВ; б) хакасско-узбекские многозначные глагольные соответствия, выражающие действия, изменения которых происходят в зависимости от семантики объекта; в) хакасско-узбекские многозначные глагольные соответствия, обнаруживающие различия в переносных значениях; г) хакасско-узбекские многозначные глагольные соответствия с переносным специализированным значением. В семантической структуре данных типов глагольных соответствий в процессе исторического развития языков выработались отличительные образные значения, соответственно, подверглись изменениям и способы сочетаемостного потенциала. Возникновение переносно-образных значений у глагола приводит к изменениям в парадигматическом плане, открывая им путь для проникновения в другие лексические сферы, что делает границы между тематическими и лексико-семантическими группами слов размытыми из-за имеющихся внутрисловных семантических связей между глаголами. Часто дальнейшее развитие пере-

носного значения слова приводит к прерыванию связи с первоначальным значением и переходу в разряд омонимов. В целом рассмотренные хакасско-узбекские глагольные соответствия свидетельствуют о максимальном сходстве первичных значений и значительном расхождении вторичных, переносных значений. Таким образом, тематика лексической многозначности включает и структурно-семантические параметры языковой системы, поскольку семантика слова находится в прямой зависимости от его сочетаемости. Данные особенности явления многозначности представляются универсальным и в то же время частным отражением развития системности лексики в обоих языках.

Сокращения

Ср. – сравните
Хак. – хакасское
Узб. – узбекское

Литература

- Балли Ш.** Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.
- Го Лицзюнь.** Соотношения между полисемией и омонимией и проблема их разграничения // Publishing House «Analitika Rodis». Language. Philology. Culture. 2014. № 3. С. 103–114.
- Кокошникова О.Ю.** Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2004. 144 с.
- Левин Г.Г.** Лексико-семантические параллели орхонско-тюркского и якутского языков. Новосибирск: Наука, 2001. 187 с.
- Сатина Т.В.** Переносно-образное значение глаголов и их функционирование в художественных текстах: автореф. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2000. 23 с.
- Тюнтешева Е.В., Шагдурова О.Ю.** Глагольные соответствия в тюркских языках Сибири (в сравнении с кыпчакскими языками) // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 234–254.
- УРС – Узбекско-русский словарь / под ред. С.Ф. Акогобиров, Г.Н. Михайлова. Ташкент: Главная редакция советской энциклопедии, 1988. 727 с.

ХРС – Анжиганова О.П., Баскаков Н.А., Боргойков. М. И., Инкижекова-Грекул А.И., Патачакова Д.Ф., Субракова О.В., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е., Кызласов А.С., Сунчугашев Р.Д., Чертыкова М.Д. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Чертыкова М.Д. Ментальные глаголы в хакасском языке. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2021. 160 с.

Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 269 с.

References

Balli Sh. Frantsuzskaya stilistika [French stylistics]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1961, 394 p. (In Russian)

Chertykova M.D. Mental'nye glagoly v hakasskom yazyke [Mental verbs in the Khakass language]. Abakan, N.F. Katanov Khakass State University Publ., 2021, 160 p. (In Russian)

Go Lijun. Sootnosheniya mezhdu polisemiei i omonimiei i problema ikh razgranicheniya [Relationship between polysemy and homonymy and the problem of their differentiation]. Analitika Rodis, Language. Philology. Culture. 2014, no. 3, pp. 103–114. (In Russian)

HRS – Anzhiganova O. P., Baskakov N. A., Borgoyakov M. I., Inkizheкова-Grekul I. A., Patashakova D. F., Subrakova O. V., Beloglazov P. E., Kaskarakova Z. E., Kyzlasov A. S., Sunchugashev R. D., Chertykova M. D. Khakassko-russkii slovar' = Khakas-orys söstik [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khakass and Russian)

Kokoshnikova O. Yu. Semanticheskaya struktura mnogoznachnogo glagola v khakasskom yazyke v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoi Sibiri [The semantic structure of a polysemous verb in the Khakass language in comparison with the Turkic languages of South Siberia]. Novosibirsk, Sova Publishing House, 2004, 144 p. (In Russian)

Levin G. G. Leksiko-semanticheskie paralleli orkhonsko-tyurkskogo i yakutskogo yazykov [Lexical and semantic parallels of the Orkhon-Turkic and Yakut languages]. Novosibirsk, Nauka, 2001, 187 p. (In Russian)

Satina T. V. Perenosno-obraznoe znacheniem glagolov i ikh funktsionirovanie v khudozhestvennykh tekstakh [Figurative meaning of verbs and their functioning in literary texts]. The dissertation for the degree of the Candidate of Philological Sciences. Tambov, 2000. 23 p. (In Russian)

Shirobokova N. N. Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoi Sibiri [The relation of the Yakut language to the Turkic languages of South Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 2005, 269 p. (In Russian)

Tyunteshcheva E. V., Shagdurova O. Yu. Glagol'nye sootvetstviya v tyurkskikh yazykakh Sibiri (v sravnenii s kypchakskimi yazykami) [Verb correspondences in the Turkic languages of Siberia (in comparison with the Kipchak languages)]. In: Criticism and Semiotics. 2021, no. 2, pp. 234–254. (In Russian)

URS – Uzbeksko-russkii slovar' [Uzbek-Russian dictionary]. Edited by S.F. Akobirov, G.N. Mikhailov. Tashkent, The Main Editorial Board of the Soviet Encyclopedia, 1988, 727 p. (In Russian and Uzbek)

ВЫРАЖЕНИЕ ФРАЗ СКАЗОЧНОЙ ИНИЦИИ В ФОРМУЛАХ

Э.Э. Жуманов

Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, ул. Шахрисабз, 5, Ташкент, 100060, Республика Узбекистан; email: elnazar2186@rambler.ru

В статье подробно рассматриваются зачины, используемые в узбекских народных сказках, их устойчивые связи. Автор выделил клише в сказках особыми элементами и определил формулы, которые легли в основу зачинов. Также была представлена интересная информация сферы применения формул. Примечательно, что сделаны точные статистические данные по начальным формулам в зачинах. Эпическое время в «началах» отличается от реального времени своими сказочными характеристиками и художественно-эстетическими функциями. Эмпирической базой послужила выборка из более 500 сказок из различных изданий узбекских народных сказок. Кроме того, рассмотрено постепенное развитие формул сказочной инициации.

Ключевые слова: сказка, клише, инициальная часть, формула, схема, элемент, зачин, персонаж, фраза.

EXPRESSION OF FABULOUS INITIATION PHRASES IN FORMULAS

Elnazar E. Jumanov

The Institute of the Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 5 Shakhrisabz Str., Tashkent, 100060, the Republic of Uzbekistan; email: elnazar2186@rambler.ru

The article examines in detail the beginnings used in Uzbek folk tales, their stable connections. The author highlighted the clichés in fairy tales with special elements and defined the formulas that formed the basis of the beginnings. Interesting information about the scope of the formulas was also presented. It is noteworthy that the author provided accurate statistical data on the initial formulas in the beginnings. Epic time in the “introductions” differs from real time in its fabulous characteristics and artistic-aesthetic functions. The empirical basis was a selection of more than 500 fairy tales from various editions of Uzbek folk tales. In addition, the author considered the gradual development of fabulous initiation formulas.

Keywords: fairy tale, cliché, initial part, formula, scheme, element, beginning, character, phrase.

Введение

Устойчивые сочетания, употребляемые в начале народных сказок, целесообразно обобщить под названием «формулы в инициальной части», в некоторых случаях – «начальные формулы». В фольклоре время, описанное в сказке, условно обозначается буквой «Т», а место, где происходят события, обозначается буквой «S». Элемент «Е» используется для обозначения героя и самих событий. Символ «V» был выбран в качестве доказательства, подтверждающего истинность событий в произведении.

Мы изучили около 600 сказок в 23 изданиях, в которых были опубликованы узбекские народные сказки, чтобы составить точную статистику по исходным формулам в инициальной части. Примечательно, что в 499 из 550 произведений, представленных читателям как народные сказки, то есть в 90,8 % рассмотренных нами сказок, использовались те или иные закономерности.

Основная часть

Символ «Е₁», обозначающий наличие главного героя или нескольких персонажей, явля-

ется наиболее часто используемым элементом в формулах в инициальной части, а точнее в зачине. Примечательно, что «Е» также может означать значение независимо от элементов, обозначающих время [Т] и пространство [S]. Поскольку «Т» и «S» не могут иметь полного смысла без изображения героя [E₁] и событий [E₂], они не могут образовывать отдельную формулу.

Исключение составили лишь две сказки. В частности, если сказка «Аждар куш» – «Птица-Дракон» [O'zbek xalq ertaklari, 2007, с. 250] начинается со слов: *Ўтган замонда бир катта тоғнинг камарида қўрқинчли гор бор экан* [T₁S₁S₁] – 'В прошлые времена у большой горы была страшная пещера', то сказка «Қиморбоз» – «Азартный игрок» [Олтин олма, 1966, с. 273] начинается со слов: *Қримнинг эски шаҳрида олиймақом, шоҳона бир қаср бор экан* [S₂S₁] – 'В старом городе Крым был величественный царский замок'. Характерной особенностью элемента «E₁» является то, что существующие герои сказок иногда именуются общими именами, а в некоторых случаях – прозвищами и определенными именами.

Стоит отметить, что среди распространенных имен большое внимание уделяется образу правителя. Кроме того, общее количество богатых персонажей вначале больше, чем количество обездоленных персонажей. Эта ситуация является доказательством того, что простой народ с незапамятных времен не был безразличен к жизни высших сословий.

Некоторые произведения из сборников узбекских народных сказок содержат лишь экспозиции в инициальной части, то есть непосредственно описывают события, в них нет стереотипов. Начало событий в сказках обычно определяется элементом «E₂». Исходные формулы, состоящие только из этого элемента, сравнительно чаще наблюдаются в бытовых сказках.

Такие фразы, как *шундай бўлган экан, агар бўлмаганда айтишмасди* 'если бы это было так, если бы не было, не говорили', *қариялар айтаяпти, уларга эса ишониш керак* 'старые люди говорят, и им нужно верить', цитируемые в сказках разных народов, не встречаются

в зачине узбекских народных сказок. Фразы 'как говорится', 'как повествуют' зафиксированы только в наших повествованиях и легендах. Таким образом, элемент «V», подтверждающий правдивость рассказанных событий, является уникальным явлением для узбекских сказок.

Противоположные выражения в речи рассказчика *бир бор экан, бир йўқ экан* – 'было или нет' одна из самых распространенных фраз в узбекских народных сказках. Вариантами выступают следующие формулы: *бор экан-да, йўқ экан* 'было или не было', *бор экан-у, йўқ экан* 'было или нет', *бор экан, йўқ экан* 'было или нет', *бир бўлган экан, бир бўлмаган экан* 'когда-то было или не было'. Данная формула определяется схемой «E₂E₂[∇]». Таким образом, «E₂E₂[∇]» указывает на то, что событие произошло, «E₂[∇]» это отрицает. Следующая фраза *оч экан-да, тўқ экан* 'сытно было или голодно' не только обеспечивает мелодичность, но и уточняет смысл происходящего.

Некоторые исследователи также включают в число инициаций фиксированные соединения, начинающиеся со слов *бир бор экан...* 'жили-были'. Эта фраза выступает в качестве вступления, как готовая, закрепившаяся, стереотипная традиционная формула, и всегда предшествует началу. Выражение *бор экан-да йўқ экан* 'было или не было' состоит из элементов зачина, указывающих на сказочность рассказываемой истории. Эта формула свойственна сказкам, если используются, например, *бир куни Афанди* 'однажды Афанди', *бир куни* 'однажды', то они указывают на жанр анекдота.

Выражение *оч экан-да, тўқ экан* 'сытно было или голодно' взято из жизни, поскольку в жизни людей, животных и птиц естественно быть голодными или сытыми. На наш взгляд, именно такие элементы составляют жизненную основу любой сказки [Бекназаров, 1993, с. 15]. Фраза, начинающаяся с *бир бор экан...* 'жили-были', является характерным признаком сказочного жанра, говоря современным языком, своеобразной визитной карточкой.

Если говорить о генезисе этого выражения, то наиболее полным и правильным вариантом является *бир бор экан, бир йўқ экан* 'когда-то

было или не было'. Смысл данного выражения – существование только одного Бога (Все-вышнего, Аллаха), и нет ничего, кроме него. В частности, в Священном Коране сказано, что все существующие растения, животные и люди были созданы парами. Только Аллах один [Курьони Карим, 1992, с. 25].

Как утверждает доктор филологических наук Ж. Эшонкулов, принципы образного мышления были приоритетными в мировоззрении наших древних предков. В творческом плане они во много раз превосходили людей современности. Если воссоздать *бир бор экан*... ‘жили-были’ в зеркале воображения, то получится примерно следующее предложение: «Сначала был один (единственный) луч-свет». Ее близнеца тьмы не существовало. Всем существам была дана жизнь, и никто еще не познал, не вкусил смерти. Итак, все в мире существовало в единичном виде, и ни у кого не было ни друга, ни врага. Голод, противоположный сытости, трусость – храбрости, смерть, разрушающая живое, появились позже.

Во введении узбекских народных сказок также используются следующие фразы, являющиеся ярким примером искусства садж: *Эртагие эртаги, эчкиларнинг бўртаги, қирғовул қизил экан, қуйруғи узун экан, кўк музга минган экан, мурути синган экан, ғоз карнайчи экан, ўрдак сурнайчи экан, ола қарға азончи, қора қарға қозончи, чумчуқ чақимчи экан, ҳакка ҳакимчи экан, бедана бўзчи экан, тўрғай тўқимчи экан, бўри баковул экан, тулки ясовул экан, тошбақа тарозибон экан, тўнғиз қассоб экан, қурбақа ундан қарздор экан, товуқ қақ этди, билмадим, қаққа кетди. Эртагимнинг эри бор, етти кунлик ери бор, етти кунлик ерида думи калта бўри бор.* – ‘Сказка-присказка, фазан красный,

[illegible]

Как мы видим, эти соединения обозначаются элементом « $E_2^{\hat{v}}$ », точно так же как ‘нет’ в *бор экану йўқ экан* ‘было или не было’.

Эпическое время в «началах» отличается от реального времени своими сказочными характеристиками и художественно-эстетическими функциями. Ученый-фольклорист Д. И. Медриш привязывает отношение этих эпических эпох к реальному времени, выдвигая идею о том, что они не связаны друг с другом [Медриш, 1974, с. 122–124]. Следовательно, такое неоднозначное эпическое время, выраженное в народных сказках, нельзя логически приравнять к историческому времени, хронологической системе времени. Другими словами, «временные указатели во многих случаях могут указывать на неопределенное время, в течение которого происходит событие» [Бахтина, 1975, с. 159]. Эпоха эпического времени, используемая в сказках, уходит в прошлое, в те времена, когда наши предки воспринимали категорию времени (понятие) как проявление вечности [Кодиров, 2004, с. 16].

Действительно, указание времени, когда происходили события сказки, – один из уникальных стилей узбекских сказителей. Непределенное время в таких формах, как: *қадим (ги) замон (лар)да* ‘в древние времена’, *жуда қадим замонда* ‘в очень древние времена’,

¹ Карнай и сурнай – узбекские духовые музыкальные инструменты с похожими названиями, но весьма разные. Сурнай делается из дерева и имеет металлический мундштук с тростниковой насадкой на том конце, в который дуют. Карнай изготавливается из металла, имеет длинную форму.

² Баковул – 1) начальник поваров, готовивших еду и напитки во времена правления Чингисхана и при

дворе Тимуридов; 2) высокопоставленный чиновник в Золотоордынском ханстве, который выполнял такие задачи, как выплата жалованья-улуфа войску, распределение трофеев; 3) в Бухарском эмирате шеф-повар, который сначала сам пробовал ее, прежде чем подать еду правителю.

қадим-қадим замон (лар)да ‘старые древние времена’, бурунги замон (лар)да ‘старые времена’, ўтган замон (лар)да ‘в прошлые времена’, ўтган замонларнинг бирида ‘в прошедших временах’, илгари (ги) замонда ‘в прошлые времена’, узоқ замонларда ‘встарь’, ўтмиш замонда ўтмишда ‘некогда’, эски замонларда ‘в старину’, замонларнинг замонида ‘во времена времен’, замонанинг замонида, қадим айемида ‘во времена времен, в древности’, бир замон (лар)да ‘когда-то’, қадим вақтда ‘в древности’, бир вақтлар ‘когда-то’, вақти замонида ‘во времена’, бир неча юз асрлар илгари ‘несколько веков назад’, бундан кўп йиллар илгари ‘много лет тому назад’, кунлардан бир куни ‘один из дней’, кунларнинг бирида ‘один из дней’, бир куни ‘однажды’, как правило, обозначается «Т₁».

Но есть и места, где время конкретно. Например, события сказки «Боз бола» происходят во «время кочевников» [Ertaklar kitobi, 2012, с. 207]. Герои сказки «Бахтияр» живут «во времена пятого дедушки Амира Алимхана Шамуродхана» [Булбулигўе, 1986, с. 67]. Сказитель сказки «Олим билан подшо» рассказывает о событиях «царства Абдулазизхана» [Ўзбек халқ эртаклари, 1981, с. 236]. Сказка «Джамшид» начинается словами «при жизни Платона» [Луқмони ҳаким, 1990, с. 52]. Предложения с конкретным временем целесообразно отмечать как «Т₂». Время в сказке «Номонзар» зафиксировано своеобразно, а именно фразами «в давние времена, когда молоко текло в арыках¹, верблюды жевали орехи» [Булбулигўе, 1986, с. 40]. Такое время мы отразили символом «Т₃».

Еще одним примечательным моментом является то, что пространство, в котором разворачиваются события в узбекских народных сказках, не ограничивается такими общими определениями, как «одна страна», «один город», в них упоминаются и конкретные топонимы. Учитывая эти обстоятельства, мы сочли необходимым обозначить общие названия, которые означают место, буквой «S₁», а конкретные топонимы – буквой «S₂».

Заключение

Таким образом, следует отметить, что важнейшей функцией инициальных формул в узбекских народных сказках является подготовка слушателей к прослушиванию сказки, описанию времени и места, в которых разворачиваются сказочные события. Представление персонажей и введение в повествование событий – второстепенная задача этих формул.

Литература

- Бахтина В. А.** Время в волшебной сказке // Проблемы фольклора. Москва, 1975. С. 159.
- Бекназаров Қ.** Ўзбек халқ маиший эртаклари: филол. фан. номз... дис. Тошкент, 1993. Б. 15.
- Қодиров К. Н.** Ўзбек сеҳрли эртакларида замон ва макон талқини: филол. фан. номз... дис. Тошкент: 2004. Б. 16.
- Қуръони Карим** Ўзбекча изоҳли таржима ва изоҳлар муаллифи Алоуддин Мансур. Тошкент: Шарқ, 1992. Б. 25.
- Медриш Д. И.** Структура художественного времени в фольклоре и литературе // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Ленинград, 1974. С. 122–124.
- Мусақулов А.** Ўзбек халқ лирикаси. Тошкент: Фан, 2010. Б. 38.
- Булбулигўе. Ўзбек халқ эртаклари. Тошкент: Адабиет ва санъат, 1986. Б. 67.
- Булбулигўе. Ўзбек халқ эртаклари. Тошкент: Адабиет ва санъат, 1986. Б. 40.
- Олтин олма. Ҳаётин эртақлар. Биринчи китоб / Нашрга тайерловчилар: М. Афзалов, З. Ҳусайнова, Т. Ашуров. Тошкент: Бадиий адабиет, 1966. Б. 273.
- Луқмони ҳаким. Эртақлар, нақллар, кулки-ҳикоялар, латифалар / Айтувчи: Нурали Нурмат ўғли. Нашрга тайерловчилар: Т. Мирзаев, З. Ҳусайнова. Тошкент: Адабиет ва санъат, 1990. Б. 52.
- Ўзбек халқ эртаклари. Тўплам. Тошкент: Еш гвардия, 1981. Б. 236.
- Ertaklar kitobi. II jild / Nashrga tayyorlovchilar: K. Imomov, J. Eshonqulov. Toshkent: Tamaddun, 2012. B. 207.
- O'zbek xalq ertaklari. III jildlik. II jild/Tuzuvchilar: M. Afzalov, X. Rasulov, Z. Husainova. Toshkent: O'qituvchi, 2007. B. 250.

¹ Арык – ручей.

References

- Bakhtina V.A.** Vremya v volshebnoi skazke [Time in a fairy tale]. In: Problems of folklore. Moscow, 1975, p. 159. (In Russian)
- Beknazarov K.** Ўзбек xalq maishii ertaklari: summary of the dissertation of the Candidate of Philology. Toshkent, 1993, p. 15. (In Uzbek)
- Bulbulig'ye. Ўзбек xalq ertaklari. Toshkent, Adabiet va san"at, 1986, p. 67. (In Uzbek)
- Bulbulig'ye. Ўзбек xalq ertaklari. Toshkent, Adabiet va san"at, 1986, p. 40. (In Uzbek)
- Kodirov K.N.** Ўзбек sexrli ertaklarida zamon va makon talqini: summary of the dissertation of the Candidate of Philology. Toshkent, 2004, p. 16. (In Uzbek)
- Kuroni K.** Ўзбекcha izoxli tarzima va izoxlar muallifi Alouddin Mansur. Toshkent, Shark, 1992, p. 25. (In Uzbek)
- Luqmoni xakim. Ertaklar, naqlar, kulki-xikoyalar, latifalar / Aituvchi: Nurali Nurmat йrli. Nashrga taierlovchilar: T. Mirzaev, Z. Khusainova. Toshkent, Adabiet va san"at, 1990, p. 52. (In Uzbek)
- Medrish D.I.** Struktura khudozhestvennogo vremeni v fol'klore i literature [The structure of artistic time in folklore and literature]. In: Rhythm, space and time in literature and art. Leningrad, 1974, pp. 122–124. (In Russian)
- Musakulov A.** Ўзбек xalq lirikasi. Toshkent, Fan, 2010, p. 38. (In Uzbek)
- Oltin olma. Xaetii ertaklar. Birinchi kitob / Nashrga taierlovchilar: M. Afzalov, Z. Khusainova,

О СКАЗКЕ «ШАМШИРБОЗ» И ЕЕ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Д. Ч. Игамуратова

Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, ул. Шахрисабз, 5, Ташкент, 100060, Республика Узбекистан; email: igammuratova@mail.ru

В данной статье анализируется сказка «Шамширбоз», записанная от жителя г. Китаб Кашкадарьинской области Узбекистана А. Шукурова и переведенная на русский язык М. Абдурахимовым. В статье анализируется схожесть сюжета этой сказки с другими народными сказками, мастерство переводчика при передаче на русский язык употребляемых в узбекском языке «говорящих» имен и фразеологизмов. Обосновывается применение переводчиком метода синтаксической трансформации. В художественном переводе передача тонкостей одного языка на другой, сохранение национальных особенностей и отражение авторского стиля – чрезвычайно сложный процесс. В процессе перевода фразеологизмов в изучаемом языке не может быть найдено адекватного перевода, соответствующего этим устойчивым сочетаниям. При переводе фразеологизмов и пословиц одного языка на другой переводчик должен хорошо владеть родным языком и фразеологией языка перевода. Ведь «говорящие» имена, оставленные без пояснения или без перевода, неумение отличить фразеологизмы от простых предложений при дословном переводе приводит к тому, что искажается первоначальное содержание произведения. Поэтому при переводе фразеологизмов и пословиц целесообразно использовать различные методы, такие как эквивалентный, калька, лексический перевод.

Ключевые слова: Шамширбоз, сказка, сказитель, перевод, переводчик, синтаксическая трансформация, сюжет, типология, фразеологизмы.

ABOUT THE FAIRY TALE «SHAMSHIRBOS» AND ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN

Dilrabo Ch. Igamuratova

The Institute of the Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 5 Shakhrisabz Str., Tashkent, 100060, the Republic of Uzbekistan; email: igammuratova@mail.ru

This article analyzes the fairy tale «Shamshirboz», recorded from a resident of Kitab, Kashkadarya Region of Uzbekistan, A. Shukurov and translated into Russian by M. Abdurakhimov. The article analyzes the similarity of the plot of this fairy tale with other folk tales, mastery of the translator in translation of charactonyms and phraseological units, used in the Uzbek language, into Russian. The translator's use of the syntactic transformation method is justified. In literary translation, the transfer of subtleties of one language to another, the preservation of national features and the reflection of the author's style is an extremely difficult process. In the process of translating phraseological units in the studied language, an adequate translation corresponding to these stable combinations cannot be found. When translating phraseological units and proverbs of one language into another, the translator must have a good command of the native language and phraseology of the target language. After all, as a result of a word-for-word translation, charactonyms which are left without explanation or without translation and inability to distinguish phraseological units from simple sentences distort the original content of a work. Therefore, when translating phraseological units and proverbs, it is advisable to use various methods, such as equivalent, loan translation, lexical translation.

Keywords: Shamshirboz, fairy tale, storyteller, translation, translator, syntactic transformation, plot, typology, phraseological units.

Введение

Узбекская народная сказка «Шамширбоз» записана в 1957 г. фольклористом Зубай-

дой Хусаиновой от Абдугофура Шукурова, жителя г. Китаб Кашкадарьинской области Узбекистана. Рукопись этой сказки, состоящая из 37 страниц, хранится в архиве Института

узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан под инвентарным номером №1316. Сказка «Шамширбоз» была переведена с узбекского языка на русский Максудом Абдурахимовым под названием «Шамширбоз и его волшебный меч». Впервые эта сказка была опубликована в 1987 г. в сборнике «Жемчужное ожерелье». Позднее в 2023 г. она вновь была опубликована в третьей книге «Змееборство» сборника «Сказки народов Евразии». В этом сборнике приводится оригинал текста на узбекском языке и его перевод на русский язык. Данная статья посвящена анализу схожести сюжета сказки с другими сказками, а также переводу на русский язык использованных в узбекском языке «говорящих» имен и фразеологизмов.

Основная часть

Узбекская народная сказка «Шамширбоз» относится к типу трехчастных сказок, где события логически переплетаются между собой. Сюжет сказки развивается на фоне типичных для традиционных узбекских сказок необыкновенных приключений трех братьев и напоминает сказку «Три брата-богатыря», хотя развитие событий и дидактический вывод носят отличительный характер.

Жил-был бедняк, который всю свою жизнь служил слугой при дворе короля, и было у него три сына. Имя старшего – Юлдузбоз, среднего – Оббоз, а младшего – Шамширбоз. Характерным для таких типов сказок является то, что юноши отправляются на поиски счастья и судьбы с благословения отца, но по ходу событий братья не следуют напутствиям отца и делают то, что хотят. Ослушавшись совета отца, они проводят ночь не в поле, а в глухих чащах. Между тем младший сын, отличающийся от братьев здравым умом, говорит, что следует прислушаться к наставлениям отца, за что братья избивают его и поступают так, как им заблагорассудится. Младший сын, понимая, что слова отца несут глубокий смысл, проводит ночь, не сомкнув глаз. Шамширбоз спасает себя и своих братьев от опасности, убивая почувствовавших чело-

веческий запах ведьму Ялмагыз и ее отроде, которые живут в чаще, а также приносит еду для своих братьев. На вторую ночь два старших брата, послушавшись совета отца, решили провести ночь в цветнике, а не в степи. Место, где ночуют братья, – пристанище дракона, и когда они погружаются в глубокий сон, дракон выходит из своего логова. И в этот раз Шамширбоз вступает в сражение с драконом и одерживает победу над ним. Он вырезает из кожи дракона полоску и обвязывается ею вокруг талии.

Данный эпизод большей частью совпадает со сказкой «Три брата-богатыря». Но в «Трех братьях-богатырях» братья разделяют ночь на три части, по очереди несут караул и приключения происходят именно во время дежурства младшего брата. Он держит эти подвиги в секрете от братьев и забирает свойственную для добычи метку у побежденных. В сказке «Шамширбоз» старшие братья не только упрямые юноши, но и беспечные. Только младший сын непреклонен и бдителен к отцовским словам. Имеется также разница и в опасностях, постигающих братьев в дороге: в сказке «Три брата-богатыря» дракон нападает на братьев в первую ночь, а в данной сказке он нападает во вторую ночь.

Как известно, в народном творчестве этот мотив носит традиционный символический характер. Отправляясь в путешествие, герои сталкиваются с испытаниями на своем пути и, преодолевая их, достигают поставленных целей. В испытаниях: дракон – это человеческое эго, лев – высокомерие, а див – мироздание, представляющее духовно-нравственный мир индивидуума. В этой сказке человеческое эго сравнивается с Ялмагыз и ее сорока отродами, означая, что человеческая алчность имеет не один, а несколько миров желаний и что невозможно достичь цели, не избавившись от этой беды. Дракон в этой сказке служит выражением высокомерия и тщеславия. Действительно, высокомерие – страшная сила в человеке, как дракон, она втягивает человека в омут. Так как младший из богатырей знает себя, свою сущность, он побеждает дракона, но битва эта непростая и длится много вре-

мени. Событием третьей ночи, как в сказке «Три брата-богатыря», считается схватка с разбойниками.

В классической литературе герой, отправившийся в путь, сражается с дивом и побеждает его. Див представлен как символ мироздания: его мощь и превосходство побуждают к постоянному правлению. А в народных сказках мир представлен в образе сорока разбойников. В этом тоже проявляются легкость и простота устного народного творчества. По сути, мир – это мир с людьми. Однако люди безжалостны и жестоки. Ради главной цели необходимо отречься от этого мира, для этого нужно быть храбрым и смиренным, как младший богатырь.

На третью ночь Шамширбоз противостоит сорока разбойникам. Награбленное ими богатство герой возвращает падишаху, который в итоге хочет выдать свою дочь замуж за Шамширбоза. Шамширбоз уступает принцессу старшему брату, так как по традиции старший брат должен жениться раньше младшего. В других сказках в такой ситуации падишах выдает трех своих дочерей замуж за трех братьев, а также выделяет долю из своего государства. Продолжая свой путь со средним братом, они приезжают в другое государство. Выполнив условие дочери короля этой страны, Шамширбоз получает в невесты принцессу, как и было обещано, и выдает принцессу замуж за своего среднего брата. Главный герой один продолжает свой путь и прибывает в какой-то город. Появившемуся в том городе дракону горожане каждый день оставляют на съедение одну девушку и одну овцу. На этот раз настала очередь последней девушки в городе, дочери короля. Шамширбоз яростно сражается с драконом, чтобы спасти девушку. Он убивает дракона и женится на принцессе. Сын визиря, который желал жениться на принцессе, хитростью крадет меч Шамширбоза. Находящегося на грани гибели Шамширбоза спасают его братья. Все три брата вместе со своими женами возвращаются домой.

Для того, чтобы показать характер сказочных героев и достоверно и ярко отобразить события, сказочник использует «говорящие»

имена и национальные фразеологизмы. Охарактеризуем навыки и мастерство переводчика в процессе перевода на русский язык «говорящих» имен и фразеологизмов, использованных в сказке «Шамширбоз».

Пример – в оригинале: *Бор экан-да, йўқ экан, қадимги замонларда бир камбағал одам бор экан. Бу киши подшонинг арконини шипириб хизмат қилиб, умрини ўтказиб қариб қолибди. Бу кишининг уч ўғли бор эди. Каттаконининг номи Юлдузбоз, ўртанчасининг номи Оббоз, учинчисининг номи эса Шамширбоз экан.* – ‘Жил в старые времена один бедный человек. Он служил в подметальщиках при дворе падишаха. У него было трое сыновей. Старшего звали Юлдузбаз – Свет звезды понижающий, среднего Аббаз – На дно вод проникающий, младшего Шамширбоз – Искусно мечом владеющий’ [Сказки народов Евразии, 2023, с. 254]. Как видно из данного примера, сказочник дает персонажам значимые «говорящие» имена. М. Абдурахимов оставляет эти имена без перевода, но после каждого имени поясняет их значение. В именах используется суффикс *-боз*, означающий ‘мастак’. Переводчик, приводя пояснения к этим именам, указывает, мастером какой профессии они являются. Следует также отметить, что в теории перевода до сих пор нет единого мнения о том, следует ли транскрибировать, транслитерировать или переводить значащие «говорящие» имена, встречающиеся в художественных произведениях. К. Чуковский подчеркивал целесообразность передачи их посредством транскрипции, а А. В. Федоров и И. И. Ревзин пришли к выводу, что такие имена лучше транслитерировать [Саломов, 1980, с. 75–76]. По мнению В. С. Виноградова: «Опираясь на свои знания, интуицию и опыт, переводчик обязан определить художественную значимость названного «говорящим» именем персонажа, оценить его литературную роль и функцию, жанровые и стилевые особенности произведения, традиции литератур оригинала и перевода, эпоху создания подлинника и т. п., а иногда даже место этого персонажа в истории национальной литературы» [Виноградов, 2001, с. 148].

Г. Саломов считает, что в узбекском переводе «оставление без перевода вымышленных имен, фамилий, прозвищ, а также названий топонимов в некоторых случаях наносит определенный ущерб художественной ценности произведения» [Саломов, 1980, с. 75–76]. Ю. Пулатов в своей монографии «Перевод имен в художественном произведении» подошел к переводу «говорящих» имен с двух разных позиций: «Первое – особое значение имеет перевод имен, выражающих характер персонажей и название географических местностей, служащих для преувеличения идейного содержания, продвигаемого автором в литературном произведении, а также для полного выражения юмористических моментов в литературном произведении, для ознакомления читателей со стилем писателя. Второе – имена, поясняющие образ и характер персонажа в художественном произведении, в ряде случаев не поддаются переводу» [Пулатов, 1967, с. 55–56]. Переводчик оставляет «говорящие» имена в этой сказке без перевода и комментирует их, используя интерпретацию самого текста. При этом национальный колорит, положенный в основу произведения, сохранил свою самобытность и народность [Игамуратова, 2021, с. 137].

Как известно, пословица является наиболее динамичным жанром устного народного творчества. Она часто встречается и в других жанрах фольклора и выполняет эстетическую функцию. Как отмечает К. Имомов: «Сказки, как и пословицы, неразрывно связаны с пословицами через их дидактический характер. Соответственно, сказки и пословицы имеют больше соразмерности содержания, чем формы» [Имомов, 2008, с. 215]. Отечественные фольклористы высказали мнение, что пословицы, наряду с другими жанрами фольклора, эффективно используются в сказках с целью повышения художественной и эмоциональной выразительности, привития жизненного содержания, проявления воспитательной ценности [Афзалов, 1964, с. 103]. В частности, фольклорист К. Имомов отмечает, что «в сказках пословицы используются для передачи

живого, художественного выражения мнения, логического обоснования идеальной идеи, отрицая негативные действия и ситуации, поощряя добро» [Имомов, 2008, с. 184].

Об этом Й. Рахматов пишет следующее: «Обычно содержание пословиц не является постоянным и стабильным, выражение, вложенное в содержание пословиц, изменяется в зависимости от места его употребления, цели, уровня исполнителя и мировоззрения. В пословицах мысль выражается в лаконичной форме и глубоком содержании, когда идея переносится в сказку, предельно упрощается, излагается в понятной для слушателя форме, обогащая содержание сказки, а в данной ситуации служит для усиления изобразительного состояния» [Рахматов, 2023, с. 111]. Несомненно, в этой сказке пословицы служат для таких задач. Рассказчик широко использовал национальную фразеологию, чтобы ярко выразить характер героев произведения.

В художественном переводе передача тонкостей одного языка на другой, сохранение национальных особенностей и отражение авторского стиля – чрезвычайно сложный процесс. В следующем примере можно наблюдать, как фактически использованная пословица избегает дословного перевода. В сказке приводится такая пословица: *Ey birodarlar, eskidan qolgan bir maqol bor: «O'limning hammasi – bir o'lim», «Osilsang, baland dorga osilginki, oyog'ing erga tegmasin». Shunda ham katta ma'no bor, shuning uchun borsak ham, bir arkoni davlatga boraylikki, ovimiz bir baror topsin, – degandan keyin yigitlar: – Barakallo, e o'g'lon, haqiqatni aytding, – deb dalaga chiqdilar.* – ‘Послушайте меня, удалцы. Недаром говорится: если вешаться, то на высокой виселице. Всякая смерть человеку одинакова. Поэтому я предлагаю: если уж идти на разбой, то на большой разбой: ограбить шахскую казну, забрать все сокровища. Это будет настоящее дело. – Молодец, верно говоришь, приятель, – поддержали его разбойники. – Если уж упасть, так с хорошего коня. Все сорок джигитов вышли из пещеры на поле и обошли со всех сторон шахскую крепость’ [Сказки народов Евразии, 2023, с. 254–255].

Как известно, перевод устойчивых сочетаний, словосочетаний, пословиц, поговорок, изречений – один из самых сложных процессов в переводческой практике. Это объясняется тем, что в процессе перевода фразеологизмов в изучаемом языке не может быть найдено адекватного перевода, соответствующего этим устойчивым сочетаниям. По мнению А.В. Федорова и К. Чуковского, если пословицы и поговорки на языке оригинала переводить дословно, не допуская бессмыслицы в процессе перевода, то в переводном языке могут создаваться и усваиваться новые пословицы и поговорки. По утверждению Г. Саломова: «Перевод пословиц и поговорок других народов требует большого умения и осторожности. В противном случае отражающие национальный менталитет другого народа пословицы превратятся в сухую фразу, а поговорки – в черствое высказывание» [Саломов, 1966, с. 244–245].

Поскольку пословицы, поговорки и идиомы – это единицы, определяющие характер и национальную самобытность каждого народа, небрежность при их переводе может привести к снижению художественной ценности произведения и отходу писателя от первоначальной цели. Ученые-переводчики не зря уделяют этому вопросу серьезное внимание, так как некоторые пословицы и поговорки, фразеологические сочетания при дословном переводе теряют свою суть, мудрость, лежащую в их основе, различные аспекты, присутствующие национальному колориту, основные и переносные значения не находят полного отражения в языке перевода. В это время переводчику необходимо обладать большим мастерством и знать и чувствовать тонкости обоих языков (переводящего и переводимого языка) [Игамуратова, 2021, с. 57]. Поэтому переводчик максимально использует свое художественное мышление и старается сохранить в тексте смысл пословиц.

Пример: Недаром говорится: если вешаться, то на высокой виселице. Всякая смерть человеку одинакова. Поэтому я предлагаю: если уж идти на разбой, то на большой разбой: ограбить шахскую казну, забрать все сокровища. Это будет настоящее дело. – Молодец,

верно говоришь, приятель, – поддержали его разбойники. – Если уж упасть, так с хорошего коня [Сказки народов Евразии, 2023, с. 254–255]. При переводе таких предложений, как *o'limning hammasi – bir o'lim, osilsang, baland dorga osilginki, oyog'ing erga tegmasin* – ‘если вешаться, то на высокой виселице’, ‘всякая смерть человеку одинакова’, М. Абдурахимов эффективно использовал прием синтаксической трансформации.

Как известно, основу синтаксической трансформации составляет изменение синтаксических функций слов и словосочетаний: изменение порядка слов и предложений, опущение, добавление, объединение двух предложений в одно, разделение одного предложения на два, замена простого предложения сложным и замена простым.

В переводе на русский язык наблюдается замена мест пословиц. При дословном переводе на русский язык узбекской поговорки *Osilsang, baland dorga osilginki, oyog'ing erga tegmasin* выступает значение ‘Если вешаться, то на высокой виселице, чтобы ноги до земли не доставали’. Поскольку адекватной этой пословицы в русском языке нет, переводчик передает ее с помощью кальки в краткой форме ‘*Если вешаешься, то на высокой виселице*’, не считая нужным давать вторую часть предложения. Это несколько не принижает перевод. Однако, на наш взгляд, М. Абдурахимов выразил бы эмоционально-экспрессивное состояние более ярко, если бы перевел его эквивалентом ‘*всякая душа вкусит смерть*’.

Русский перевод М. Абдурахимов завершает фразой ‘*если уж упасть, так с хорошего коня*’. Сравнивая оригинал с русским текстом, можно увидеть, что последний претерпел трансформацию и дан более широко. Как мы уже упоминали, синтаксическое служит для расширения его в зависимости от контекста, добавления более подходящих слов. «Преобразования, – подчеркивал Л. Бархударов, – предназначены для достижения адекватности перевода, когда они происходят по определенной причине» [Бархударов, 1975, с. 190]. М. Абдурахимову также удалось оживить и отшлифовать язык произведения, добавив фразеологию в конце текста, чтобы обеспечить

адекватный перевод для русскоязычных читателей.

В узбекских и русских сказках образно описаны расстояние и сложность дороги: *temir kovushni kiyib* – ‘надев железные башмаки’, *temir xassaga tayanib* – ‘взяв железный посох’, *qirq kechayu qirq kunduz* – ‘сорок дней и ночей’.

«*Shamshirboz*» ertagida aka-ukalarni yo'lga otlanib bir makonga kelishini quyidagicha tasvirlanadi: *Yo'l yurib, yo'l yursa ham mo'l yurib, otalari aytganday kech vaqtida oldilaridan bir masjid chiqdi.* – ‘В сказке «Шамширбоз» братья отправляются в путь и приходят к такому месту: Долго ли, коротко ли они шли, и вот, как предсказывал отец, под вечер вышли к одной мечети’ [Сказки народов Евразии, 2023, с. 253].

В этой сказке, рассказанной Абдугофуром Шукуровым, выражение *yo'l yurib, yo'l yursa ham mo'l yurib* является эпической формулой, которая в качестве неизменного сочетания используется в узбекских народных сказках. Эта формула встречается и в русских народных сказках: ‘долго ли, коротко ли они шли’. В обоих языках этот фразеологизм, означающий неопределенное расстояние, образно описывает расстояние, которое герои должны преодолеть, отправляясь в путь, связанный с приключениями, которые постигают их.

Заключение

При переводе фразеологизмов и пословиц одного языка на другой переводчик должен хорошо владеть родным языком и фразеологией языка перевода. Ведь в результате «говорящие» имена, оставленные без пояснения или без перевода, неумение отличить фразеологизмы от простых предложений при дословном переводе могут исказить первоначальное содержание произведения. Поэтому при переводе фразеологизмов и пословиц целесообразно использовать различные методы, такие как эквивалентный, калька, лексический перевод. В переводе сказки «Шамширбоз» М. Абдурахимов добился адекватного перевода, правильно отразив мнение сказочника. Используемые рассказчиком «говорящие» имена, фразеологизмы для передачи исход-

ного смысла в переводе перевыражены простыми предложениями с использованием приемов добавления, расширения и опущения, характерных для синтаксической трансформации, что позволяет читателю добиться полного понимания текста.

Литература

- Афзалов. М.** Об узбекских народных сказках. Ташкент: Фан, 1964. С. 103.
- Бархударов Л. С.** Язык и перевод. Москва: Международные отношения, 1975. С. 190.
- Виноградов В. С.** Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). Москва: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
- Жемчужное ожерелье. Узбекские народные сказки. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1987. 335 с.
- Игамуратова Д. Ч.** Своеобразие узбекских переводов детской приключенческо-фантастической прозы (на примере переводов произведений Н. Носова и А. Некрасова): автореф. д-ра философии (PhD) по филол. наукам. Ташкент, 2021. 137 с.
- Имомов К.** Узбекская народная прозаическая поэтика. Ташкент: Фан, 2008. С. 184, 215.
- Пулатов Ю.** Перевод имен в художественном произведении. Ташкент: Фан, 1967. С. 55–56.
- Рахматов Й. Г.** Пословица и ее эволюция в узбекской классической литературе: филол. фан. доктори (DSc) ... дис. Ташкент, 2023. С. 111.
- Саломов Г.** Перевод пословиц и идиом. Ташкент: Фан, 1980. С. 75–76.
- Саломов Г.** Язык и перевод. Ташкент: Фан, 1966. С. 244.
- Сказки народов Евразии. Змееборство. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2023. 312 с.

References

- Afzalov M.** O'zbek xalq ertaklari haqida. Toshkent, Fan, 1964, p. 103. (In Uzbek)
- Barkhudarov L. S.** Yazik i perevod [Language and translation]. Moscow, International Relations, 1975, p. 190. (In Russian)
- Igamuratova D. Ch.** Svoeobrazie uzbekskikh perevodov detskoi prikluchenchesko-fantasticheskoi prozy (na primere perevodov proizvedenii N. Nosova i A. Nekrasova) [The originality of Uzbek translations of children's adventure and fantasy prose (on the example of translations of works by N. Nosov and A.

- Nekrasov)]. The author's summary of the thesis for the degree of PhD in Philology. Tashkent, 2021, 137 p. (In Russian)
- Imomov K.** O'zbek xalq nasri poetikasi. Toshkent, Fan, 2008, p. 184, 215. (In Uzbek)
- Jemchujnoye ojerele.** Uzbekskiy narodnie skazki [The pearl necklace. Uzbek folk tales]. Tashkent, Gafur Gulyam Publishing House of Literature and Art, 1987, 335 p. (In Russian)
- Pulatov Yu.** Badiiy asarda nomlar tarjimasi. Toshkent, Fan, 1967, pp. 55–56. (In Uzbek)
- Rakhmatov Y.G.** Maqol va uning uzbek mumtoz adabiyotidagi evolyutsiyasi. Dissertation for the degree of PhD in Philology. Toshkent, 2023, p. 111. (In Uzbek)
- Salomov G.** Maqol va idiomalar tarjimasi. Toshkent, 1980, pp. 75–76. (In Uzbek)
- Salomov G.** Til va tarjima. Toshkent, Fan, 1966, p. 244. (In Uzbek)
- Skazki narodov Yevrazii. Zmeyeborstvo [Fairy tales of the Eurasian peoples. Snake fighting]. Elista, Kalmyk State University Publ., 2023, 312 p. (In Russian)
- Vinogradov V.S.** Vvedeniye v perevodovedeniye (obshchiye i leksicheskiye voprosy) [Introduction to translation studies (general and lexical issues)]. Moscow, Publishing House of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Sciences, 2001, 224 p. (In Russian)

ЗАМЕТКИ О ДАСТАНЕ «КУНДУЗ И ЮЛДУЗ», ИСПОЛНЕННОМ ЭРГАШЕМ ДЖУМАНБУЛБУЛЬ ОГЛЫ

Б. Т. Мирзаева

Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, ул. Шахрисабз, 5, Ташкент, 100060, Республика Узбекистан; email: mirzayeva-70@mail.ru

В статье анализируются научные заметки Ходи Зарифова в исследовании эпоса «Кундуз и Юлдуз». Впервые ныне известный дастан был подготовлен к печати Ходи Зарифовым в 1963 г. Данный труд представляет собой академическое издание. Запись дастана «Кундуз и Юлдуз» была сделана во время экспедиции в с. Кыркшоди, где в это время проходила большая свадьба. Сказитель Эргаш шаир был одним из приглашенных гостей на свадьбу. Сказитель, исполняя эпос, виртуозно в текст дастана вводил происходящие на свадебной церемонии события, а именно обычаи, обряды, ритуалы, все органично вплетая в ткань эпоса в рамках эпической традиции.

Ключевые слова: сказитель, эпос «Кундуз и Юлдуз», словарь, фольклор, текст, заметки, тема, мотивы, термины.

NOTES ON DASTAN «KUNDUZ AND YULDUZ» PERFORMED BY ERGASH JUMANBULBUL OGLY

Barno T. Mirzaeva

The Institute of the Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 5 Shakhrisabz Str., Tashkent, 100060, the Republic of Uzbekistan; email: mirzayeva-70@mail.ru

This article analyzes Khodi Zarifov's scientific notes in the study of epic "Kunduz and Yulduz". For the first time, the now famous dastan was prepared for publication by Khodi Zarifov in 1963. This work is an academic publication. Dastan "Kunduz and Yulduz" was recorded during the expedition in the village of Kyrkshodi, where a big wedding was taking place at that time. Storyteller Ergash Shair was one of the invited guests at the wedding. The narrator, performing the epic, masterfully introduced the events taking place at the wedding ceremony into the text of dastan, namely, customs, rituals, rites, seamlessly wove them into the fabric of the epic within the framework of the epic tradition.

Keywords: storyteller, epic «Kunduz and Yulduz», dictionary, folklore, text, notes, theme, motifs, terms.

Введение

В фольклоре народов мира широко распространён сюжет о близнецах, и его мотивы занимают важное место в образцах узбекского устного народного творчества. В узбекской фольклористике сюжет близнецов был рассмотрен в работах Х. Зарифова, Т. Мирзаева, М. Саидова, К. Имомова, Б. Саримсокова, М. Жураева, А. Мусакулова. Распространённый сюжет про близнецов встречается в эпических сказаниях: «Кундуз и Юлдуз», «Эрали и Шерали», «Юсуф и Ахмад», «Алибек и Болибек», «Ширин и Шакар». Судьба близнецов, потерявших родителей в младенчестве

из-за клеветы мачехи, их приключения, разлучение друг с другом, различные социальные явления невероятно красиво и реалистично изображены в варианте сказителя Эргаша шаира.

К тексту эпоса «Кундуз и Юлдуз» Ходи Зарифовым сделаны важные многочисленные примечания, свидетельствующие о глубоких знаниях эпосоведа. Работая над дастаном «Кундуз и Юлдуз», Ходи Зарифов особое внимание уделял тексту дастана, сопровождая его специальными комментариями и словарями, что значительно облегчило понимание текста и его интерпретацию. Подготовленный ученым к публикации дастан «Кундуз и Юлдуз»

является своего рода образцом по подготовке будущих подобных изданий. Выработанные Ходи Зарифовым принципы подготовки научных изданий, включая примечания, специальные комментарии, различные указатели и словари, являются основой для издания академических трудов.

Основная часть

Впервые дастан «Кундуз и Юлдуз» был издан в 1963 г., а в 1973 г. он был переиздан академиком Т. Мирзаевым. В третьем томе пятитомника «Песни Бульбуля» были собраны дастаны Эргаша Джуманбульбуля оглы [Булбул тароналари, с. 320]. Данный сборник является одним из академических изданий. В аннотации книги кратко описывается содержание дастана, наглядно демонстрируется научная точность, присущая Ходи Зарифову.

В узбекском народном дастане «Кундуз и Юлдуз» поднимаются темы дружбы и человечности, преданности родине и народу, любви и взаимной привязанности между родителями и детьми, особенно между матерью и сыновьями, освещаются в различных аспектах мотивы несправедливости и бесчестия. Это произведение также связано с известным героем народных дастанов – Гороглы.

В предисловии автором выделены наиболее важные текстологические наблюдения. В кратком изложении передана основная суть содержания, указывается о достоверной принадлежности дастана «Кундуз и Юлдуз» к циклу «Гороглы», серия включает в себя более сорока дастанов, определена эпоха его создания, к сожалению, не указан сказитель-учитель, данный дастан имеет широкое распространение и пение в народе.

Остановимся на одном из важных эпизодов дастана. Авазхан, получив благословение от отца, отправляется в путь, чтобы найти красавицу в десять раз краше дочери Ахмада Сардара. В одной местности, увидев, что мастер-верзила держит что-то, а Юлдуз стоит, протягивая ему трубку (чилим), Авазхан просит у нее трубку. Тогда Юлдуз говорит Авазхану:

*Йигитсан, қўлласин пири ғойибинг,
Отдан тушиб чексанг борми майибинг,
От устидан қила бердинг ҳукумат,
Бу ерда йўқ олиб қўйган ойиминг* [Кундуз билан Юлдуз, с. 9].

‘Ты молод, пусть тебя поддерживают твои покровители, ты же не калека, сможешь слезть с лошади и закурить? Сидя на лошади, не приказывай, здесь нет тебе прислужницы’.

В приведенном отрывке общий смысл понятен, однако чувствуется какая-то недосказанность для полного восприятия содержания четверостишия. В частности, к слову *хукумат* ‘правительство’ Ходи Зарифовым сделан комментарий, и данное слово заменено на слово *буйруқ* ‘приказ’. Таким образом, комментарий, состоящий из этого единственного слова, вносит недостающую ясность в суть строк. Таких поясняющих комментариев, размещенных на страницах книги, около сорока.

К книжному изданию ученый также прилагает специальный словарь, разъясняющий значение около четырехсот слов и понятий эпоса. В этот словарь ученый-наставник включил взятые из эпоса непонятные слова и словосочетания, имена и понятия и сравнил их с такими же словами и названиями из «Девону луготит тюрк» и «Зоологической энциклопедии». Это приложение-словарь является результатом многочисленных исследований, дилемм, ресурсов и неустанной работы над текстом, что дает основание относить его к самостоятельному словарю. Ходи Зарифов, говоря о словарном богатстве произведений узбекского устного народного творчества, отметил следующее: «Научная и художественная ценность фольклорных произведений определяется их лексикой. В целом каждое слово и выражение народного языка нашли свое достойное место в фольклорных произведениях. Эта богатая лексика важна для изучения истории узбекского языка, путей развития диалектов, поскольку он считается одним из основных источников обогащения нашего литературного языка. При подготовке фольклорных произведений к публикации необходимо полностью сохранить их словарный запас... Как известно, в каждом издании

приводится словарь трудных для понимания слов. В таком словаре следует избегать ошибочных и запутанных толкований, заведомо рискуя или опираясь на ложную этимологию» [Зарифов, с. 133–135]. Как известно, каждое словесное описание – это небольшое самостоятельное произведение. В фольклорных произведениях важно правильно интерпретировать каждое сложное для понимания слово. Ходи Зарифов, прекрасно знающий это, в своем приложении-словаре к изданиям дастанов обращает особое внимание на толкование каждого слова.

Толкование исторических слов, значения которых сегодня частично или полностью забыты, названий устаревших предметов, вышедших из употребления, но сохранившихся в фольклорных произведениях, важно для придания им новой жизни и расширения возможностей их употребления в период нового развития языка. В частности, слова, связанные с такими историческими терминами, как: *асабадор, додхоҳ, жебачи, иноқ, мирохӯр, муниши, муфти, оталиқ, раис, салом оғаси, туг беги, чўроғаси, шигавул, эл оғаси, эшик оғаси, ҳудайчи*. Пояснения названий древних боевых оружий отличаются четкостью, краткостью и доходчивостью. Например, значение слова *раис* ‘председатель’ чрезвычайно широко. Ходи Зарифов объясняет его значение только тогда, когда оно употребляется в дастанах: «Раис является должностным лицом, который проверяет своевременное выполнение населением религиозных обязанностей на основании законов и требований шариата и в то же время соблюдает принятые нормы взвешивания весов на рынке, имеющий право наказывать виновных» [Кундуз билан Юлдуз, с. 268].

В монографии «Узбекский народный героический эпос», подготовленной совместно с В.М. Жирмунским, Ходи Зарифов большую часть посвящает анализу эпоса «Кундуз и Юлдуз». В своих более поздних статьях и исследованиях он также неоднократно ссылаясь на этот текст эпоса [Жирмунский, Зарифов, с. 246–252]. Например: *Достон ва эртақлар езиб олинаётган вақтида айтувчи томонидан қисқартирилган», «энди чарча-*

дик, бир-икки соат дамимизни олиб, сўнг езамиз», «Овқат келиб қолди, аввал таом, баъдаз калом» еки «Пўлкан шоир айтаётир, Мулла Иса битаётир». – ‘Во время записи дастанов и сказок звучат такие слова, как: «Сейчас мы устали, отдохнем пару часов, а потом напишем», «Обед подошел, сначала еда, потом слова» или «Полкан шаир говорит, Мулла Иса записывает». Так, по мнению Ходи Зарифова, подобные фразы не должны входить в основной текст. Творческие отступления рассказчика, безусловно, составляют исключение.

При подготовке фольклорных произведений к изданию Ходи Зарифов, отмечая необходимость их комментирования в тех местах текста, которые трудно понять или невозможно понять в полной мере, снова обращается к эпосу «Кундуз и Юлдуз»: *Ярадор Аваз ҳушидан кетган пайтда Юлдуз пари Авазнинг хотини Қундузга таъна қилганда шундай дейди*. – ‘Пока раненый Аваз без сознания, Юлдуз пери с укором обращается к жене Аваза и говорит’:

*Аваз ўлди, яхиш бўлди,
Шўрли Қундуз бахши бўлди.*

‘Аваз умер, это хорошо,
Горемычная Кундуз стала бахши’.

Согласно этому поверью, если женщина, у которой умер муж, не выходит замуж во второй раз и остается вдовой, с помощью фей она должна стать бахши, играющей в бубен и ухаживающей за больными. В этом случае объяснение слова *бахши* обязательно требуется, чтобы полностью понять суть текста. Ходи Зарифов дает пояснения и комментирует их.

В настоящее время в Фольклорном архиве хранятся подлинные копии эпоса «Гороглы», записанные от десятка разных сказителей. «Работа по их изданию в виде отдельных книг, – пишет Тура Мирзаев, – началась в 1941 году и непрерывно продолжается по сей день. Некоторые из них, например, «Далли», «Равшан», «Кундуз и Юлдуз», «Хушкелди», «Интизор», «Малика айер», «Зулфизар» и др., были переизданы несколько раз. По подсчетам, с 1941 по 2013 г. в виде отдельных книг, а также в специальном сборнике «Гороглы»,

двухтомнике «Узбекские народные дастаны», пятитомнике «Булбул тароналари» и много- томнике «Узбекское народное искусство» (в этой серии издано 37 книг) было опублико- вано 72 эпоса из серии «Гороглы», 16 из них являются вариантами. Это записанные образцы от 23 народных бахши-сказителей» [Хикояти Гуругли султон, с. 173].

Эпос «Кундуз и Юлдуз» был записан в 1926 г. Мухаммадисом Эрназаровым, про- живавшем в пос. Кыркшада Булунгурского района Самаркандской области [ЗЎФА. Инв. № 21]. Мухаммадисо Эрназар записал дастаны «Кунтугмыш», «Кундуз и Юлдуз» от Эргаша Жуманбуля оглы, «Малика айер», «Мурод- хон» от Фозиля Юлдаша оглы, «Алпамыш», «Гўрўглининг Райхон араб қизини олиб қочиб келиши» («Как Гороглы украл дочь Райхон араба») от Полкана шаира.

Вот что об этом пишет Ходи Зарифов: «1926 год, лето. В селе Кыркшада Булунгур- ского района Самаркандской области Эргаш шаир вместе с Полканом шаиром начали записывать дастаны. Был записан эпос «Кун- дуз и Юлдуз». С этого времени и до 1928 года Кыркшада стал одним из пунктов по сбору фольклорных произведений для известных узбекских народных поэтов – Эргаша Джу- манбулбуль оглы, Фазили Юлдаша оглы, Мухаммадкула Джанмурада оглы Полкана» [Мирзаева, с. 76]. В 1926–1928 гг., пока Полкан шаир, Эргаш шаир, Фазиль шаир жили в этом селе, исполняли свои дастаны, их активно записывали. Также известно, что Эргаш ота был грамотным и он сам записал несколько своих эпосов.

Заклучение

Исследователю Ходи Зарифову через глу- бокий анализ дастана «Кундуз и Юлдуз» удалось определить принципы работы по под- готовке к изданию народных дастанов. Это подтверждают уже более поздние исследова- ния фольклористов. Так, ученик Ходи Зари- фова Т. Мирзаев пишет о том, что ученый- наставник сравнивал художественные детали сватовства дастана «Кундуз и Юлдуз» с эле- ментами свадьбы в Булунгуре во время записи эпоса, участником которого он был.

Литература

- Булбул тароналари. Эргаш Жуманбулбул ўғлининг дoston ва термалари. Беш томлик, 5-том. Нашрга тайерловчи Ҳоди Зариф. Тошкент: Фан, 1973. 320 б.
- Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т.** Узбекский народный героический эпос. Москва: ОГИЗ, 1947. 520 с.
- Зарифов Х.** Ўзбек халқ ижоди кўп томлигига кирадиган асарларни тайерлаш принци- плари / Ислом шоир ва унинг халқ поэзия- сида тутган ўрни. Ўзбек халқ ижоди бўйича тадқиқотлар. Тошкент: Фан, 1978. Б.128–141. ЗЎФА. Инв. № 21.
- Кундуз билан Юлдуз. Айтувчи Эргаш Жуман- булбул ўғли, нашрга тайерловчи Ҳоди Зариф. Тошкент, 1963. 275 б.
- Мирзаев Т.** Ҳоди Зариф суҳбатлари. Тошкент: SHAMS-ASA, 2013. 380 б.
- Мирзаева Б.** Ўзбек фольклоршунослиги шак- лланиши ва тараққиетида Ҳоди Зарифовнинг ўрни: филол. фан. б-ча фалсафа докт. ... дис. Тошкент, 2022. 170 б.
- Ҳикояти Гўрўғли султон / Нашрга тайерловчи ва сўзбоши, луғат муаллифи Т. Мирзаев. Тош- кент: Adabiyot uchqunlari, 2013. 224 б.

References

- Bulbul taronalari. Ergash Zhumanbulbul ўғлининг doston va termalari. Besh tomlik, vol. 5. Nashrga taierlovchi Ҳоди Zarif. Toshkent, Fan, 1973, 320 p. (In Uzbek).
- Mirzaev T.** Ҳоди Zarif suхbatlari. Toshkent, SHAMS-ASA, 2013, 380 p. (In Uzbek).
- Mirzaeva B.** Ўzbek fol'klorshunosligi shakllanishi va taraққietida Ҳоди Zarifovning ўрни: summary of the dissertation of the Doctor of Philology. Toshkent, 2022, 170 p. (In Uzbek).
- Zarifov Kh.** Ўzbek khalk izhodi kўp tomligiga kiradigan asarlarni taierlash printsiplari / Islom shoir va uning khalk poeziyasida tutgan ўрни. Ўzbek khalk izhodi бўйича тадқиқотлар. Toshkent, Fan, 1978, pp. 128–141. (In Uzbek).
- Zhirmunsky V. M., Zarifov Kh. T.** Uzbekskaa narodnyi geroicheskii epos [Uzbek national heroic epic]. Moscow, Association of State Book and Magazine Publishers, 1947, 520 p. (In Russian).
- ZЎФА. Inv. No. 21. (In Uzbek).
- Kunduz bilan Yulduz. Aituvchi Ergash Zhumanbulbul ўғли, nashrga taierlovchi Ҳоди Zarif. Toshkent, 1963, 275 p. (In Uzbek).
- Ҳikoyati Gўrўrli sulton / Nashrga taierlovchi va sўzboshi, lufat muallifi T. Mirzaev. Toshkent, Adabiyot uchqunlari, 2013, 224 p. (In Uzbek).

СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ПУП' И 'ПУПОВИНА' В ЭПИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ (УЛИГЕРЫ ПРЕДБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ)

Н. Н. Николаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, ул. М. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670043, Россия; email: natanika80@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4903-7387

В статье исследованы выражения и традиционные формулы бурятского героического эпоса, в которых основное значение связано с лексемами с семантикой 'пуп' или 'пуповина': *хүй, хүйһэн, хубшэргэ, хубшэргэй, хубшэргэн*. Определено, что понятия, включающие в себя эти слова, несут в себе значение связи – либо родственной, между эпическим героем и его невестой, либо божественной – между героем и его небесным покровителем. Также эту связь можно интерпретировать более широко – как медиаторную между Небом и Землей. Также слово *хүй* 'пуп' обозначает мифологический центр, середину мира, средоточие мифологических объектов.

Ключевые слова: буряты, героический эпос, улигеры, пуповина, пуп, семантика.

WORDS WITH THE MEANING OF A 'NAVEL' AND AN 'UMBILICAL CORD' IN THE EPIC CONTEXT (ULIGERS OF THE PRE-BAIKAL BURYATS)

Natalya N. Nikolaeva

The Institute of Mongolian, Buddha and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670043, Russia; email: natanika80@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4903-7387

The article examines the expressions and traditional formulas of the Buryat heroic epic, in which the main meaning is associated with lexemes with the semantics of a 'navel' or an 'umbilical cord': *khui, khuikhen, khubsherge, khubshergei, khubshergen*. It is determined that the concepts that include these words have the meaning of a connection – either kindred, between the epic hero and his bride, or divine – between the hero and his heavenly patron. This connection can also be interpreted more broadly as a mediator between the Heaven and Earth. Besides, the word *khui* - a 'navel' also means the mythological center, the center of mythological objects, the middle of the world.

Keywords: Buryats, heroic epic, uligers, umbilical cord, navel, semantics.

Введение

В героическом эпосе предбайкальских (иркутских, западных) бурят – улигерах часто встречаются понятия и устоявшиеся формулы, в которых основное значение выражается через лексемы с семантикой 'пуп' или 'пуповина': *хүй(һэн), хубшэргэ, хубшэргэй/хубшэргэн(н)*. *Хүй/хүйһэн* 1) анат. 'пуповина; пупок'; *хүй(һэ) хүндэхэ* 'отрезать и завязать пуповину'; *хүйһэнэй унаха* 'отпадение остатков пуповины у новорожденного'; *хүйһэндээ ореолдохо* 'запутываться в своей пуповине (о ягненке при неудачных родах)'; *хүйһэндөө нелбожо хэбтэхэ* 'плевать в потолок', досл. 'плевать на пупок'; 2) перен. редко 'середина (или центр) чего-л.';

Газарай хүйһэн старомонг. перен. 'Тибет', досл. 'пуп земли'.

Основная часть

Одно из наиболее часто встречающихся выражений в эпосе, где фигурирует слово, содержащее значение 'пуп, пуповина', – *хүйтэ хубита*. Это архаичное и устаревшее в современном контексте выражение переводится как 'суженый, суженая; нареченный, нареченная; жених, невеста', где *хүйтэ* от *хүй(һэн)* 'пуповина' + аффикс обладания *-та/-тэ*, букв. 'имеющая(ий) [одну/ту же] пуповину', *хубита* от *хуби* 'доля, участь, судьба' + аффикс обладания *-та/-тэ*, букв. 'имеющая(ий) долю,

судьбу, участь'. Выражение варьируется как *хүйтэ сүйтэ*. Значение *сүйтэ* в современном языке до конца неясно. Слово *сүй* означает 'кольца (для замка)'; 'петля (для крючка у двери), пробой'; *үүдэнэй сүй* 'кольца у двери (для запираения на замок)'; *шэбхын сүй* 'кольцо (или петля) для запираения двери на крючок'. То есть *сүйтэ*, образованное от *сүй* + аффикс обладания *-та/-тэ*, можно перевести как 'обладающая кольцом или петлей для запираения двери'. Возможно, его можно интерпретировать как хозяйку домашнего очага, хозяйку дома, запирающую двери. Таким образом, *хүйтэ сүйтэ*, или *хүйтэ хубита*, – человек, имеющий ту же пуповину и ту же судьбу-долю, предначертанную судьбой свыше. Эти выражения встречаются в каждом эпическом тексте, поскольку одной из главных тем бурятского эпоса является матримониальная – эпический герой всегда ищет свою суженую, преодолевая при этом различные препятствия и совершая подвиги. В примечаниях к эхиритбулагатской версии эпоса «Гэсэр» записавший его собиратель Ц. Жамцарано *хүйтэ сүйтэ* пояснял, что Гэсэр добывает жену, указанную богами [Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 214, 225]. У бурят бытовали представления о судьбоносной предопределенности, предназначенности мужчины и женщины друг другу, причем еще в период пребывания в утробе матери. В «Абай Гэсэр-хубуне» говорится: *Хүйтэ сүйтэй хүүдээ / Хүрхэ еһотой байнал би. / Хүрөөл үгээ хадаа / Хүмэрхэ еһотой лон байнал би. / Заяалдаһан заяабариһаан / Эбхэн нэгэ бэлэй би... / Эсэгэ Малаан баабайһаа / Тоонто ло хамта нэгэ бэлэй, / Эхэ Юүрэн иибиһээн / Элгэ мнай хамта бэлэйл. – 'Обязательно должен я ехать / К невесте той, суженой мне; / Не поеду туда, – / Так смерть мне суждена, / От рождения судьбой моей / Воедино с ней связан... / От Эсэгэ Малана-отца / От рождения едины мы с ней, / И от матери нашей Эхэ Юрен / Мы имеем единое благословенье'* [Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 91. Перевод. М. П. Хомонова].

Мотив брачной предопределенности друг другу прослеживается и в других улигерах предбайкальских бурят: *Эхэйн хээлидэ хэбтхэдээ / Ухаандаа ойлгожи, / Мэдээндэ мэдлэйлби: / Зүүнэй хаанай / Дүшэн дүрбэн тэн-*

гэриду / Дүүрэн сагаан заяабаридо / Хамто һууха гээжилэ / Арбан табан наһатай / Айдурай Мэргэн хубүүнтэй / Эб нэгэ заяалай. – 'Еще в материнской утробе лежала, / Тогда еще рассудком я рассудила / И запомнила, / Что в один союз обручена судьбой / Жить вместе с тобой / В полной счастливой доле, / Под сводом сорока четырех тенгриев / Восточных, / Вместе с тобой, с Айдурай Мэргэном / Пятнадцатилетним' [Айдурай Мэргэн, 1979, с. 55–56, 109. Перевод. М. П. Хомонова].

По поверьям бурят, брак должен был заключаться только с предопределенными людьми, людьми по судьбе, в ином случае паре грозили ссоры и несчастья в семейной жизни, бездетность или ранние смерти детей и одного из супругов. В одном мифологическом нарративе балаганских бурят мужчина подслушивает разговор духов о том, что его *хубита* должна стать родившаяся в эту ночь девочка. Рассердившись на такую долю, он приходит в дом ее отца, кидает в нее нож и убегает. Много позже он женится на молодой девушке и обнаруживает шрам на ее ноге, который оказывается следом от его ножа [Хангалов, 2004, Т. III, с. 33–34].

Идея принадлежности к «одной пуповине», *нэгэ хүйтэ*, заключалась в родственном брачном союзе. Собиратель, этнограф, фольклорист С. П. Балдаев интерпретировал *хүйтэ сүйтэ*, или *хүйтэ хубита*, как женщину, которая считалась женой по праву рождения, и указывал, что до революции 1917 г. у бурят «считался предпочтительным старый односторонний кузенный брак. <...> В старое время только такой брак считался идеальным. <...> Наиболее ортодоксальным считался кузенный брак между дочерью брата и сыном сестры или наоборот. Прежде таким браком дорожили и возобновляли из поколения в поколение. Брат и сестра договаривались еще до появления детей о браке их. После рождения детей, когда они достигали 3–4 лет, в присутствии родственников с обеих сторон совершали сговор и затем закрепляли формальным сватовством» [Балдаев, 1959, с. 24]. О соблюдении экзогамных брачных норм, но допустимости кузенного брака по женской линии, поскольку формально жених и невеста

принадлежали к разным родам, можно найти в материалах более раннего собирателя и этнографа М. Н. Хангалова: «По обычаю бурят, невесту нельзя сватать из своего рода, а непременно из другого; родство принимается в расчет только по мужской линии (до 9 колена), родство же по женской линии не может служить препятствием для заключения брака; так, например, брат может для своего сына высватать дочь своей родной сестры, выданной замуж за бурята из другого рода, или сестра может для своего сына высватать дочь родного брата» [Хангалов, 2004, Т. I, с. 165]. Таким образом, «браки внутри отцовского рода расценивались как недопустимое и даже позорное нарушение обычаев. Однако браки с родственниками по материнской линии, т. е. с двоюродными, троюродными и четвероюродными сестрами со стороны матери, считались не только допустимым, но и вполне нормальным, так как род матери по отношению к роду отца был чужим (*хари*). Наиболее предпочтительным считалась женитьба на дочери брата матери, что, несомненно, является пережитком довольно древней эпохи, когда мужчины имели брачные права на дочерей братьев своей матери» [Басаева, 1991, с. 93].

Семантика *хүйтэ*, связанная с родством жениха и невесты, просматривается и в монгольском лексическом материале, где *хүй* ‘род; родство, родственники, семейство; фамилия’. Подобные брачные нормы в первой половине XVIII в. существовали не только у бурят, но и у многих других народов Сибири, по свидетельству Г. Ф. Миллера, побывавшего во время камчатской экспедиции во всех уральских и сибирских уездах и более или менее значительных населенных пунктах Урала и Сибири, исключая лишь Охотский порт. Как он указывает, эти нормы основываются на мнении всех сибирских народов, придерживающихся родового разделения, о том, что кровное родство считается лишь по этим родам: «Простое родовое имя имеет у них гораздо большее значение, чем самое близкое родство, которое у них на глазах... Я нашел, что этот обычай носит постоянный характер. Из этого нужно, однако, исключить только народы магометанской религии и те, кото-

рые приняли христианство» [Миллер, 2009, с. 356–357]. Выражения *хүйтэ сүйтэ*, *хүйтэ хубита* стали архаичными уже к началу XX в., не употреблялись в живой разговорной речи, сохранившись лишь в улигерном контексте, но передавали семантику бытовавших брачных норм и, безусловно, были понятны носителям традиции.

Значение *хүй* как ‘пуп’ встречалось в мифопоэтической картине мира предбайкальских бурят. Например, считалось, что там, где пребывает глава правосторонних, благожелательных и покровительствующих людям небожителей-божеств *Эсэгэ Малан баабай*, находится неувядаемый холм *Хүй болдог* (букв. ‘Пуп-холм’) и незамерзающее озеро Энэн, на берегу которого растет *Эхэ Шара модон*, Материнское Желтое дерево (т. е. вселенское, мировое дерево) с золотой листвой с правой стороны и серебряной листвой с левой стороны. На ветвях справа висят колчан и налучник, на листьях светят луна и звезды, и здесь находится *сүльдэ* мужчины (мужское начало). А на ветвях слева висят игла и наперсток и находится *сүльдэ* женщины (женское начало). Рядом с деревом натянута волосная веревка, на которой висят зацепки и недоуздки, к ней же привязаны жеребята (символ достатка и благополучия скотовода). Также позади дерева расположено основание четырех миров, полное белое счастье. У корней дерева повешены шаманские колокольчики и *холбого* (удлиненные колокольчики без язычка с маленьким диаметром), бубен с колотушкой и полное шаманское облачение, включая трости и варган. Также вкопана *абарга сэргэ* (букв. ‘громкая, исполненная коновязь’), на которой лежит золотисто-зеленое *едоо* (пихтовая кора для воскуривания). И здесь же находятся духи шаманского дара, одеяния и принадлежностей, которые подчиняются *Эсэгэ Малану* [Михайлов, 1996, с. 62–63]. Пуп-холм (*Хүй болдог*) нередко встречается в описаниях земли, где живут эпические герои, или же земли, куда они спускаются с неба, чтобы поселиться в нижнем мире, либо герой как первочеловек поселяется на Пуп-холме, где никто не жил до него. Спектр значений Пуп-холма включает многочисленные и частые в улигерах золотые, сере-

бряные или злато-серебряные холмы, Болдог-туйские или Болдогшинские серые холмы, горы Агуй или Ангай, гору Сумбэр или Сэгтэ Сумэр и т.д. Пуп-холм, очевидно, передает семантику мифологического центра, мировой горы, пронизывающей три мира.

Примечательны представления о мировом, или земном, пупе (*дэлхэйн хүй*) и звездном пупе (*одон хүй*): *Дэлхэйдэ хүй гэжэ байдагымэ гээ. Дэлхэйн хүй хааным? Харюун: дэлхэйн хүй гээшэ – нара гарха зүгтэ.* – ‘Есть у земли пуп, говорят. Где находится пуп земли? Ответ: так называемый пуп земли – в стороне, где восходит солнце’¹.

Под звездным пупом понимается Полярная звезда: *Огторгодо одон хүй бишмэ гэхэ, огторгойн хүй хаана байдагым? Харюун: Огторгойн хүй – зүүни хойто зүгтэ, Долоо үбгэһы толгой тушан «хүй одон» гэжэ нэртэй юм. Тэрэ одон үдшэнин шкэ, хүнин, үглөө шкэ нэгэ дэрээ байха одон. Бэшэ одод баран тэрээни түхэрөөлөөд хуу баран ябажа байдаг. Хүүн төөрхэдөө тэрэ одоор тархья залажа харгыяа олдог байха.* – ‘На небе есть Пуп-звезда, говорят. Где находится небесный пуп? Ответ: в стороне слева сзади, над головой «Семи Старцев» [находится] так называемая «Пуп-звезда». Эта звезда и вечером, и ночью, и утром стоит на одном месте. Другие звезды все ходят кругом вокруг нее. Если человек заблудился, то, сверяясь по этой звезде, находит дорогу’². Для земного наблюдателя Полярная звезда остается на месте, тогда как при суточном вращении Земли все звезды совершают на небе полный оборот вокруг нее. Пуп-звезда (*одон хүй*) – это середина, центр небес, аналогичный земному центру и, очевидно, выстраивающий ось мироздания. Значение хүй ‘пуп’ как центр могло быть основано на практических наблюдениях – прикреплении пуповины ребенка к плаценте, физиологическое положение пупка на теле человека.

¹ Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (далее – ЦВРК ИМБТ СО РАН). ОАФ. Д. 1041. Л. 85. Досл. пер. авт.

² ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Д. 1041. Л. 85. Досл. пер. авт.

Еще одно понятие, связанное с пуповиной, – это *хүбширгэ/хүбшэргэ*. В современных бурятско-русских словарях даются следующие значения слова *хүбширгэ/хүбшэргэ* и близких ему по звучанию словоформ: *хүбшэргэ* ‘струны, струна’; *хилгааһан түмэр хүбшэргэтэй хуур* ‘хур со стальными струнами’. *Хүбшэргэй* 1) ‘струны, струна’; *хүбшэргэйтэ оркестр* ‘струнный оркестр’; 2) анат. ‘связка’; *хоолойн / дуунай хүбшэргэйнүүд* ‘голосовые связки’; 3) ‘пуповина (у коров перед отелем)’. *Хүбшэргэ(н)* анат. ‘пуповина’. По нашим данным, в современных западно-бурятских говорах это слово не означает ‘пуповина’ и совершенно не связывается с человеческой анатомией. Однако исследователи в работах нередко переводят *хүбшэргэ* как ‘пуповина’: *Басаган баримтаһаан, / Хүбүүн хүбшэргэһөөн.* – ‘Девушку [видно] с пеленок, / Парня [видно] с пуповины’ [Санжеева, 2011, с. 209].

Значение *хүбшэргэ* ‘пуповина’ в эпическом контексте (и не только) ставилось под сомнение еще эпосоведом и переводчиком М.П. Хомоновым, который отмечал, что в этом значении у бурят употребляются другие слова, а «хүбшэргэ делают из тонкого кожаного ремня и натягивают вдоль люльки. На него вешают занавеску из материи, чтобы защитить лицо ребенка от лучей солнца или от мух. Слово переходит в архаизм» [Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 214]. То есть, по этим данным, *хүбшэргэ* имеет еще одно значение, причем обозначающее вполне материальный предмет, часть традиционной бурятской колыбели. И подтверждения этому можно найти в самих улигерах: *Хүбүүн гараһайн болбол / Хүбшэргэ дорон алажи, / Басаган гараһайн болбол / Баримта соон булажи.* – ‘Того, кто мальчиком родился, / Под *хүбшэргэ* убивали, / Того, кто девочкой родился, / В пеленках убивали’³; *Хүбшэргэтэй хүбүүн / Хүнхинэн хэбтэбэ лэ, / Үлгээтэй хүбүүн / Үүен хэбтэбэ лэ. / Сэнхир сагаан намаган / Үлгээгэй дээрэн / Үхөөн байба ла, / Хүбшэргэ дээрэн / Худагшалан байба ла.* – ‘Мальчик под *хүбшэргэ* / Ревет лежит, / Ребенок в колыбели / Голосит лежит. / ‘Женщина

³ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Д. 168. Л. 25. Досл. пер. авт.

Сэнхир Саган / Над колыбелью склонилась,
/ Над *хубшэргэ* наклонилась¹; Түмэр хара
үлгөөөө / Хүбшэргээн заалажи, / Бальшар
бага хүбүүгээ / Хоюулан урилан таалажи
/ *Иууһаниин тэрэ лэ*. – ‘Железной черной колы-
бели / Хүбшэргэ разорвали, / Маленького сына
своего / Оба по очереди ласкали, / Так сидели’
[Там же. Л. 45. Досл. пер. авт.]; Түмүр ехэ хушуу-
тай, / Түмүр ехэ *набартай* ерэжэ, / Хүбшүргын
хоер тээхэнэ / *Иуулдана бэлэй лэ даа*. –
‘С большими железными клювами, / С боль-
шими железными когтями / [Вороны] приле-
тели / И сели по обеим сторонам *хубшэргэ*’
[Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 30. Досл. пер. авт.];
Хунхан сагаан толгойтой, / Хулаһан шара
һабаатай / Төөдээ лэ хүүнхэн гээшэ / Эхэ лэ
боложо, / Хүй ехээ хүндэжэ, / Хүбшэргэйын
зайдажа / Абалдана бэлэйл даа. – ‘С лебе-
дино-белой головой, / С белым камышовой
тростью (прутом) / Бабушка / Повивальной
бабкой стала, / Пуповину [ребенку] перерезала
и перевязала, / Хүбшэргэ привязала [к колы-
бели]’ [Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 83–84. Досл.
пер. авт.]; Убүгүн һамаган хоер гээшэ / Хоюу-
ландаа байжа ла / Хүбүүгээ хүйеын хундун
абажа, / Хүбшүргүеөө томожо / *Иуугаа гээшэ*
юмэл даа. – ‘Муж с женой / Вдвоем / Сыну
пуповину перерезали и перевязали, / Хүбшэргэ
сучили сидели’ [Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 24.
Досл. пер. авт.].

Плести, или сучить (*томохо*), привязывать
(*зайдаха*) *хубшэргэ* неизменно связывалось
с рождением ребенка, с первым его укла-
дыванием в колыбель. *Хубшэргэ*, как и сама
колыбель, выступает своего рода символом
появления ребенка, необходимым и непре-
менным атрибутом родильной обрядности
и в этой связи приобретает символическое
значение. В улигерах встречается выражение
Хүхэ Ехэ тэнгириһээ / Хүбширгэтэй – (букв.)
‘С Великим Синим Небом / *Хубшэргэ* [связан-
ный]’ или ‘От Великого Синего неба *хубшэргэ*
имеющий’. И здесь *хубшэргэ* можно интер-
претировать как связь героя с Небом, с боже-
ствами-небожителями, представляемую как
пуповина, связывающая ребенка и мать,
и в то же время – покровительство и защиту

божеств, представляемые в виде символиче-
ского колыбельного ремня.

Хубшэргэ использовалась для натягивания
полога, который закрывал ребенка, его лицо
не только от солнечных лучей, насекомых
и т.д., но и от взглядов посторонних людей,
которые, по поверьям, могли причинить
вольное или невольное зло новорожденному.
Возможно, семантика *хубшэргэ* как ‘пупо-
вины’ связана с использованием высушенных
элементов пуповины ребенка в обережных
целях. В конструкции традиционной дере-
вянной колыбели-люльки ремень-*хубшэргэ(й)*
крепился к дужке (*сахариг*) в головной части
и тянулся до ножной доски. К *хубшэргэ* при-
вязывалась завернутая в тряпку или зашитая
в кожу отпавшая пуповина ребенка. Посколь-
ку в одной семье использовалась обычно одна
колыбель, то по количеству таких тряпочек
или свертков можно было судить о количестве
рожденных женщиной детей [Басаева, 1991,
с. 72–74]. Подвешивание пуповины к колы-
бели встречалось не только у бурят, но было
широко распространенным обычаем у народов
Сибирско-Амурского ареала [Лхагвасурэн,
2013, с. 103; Обряды в традиционной культуре
бурят, 2002, с. 75]. Считалось, что в пуповине
и последе пребывает дух-хранитель ребенка
или часть его души. Бытовали и представле-
ния о том, что они представляют собой его
«брата», «сестру» или «спутника», например,
в некоторых бурятских диалектах *хани* ‘друг,
спутник’ также означало и ‘послед’. «Обряды
послеродового цикла фиксируют следую-
щие за перерезанием пуповины фазы обосо-
бления «жизненности» младенца от матери,
отделение его от верхнего мира и закрепле-
ние в социуме. Материальный знак одного
из этапов отделения – отпадение пуповины.
Мешочки, в которых хранились пуповины,
подвешивали к колыбели, где они, как пра-
вило, и сохранялись, представляя детей одной
матери. В результате как бы происходило при-
общение жизненной силы младенца к миру
социального. <...> С одной стороны, счита-
лось, что пуповина поддерживала и охраняла
человека на протяжении всей его жизни. <...>
С другой стороны, связки пуповин, сберегае-
мые женщиной, способствовали ее плодови-

¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Д. 168. Л. 42–43. Досл.
пер. авт.

тости, каждая вновь присоединенная пуповина делала связку более действенной. Чем больше мешочков висело на колыбели, тем более уважаемой считалась женщина, тем выше был ее социальный статус [Обряды в традиционной культуре бурят, 2002, с. 55–56].

Заключение

Таким образом, в эпосе предбайкальских бурят выражения, содержащие *хүй, хүйхэн, хүбшэргэ, хүбшэргэй, хүбшэргэн* и передающие значение ‘пуп, пуповина’, чаще всего несут в себе значение связи – родственной – между героем и его небесным божественным покровителем, более широко – между Небом и Землей. С другой стороны, *хүй* ‘пуп’ – это некий мифологический центр, середина мира, средоточие мифологических объектов.

Литература

- Абай Гэсэр-хубун: Эпопея (эхирит-булагатский вариант). Ч. 1 / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1961. 231 с.
- Айдурай Мэргэн / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1979. 128 с.
- Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1959. 180 с.
- Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1991. 192 с.
- Лхагвасурэн Ичинхорлоо. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX в.) / пер. с монг. М. В. Монгуш. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 178 с.
- Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / пер. с нем. А. Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов: VIII, 1; Герард Фридрих Миллер. Этнографические труды. Часть 1).
- Михайлов В. А. Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соел, 1996. 111 с.
- Обряды в традиционной культуре бурят / Д. Б. Батоева, Г. Р. Галданова, Д. А. Николаева, Т. Д. Скрынникова. М.: Вост. лит., 2002. 222 с.
- Санжеева Л. Ц. Бурятский эпос: проблемы поэтики и стиля / отв. ред. Е. О. Хундаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. 240 с.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3-х т. Т. 1 / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. 508 с.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3-х т. Т. III / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. 312 с.

References

- Abai Geser-khubun: Epepeya (ekhirit-bulagatskii variant) [Abai Geser-Khubun: Epic (Ekhirit-Bulagat version)]. Ch. 1. Compilation of the text, translation and notes by M. P. Khomonov. Ulan-Ude, 1961, 231 p. (In Buryat and Russian)
- Aidurai Mergen [Aidurai Mergen]. Compilation of the text, translation and notes by M. P. Khomonov. Ulan-Ude, 1979, 128 p. (In Buryat and Russian)
- Baldaev S. P. Buryatskie svadebnye obryady (Buryat wedding ceremonies). Ulan-Ude, Buryat Book House, 1959, 180 p. (In Russian)
- Basaeva K. D. Sem'ya i brak u buryat [The Buryats' family and marriage]. Ulan-Ude, Buryat Book House, 1991, 192 p. (In Russian)
- Khangalov M. N. Sbranie sochinenii: V 3-kh t. T. I. [Collected works: in 3 volumes. Vol. 1]. Edited by G. N. Rumyantsev. Ulan-Ude, Republican Typography, 2004, 508 p. (In Russian)
- Khangalov M. N. Sbranie sochinenii: V 3-kh t. T. III [Collected works: in 3 volumes. Vol. 3]. Edited by G. N. Rumyantsev. Ulan-Ude, Republican Typography, 2004, 312 p. (In Russian)
- Lkhagvasuren Ichinkhorloo. Altaiskie uryankhaisy. Istoriko-etnograficheskie ocherki (konets XIX – nachalo XX v.) [The Altai Uryankhais. Historical and ethnographic essays (the late 19th – early 20th centuries)]. Translated from Mongolian by M. V. Mongush. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013, 178 p. (In Russian)
- Mikhailov V. A. Religioznaya mifologiya [Religious mythology]. Ulan-Ude, Soel, 1996, 111 p. (In Russian)
- Miller G. F. Opisanie sibirskikh narodov (Istochniki po istorii Sibiri i Alyaski iz rossiiskikh arkhivov: VIII, 1; Gerard Fridrikh Miller. Etnograficheskie trudy. Chast' 1) [Description of the Siberian peoples (Sources on the history of Siberia and Alaska from Russian archives: vol. 8, 1; Gerard Friedrich Miller. Ethnographic works. Part 1)]. Translated from German by A. Kh. Elert, Moscow, 2009, 456 p. (In Russian)

Obryady v traditsionnoi kul'ture buryat [Rituals in the traditional culture of the Buryats]. D.B. Batoeva, G.R. Galdanova, D.A. Nikolaeva, T.D. Skrynnikova. Moscow, Eastern Literature, 2002, 222 p. (In Russian)

Sanzheeva L. Ts. Buryatskii epos: problemy poetiki i stilya [The Buryat Epic: problems of poetics and style]. Editor-in-chief E. O. Khundaeva. Ulan-Ude, Buryat State University Press., 2011, 240 p. (In Russian)

ОБРАЗ КАМЕННОГО ИЗВАЯНИЯ В ПОЭЗИИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

З.Б. Самдан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, ул. Кочетова, 4, Кызыл, 667000, Россия; email: samdan-zb@yandex.ru

В данной статье автор с фольклористической и литературоведческой точки зрения рассматривает проблему самоидентификации тюркоязычных народов Саяно-Алтая на материале фольклорных и литературных текстов. Исследование проблемы самоидентификации коренных народов Саяно-Алтая особо актуализировалось на современном этапе в связи с жизненно важными проблемами их выживания в условиях глобализации. Среди самобытных образов литературы данного региона особую консолидирующую роль играет, как полагает автор, образ каменного изваяния. Этот образ глубоко символичен, так как он основан на древних религиозно-мифологических воззрениях древних тюрков и органично раскрывает идею воплощения национальной идентичности народов Саяно-Алтая. Задача автора – на основе раскрытия этой проблемы попытаться обосновать гипотезу о возможности определения саяно-алтайской этнической идентичности в единой мировоззренческой системе традиционной культуры тюркоязычных народов этого региона. При анализе фольклорных и поэтических текстов были использованы сравнительно-исторический, системный и герменевтический методы исследования. В результате анализа автор приходит к выводу, что образ каменного изваяния исходит из единых религиозно-мифологических воззрений народов Саяно-Алтая и имеет прочную основу. В современных интерпретациях поэтов Саяно-Алтая в их произведениях основная семантическая канва и характеристика образа каменного изваяния почти совпадают. Идея национальной идентичности в них воплощена в трех главных концептах: «Мать-Земля», «родной язык» и «дух народа». Образ каменного изваяния как символ-маркер служит основой для создания современных исторических, культурных, туристических объектов и для определения духовных святынь народов Саяно-Алтая.

Ключевые слова: литература народов Саяно-Алтая, образ каменного изваяния, этнонациональная идентичность, истоки, современная поэзия.

IMAGE OF A STONE STATUE IN POETRY OF THE TURKIC-SPEAKING PEOPLES IN THE SAYAN-ALTAI: ORIGINS AND MODERNITY

Zoya B. Samdan

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, 4 Kochetov Str., Kyzyl, 667000, Russia; email: samdan-zb@yandex.ru

In this article, the author examines the problem of self-identification of the Turkic-speaking peoples of the Sayan-Altai in terms of folklore and literary studies on the basis of folklore and literary texts. The study of self-identification issue of the indigenous peoples in the Sayan-Altai has been particularly relevant at the present stage in connection with the vital problems of their survival in the context of globalization. According to the author, among the original images of literature of this region, the image of a stone statue plays a special consolidating role. This image is deeply symbolic, as it is based on the ancient religious and mythological views of the ancient Turks and seamlessly reveals the idea of embodying the national identity of the Sayan-Altai peoples. Based on the disclosure of this problem, the author's task is to try to substantiate the hypothesis of the possibility to define the Sayan-Altai ethnic identity in the unified worldview system of the traditional culture of the Turkic-speaking peoples in this region. Comparative historical, systemic and hermeneutic research methods were used in the analysis of folklore and poetic texts. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that the image of a stone statue comes from the unified religious and mythological views of the Sayan-Altai peoples which have a solid foundation. In modern interpretations of the Sayan-Altai poets, in their works, the main semantic outline and characteristics of the image of a stone statue almost coincide. The idea of

national identity is embodied in three main concepts: «Earth Mother», «native language», and «spirit of the people». The image of a stone statue as a marker symbol serves as the basis for the creation of modern historical, cultural, tourist sites and for determining the spiritual shrines of the peoples in the Sayan-Altai.

Keywords: literature of the Sayan-Altai peoples, image of a stone statue, ethno-national identity, origins, modern poetry.

Введение

Исследование проблем самоидентификации народов в национальных литературах России, в том числе тюркоязычных народов Саяно-Алтая, заметно актуализировалось начиная с 1990-х гг. и продолжается весь постсоветский период. В новом веке, когда возникла необходимость противостояния глобальным вызовам и угрозам, вытекающим из доминирования техногенно-потребительской модели цивилизационного развития современного мира, обращение коренных народов к своим истокам связано уже с жизненно важными для них проблемами выживания. Решение этих проблем станет возможным, как полагают ученые, на основе тех знаний, которые выдержали испытание временем. Народы Центральной Азии и Саяно-Алтая, вышедшие из кочевой цивилизации и удивительно бережно сохранившие древние тенгрианско-шаманско-буддийские верования, имеют потенциальные возможности возродить и развивать свои экологические и духовные ценности.

Самобытность национальных литератур наиболее ярко выражена в устоявшихся архетипических образах, которые с древних времен и до современности сохранились в сознании отдельных народов или определенных этнических общностей. Эти архетипические образы отражают неповторимый национальный менталитет того или иного народа. Среди самобытных образов литературы данного региона особую консолидирующую роль, на наш взгляд, играет образ каменного изваяния – *көжээ*. Этот образ глубоко символичен, так как он основан на древних религиозно-мифологических верованиях древних тюрков и органично раскрывает идею воплощения национальной идентичности народов Саяно-Алтая.

Наша задача – раскрыть мировоззренческие истоки формирования культа камен-

ного изваяния у древних тюрков и народов Саяно-Алтая и проанализировать художественные особенности поэтических импровизаций в создании образа каменного изваяния современными писателями региона. На основе раскрытия этой проблемы мы попытаемся выдвинуть гипотезу о возможности определения саяно-алтайской идентичности в единой мировоззренческой системе традиционной культуры тюркоязычных народов данного региона. При анализе фольклорных и поэтических текстов были использованы сравнительно-исторический, системный и герменевтический методы исследования.

Методологической основой работы послужили труды Г.Д. Гачева [Гачев, 1998], Д.С. Лихачева [Лихачев, 1985], М.М. Бахтина [Бахтин, 1975], К.К. Султанова [Султанов, 2007] и др., в которых разработана проблема этнонациональной идентичности национальных литератур.

Основная часть

Формирование этнонациональной идентичности тесно связано с определенной системой идей и ценностей, объединяющих людей и образующих нацию или определенную региональную общность. Изучение истоков и развитие идеи национальной идентичности в литературе значимо для понимания социокультурных изменений, происходящих в обществе. В этой ситуации возрастает интерес современного общества к традиционному мировоззрению.

Традиционную культуру народов Саяно-Алтая можно изучать, опираясь на тексты и исследования по мифологии, фольклористике, культурологии и других наук [Традиционное мировоззрение тюрков... 1989]. Они отражены в двух главных источниках: 1) в древней мудрости предков, закодированной в языке; в народных верованиях и мировых религиях (шаманизме, тэнгризме,

буддизме); 2) в современных знаниях, зафиксированных наукой [Тувинские народные сказки, 1994; и др.].

В результате изучения религиозно-мифологических воззрений на основе фольклорных источников мы пришли к мнению, что истоки формирования таких образов-символов, как образ каменного изваяния, необходимо рассматривать, прежде всего, в системе всей традиционной культуры народов Саяно-Алтая. Утерянные или находящиеся под угрозой исчезновения зоны традиционной культуры этих народов, к сожалению, связаны с их жизненно важными матрицами, заложенными в древнем наследии. Это целые пласты древних обычаев, запретов, связанных с бережным отношением к природе.

Среди религиозно-мифологических воззрений тюрков, находящихся под угрозой исчезновения, пожалуй, заметное место занимает культ предков, своеобразно выраженный, на наш взгляд, в поклонении образу *көжээ* [Самдан, 2001].

В мировоззрении тюрков культ природы, распространяющийся на все сферы жизни кочевников, начиная от очага, порога до обозримого космического предела, объединял в себе все формы религиозного поклонения. Древние тюрки поклонялись Небу, Солнцу, Священной земле, воде, всевозможным богествам, духам-хозяевам (*эге, иге; йер, суб игеси*) окружающей природы. Народы Саяно-Алтая, в том числе и тувинцы, с древних времен и по настоящее время поклоняются духу-хозяину местности (*чер ээзи*), духу-хозяину перевала (*арт ээзи*), духу-хозяину озера (*хөл ээзи*), духу-хозяину каменного изваяния (*көжээ ээзи*) и т. д.

По поводу семантики древнетюркских изваяний среди историков существуют разные точки зрения. Мы придерживаемся мнения ученых, трактующих каменные изваяния как часть погребального и поминального обряда древних тюрков, которые символизируют вместилище души умершего героя [Кызласов, 1969; Кляшторный, 1974; Суразаков, 1982].

О том, что такая форма погребального и поминального обряда занимала большое

место в жизни кочевников, свидетельствует повсеместная распространенность каменных изваяний на подвластных ранее тюркам территориях и семантика тюркской топонимики (в частности, в топонимике Монголии – Хөшөө-Цайдам, Тувы – Көп-Көжээ, Көжээлиг-Хову, Көжээлиг-Хараган и т. д.). Ритуальное значение *көжээ* подтверждает, например, популярность в тувинском фольклоре сюжетов и мотивов о *көжээ* и само содержание орхоно-енисейских надписей, в которых непосредственно упоминается об этом ритуале [Цит. по: Стеблева, 1976, с. 181, 182].

В некоторых тюркских языках дифференциация в обозначении каменных сооружений происходит через ключевое (собирательное) слово – тув. *көжээ*, алт. *көчө*, хак. *köze* – включающее в себя различные значения – и каменные статуи (тув. *кижи көжээ*), и каменные плиты (тув. *даш көжээ*), и каменные стелы с надписью (тув. *бижиктиг көжээ*).

Если исходить из того, что в основе культа *көжээ* лежит понятие о переходе, переселении души умершего человека из его телесной оболочки в его каменное изображение, то, правда, с некоторой степенью гипотетичности, вполне логично было бы предположить, что слово *көжээ* происходит от древнетюркского *көс* в значении ‘переходить, передвигаться, кочевать, переселяться, перевоплощаться’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 311] (*кьуду, сүнезини көже берген* ‘душа переселилась’).

Материалы тувинского фольклора подтверждают мысль о том, что древние кочевники воспринимали каменное изваяние как вместилище души (*сүнезин; кьут*) умершего человека. Так, например, известны из тувинской сказки следующие мотивы: перед тем как умереть старые родители сказочных героев, наказывают детям, чтобы они их похоронили возле *көжээ*; сказочный герой обретает дар чудесного перевоплощения, обежав вокруг *көжээ*; герой превращается в *көжээ*, нарушив запрет; *көжээ* одаривает благородного героя драгоценностями; герой, переночевав возле *көжээ*, начинает понимать язык птиц и т. д. и т. п. [Тувинские народные сказки, 1994, с. 271–284]. В тюрко-монгольской шаманской

мифологии с культом *көжээ* связывают, например, образ Дайын-Дээр, как олицетворение духа-хозяина родоплеменной территории¹.

Исследователь тувинского шаманства М. Б. Кенин-Лопсан специально описывает обряд освящения *көжээ*, где говорится, что *көжээ* освящали обычно только шаманы в разных местах по-разному и в следующих определенных обстоятельствах: когда свирепствовали болезни; когда наступала засуха; когда нарушался покой, мир; когда посещают священную землю предков [Кенин-Лопсан, 1993, с. 117].

Обряд освящения *көжээ*, видимо, тесно связан с обрядом освящения родной земли, который выражается в наведывании родного очага, охотничьего уголья, родового пастбища, потому что *көжээ*, понимаемый древними как вместилище души усопших, постепенно стал олицетворять культ предков. Тувинцы обычно говорят, что душа (*сүнезин*) человека связана с его родиной.

Н. Ф. Катанов писал, что «каменные бабы у нынешних татар (хакасов. – З. С.), урянхайцев (тувинцев. – З. С.) и монгол чтутся не как божества, а как изображения предков» [Катанов, 1903, с. 1394]. В культе *көжээ*, основанном на древних религиозно-мифологических воззрениях, олицетворены самые высокие нравственные идеалы кочевников, включающие в себя такие понятия, как поклонение родине, родовым святыням, предкам.

В материалах тувинского фольклора преобладают именно мотивы и сюжеты, связанные с древними религиозно-мифологическими воззрениями тюрков, с идеей обожествления *көжээ*. Необычные явления вокруг *көжээ*, происходящие в сюжете сказок, легенд, шаманской мифологии, видимо, можно объяснить как отражение древних представлений, подразумевающих общение героя с душой умершего предка, который всегда покровительствует ему.

Вышеприведенные источники свидетельствуют об общности мировоззренческих представлений народов Саяно-Алтая, также как и других тюрко-монгольских народов,

с древними тюрками. Эти аналогии подтверждают высказывание известного исследователя древнетюркской литературы И. В. Стеблевой о том, что «достижения древней культуры народа не исчезают бесследно, но в том или ином виде появляются в культурах более поздних эпох» [Стеблева, 1976, с. 168].

Религиозно-мифологические воззрения древних тюрков, отраженные в культе *көжээ*, наиболее устойчиво сохранившиеся в духовной культуре народов Саяно-Алтая, получили интересную художественную интерпретацию в творчестве современных писателей Тувы, Алтая, Хакасии, в частности в их поэзии. Именно в кризисные периоды развития современного общества обращение писателей к образу каменного изваяния, как нельзя лучше выражающего воплощение идеи национальной идентичности, получило свое литературное выражение и развитие уже в новом качестве.

Анализируя проблему национальной самоидентификации, исследователь литератур Северного Кавказа К. К. Султанов значительно расширяет и углубляет ее теоретическую трактовку: «Выстраданный, в том числе литературой, опыт национально-культурной идентичности подтверждает, что дело не в культивировании «особенности», не в демонстрации самобытности как таковой. С позиции каждой национальной культуры, озабоченной самосохранением в усложняющемся мире, с позиции литературы как выразителя и двигателя национального самосознания резонно отстаивать специфику и индивидуальность как исходную предпосылку диалога, непохожесть как условие сближения и межкультурной коммуникации» [Султанов, 2007, с. 5].

В творчестве современных писателей Саяно-Алтая основной концепцией, выражающей их этническую общность, является воплощение идеи национальной идентичности, в данном случае через образ каменного изваяния. Эта идея основана на трех главных концептах, «трех святынях», как их называет народный писатель Тувы А. А. Даржай, – это Мать-Земля, родной язык и дух народа.

Концепт определяется «как сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего

¹ Фольклорный фонд Научного архива ТИГПИ. Т. 221. Д. 900.

культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 2004, с. 43]; «концепт представляет собой выражаемое в знаке сращение смысла, чувственного восприятия, внутреннего образа» [Луков Вал., Луков Вл., 2008].

Приведем несколько примеров из произведений поэтов Саяно-Алтая.

Патриарх тувинской литературы и науки, народный писатель М. Б. Кенин-Лопсан в стихотворении «Көжээ» (1968, 1972) [Кенин-Лопсан, 1975, с. 163], написанном в советское время, описывает *кижи көжээ* как памятник, поставленный предками для назидания будущим поколениям. Поэт выражает чувство сожаления и упрека в адрес тех, кто посягает испортить тысячелетнее каменное изваяние. В своем обращении к потомкам он призывает беречь *кижи көжээ* как дань уважения древним героям, как символ гордости для современных людей, как книгу для будущих поколений. Здесь в образе *көжээ* идея национальной идентичности только обозначена в форме призыва.

В постсоветское время тема древнетюркской эпохи в целом, образ *көжээ* в частности в тувинской культуре становится объектом пристального внимания для деятелей культуры (в жанрах поэзии и драматургии Ю. Кюнзегеша, А. Даржая, Е. Тановой, Э. Мижита, С. Ондур, прозе М. Кенин-Лопсана, Н. Куулара и др.).

Так, например, образ каменного изваяния в жанре триптиха воссоздал народный писатель Тувы Эдуард Мижит. В произведении, опубликованном в 2006 г. под названием «*Көжээ-биле хөөрешкеним*» («Мой [душевный] разговор с каменным изваянием») [Мижит, 2006, с. 200, 204], которое он посвятил М. Б. Кенин-Лопсану, поэт ведет незримую беседу с каменным изваянием. Диалог между лирическим героем и каменным изваянием, как бы происходящий сквозь века и охватывающий тысячелетнюю историю тюрков-кочевников, чередуется описанием переживаний поэта о в корне изменившейся жизни современных людей, о бедах и упадке их нравов.

Композиция произведения, согласно требованиям жанра триптиха, состоит из трех

частей: в первой – художественно воссоздается долгий путь, пройденный каменным изваянием, характеристика образа и его восприятие лирическим героем; во второй – исповедь лирического героя о своих жизненных перипетиях и мытарствах; в третьей – развязка этого необычного диалога, которая завершается прозрением лирического героя, его осознанием истинной миссии каменного изваяния, которую он принимает как эстафету. Эти части триптиха объединены одной идеей – сквозной линией проходят три главных концепта: мысли поэта о каменном изваянии как хранительницы и защитницы:

– матери-земли:

*Обожествляя Небо-Отца, Мать-Землю,
Молясь, преклоняясь, не дрогнул я в жизни.
Несмотря ни на что, детей и потомков
На столетия устремляя, выстоял я
(здесь и далее подстр. пер. наш. – З. С.);*

– родного языка, обычаев, традиций:

*Если стремиться к процветающему будущему,
Стать опорой-подпоркой, от которой можно
оттолкнуться, то буду я.
Не просто торчащий из-под земли камень я,
Я – слово живое, пропитанное духом предков;*

– духа народа:

*Столетиями на ветру и под дождями
не застывшие
Сердечные мои слова народу передай.
Если скажут «Не может быть!»
и, не поверив,
Бросят в лицо безжалостные слова,
То прими их молча, как я.*

Э. Мижит в этом произведении через образ каменного изваяния исторически точно, психологически убедительно и лирически проникновенно передал глубину традиционного мировоззрения тюрков, а также воплотил идею национальной идентичности в тувинской литературе. Данное произведение Э. Мижита – крик души поэта об утрате вековых духовных ценностей, боль и тревога за будущую судьбу своего народа – воспринимается нами как один из ярчайших образцов исповедальной поэзии в тувинской литературе.

Писатель Чинагийн Галсан, этнический тувинец, проживающий в Монголии, чьи поэтические и прозаические произведения широко известны тюркоязычным, монголоязычным и немецкоязычным читателям, создал оригинальный образ каменного изваяния в стихах. В этой поэтической миниатюре он емко выразил своеобразную психологию ностальгирующего человека, который тоскует по когда-то единой, но разлученной из-за перипетий исторических событий этнической общности тувинцев.

Приведем это произведение в переводе на русский язык народного писателя Бурятии, ученого эпосоведа и мифолога Б. С. Дугарова.

*Взял я с собой Алтай – подвел к Танды и Саянам.
Взял я с собой Хомду – притянул к Улуг-Хему.
К горам прибавил горы,
К водам добавил воды.*

*Увидел я предка своего –
Как будто он целую вечность меня поджидал.
Ждал, столько ждал.
Вот и превратился от ожидания в камень.*

*Запах тысячелетий, смешанный с пылью
и шумом ветра.
Теплота – от камня.
Это осталось в наследство, послание.
Поклонился я камню.*

*Ждал, столько ждал.
Вот он стоит, мой предок*

Образ каменного изваяния здесь воссоздан как символ вечного ожидания своих возвращающихся детей, как послание тысячелетий, напоминающее о единстве истоков, как олицетворение предка, от встречи которого человек утоляет свою тоску по утраченным святыням и получает огромное чувство удовлетворения.

В стихотворении «Песнь о Дьер-Су» известного алтайского поэта, ученого-историка и просветителя Бронтоя Бедюрова, написанном на излете советской эпохи (1986), глубокая мысль о святынях алтайского народа выражена как воплощение идеи национальной идентичности. Хотя и не упомянут в этом произведении образ каменного изваяния, объективизированное повествование поэта

о святынях народов Алтайской ойкумены, как бы предвосхищая события, питает надежду о наступлении будущих перемен:

*...Прост и горек язык, уходящий корнями
во тьму,
С небывалой судьбой, просквозившей чрез
двадцать столетий,
В нем – напев колыбельной и бешеный ветер,
Но по древности с **духом** никак не сравниться
ему.
Ибо дух – это воздух, и небо, и вещей народ,
Это – **матерь земля**, горделивая матерь
Алтая,
Это голос Дьер-Су, что извечно в народе
живет,*

Иногда затихая, но не затухая... (в переводе П. Кошеля)
[Бедюров, 1983, с. 25].

В этих емких строках передана мысль о связи времен, которая выражает три главных концепта, определяющих самоидентификацию алтайского народа: «горделивая матерь Алтая – Дьер-Су»; «язык, уходящий корнями во тьму», «дух вещей народа».

По утверждению исследователя социальной философии Л. В. Анжигановой, в конце XX в. на волне возрождения хакасского народа, когда хакасская интеллигенция боролась за возвращение на место каменного изваяния – Великой Хуртуях Тас, случилось удивительное событие. Она пишет: «Г. П. Итпекову ночью явилась Душа хакасского народа и послала наказ своим детям» [Анжиганова, 2017, с. 66–68]. Текст наказа в 2003 г. опубликовала талантливый носитель хакасского фольклора К. Е. Сунчугашева в книге «Великая Хуртуях Ине – истинная Богиня нашей земли» [Сунчугашева, 2013, с. 89–90]. Л. В. Анжиганова это событие оценивает с точки зрения социальной философии как проявление неомифологии в современной хакасской культуре.

В данном произведении образ Хуртуях Ине выступает как хранительница, защитница, советчица, вдохновительница хакасского народа. Здесь идея национальной идентичности воплощена также в трех главных концептах:

Хуртуях Тас – защитница земли:

*Родной хакасский род свой наставляла,
Землю свою любить и беречь учила,
Не покидать ее, святую, не оставлять,
У очага родного долгий век проживать;*

Хуртуях Тас – хранительница родного языка, обычаев, традиции:

*В лихолетье, народ мой любимый,
Забыл ты Бога, традиции, уклад свой.
Родной язык свой забывать я не учила,
Пренебрегать обычаями наказа не давала;*

Хуртуях Тас – выразительница духа народа:

*Пусть мой люд светлую жизнь проживает,
Ладит, дружит с другими народами,
Тогда и я стану молодеть и возрождаться.
Ведь это я – Дух хакасского народа*
[Цит. по: Анжиганова, 2017, С. 66–68].

Вышеприведенную информацию: явление Души хакасского народа в изложении Г.П. Итпекова (видимо, как шаманское видение); художественная интерпретация К.Е. Сунчугашевой (в переводе А.В. Курбиджековой); определение этого явления ученым Л.В. Анжигановой как неомиф – мы воспринимаем как естественный процесс трансформации традиционного мировоззрения в современной культуре. Произошло органичное соединение реалий материальной и духовной культуры хакасского народа в одном тексте. В свете заданной нами темы – это благодатнейший материал, свидетельствующий о соединении мировоззренческого и художественного составляющих в образе каменного изваяния. Миф, интерпретируемый в форме монолога, прямого обращения Великой Хуртуях Тас к хакасскому народу, в котором органически соединены такие фольклорно-обрядовые жанры, как наставление, благопожелание, восхваление и даже элементы проклятия, воспринимаются нами, прежде всего, как литературный факт современного мифопоэтического творчества.

Заключение

Как видим, образ каменного изваяния исходит из единых религиозно-мифологических воззрений народов Саяно-Алтая

и имеет прочную основу. В современных интерпретациях поэтов Саяно-Алтая в их произведениях основная семантическая канва и характеристика образа каменного изваяния почти совпадают. Идея национальной идентичности в них воплощена в трех главных концептах: «Мать-Земля», «родной язык» и «дух народа». Одним из главных способов этноидентификации в произведениях писателей становится оригинальное авторское наполнение концептов: универсальных и национальных. Авторы используют разные художественные приемы: монолог каменного изваяния, монолог лирического героя, «диалог» между каменным изваянием и героем.

Выведенный в произведениях образ каменного изваяния символизирует возвращение не только к историческим, но и к сакральным истокам. Сакральность как мировоззренческая категория обозначает, прежде всего, духовность, религиозность, веру в духов-хозяев земли и т.д. Этот символ-маркер служит основой для создания современных исторических, культурных, туристических объектов и для определения духовных святынь народов Саяно-Алтая. Дальнейшее художественное и научное осмысление образа каменного изваяния в поэзии, драматургии, прозе имеет большую актуальность и перспективу для воплощения идеи этносоциальной идентичности народов Саяно-Алтая и ее роли в укреплении и обогащении многонациональной и многоконфессиональной культуры народов России.

Литература

- Анжиганова Л.В.** Женский мир: эволюция ценностей, символов, ритуалов. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2017. 175 с.
- Бахтин М.М.** Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
- Бедюров Б.** Песнь о Дьер-Су // Возраст любви. Стихи / пер. с алтайского. М.: Советский писатель, 1983. С. 25.
- Галсан Чинагийн.** Взял я с собой Алтай – подвел к Танды и Саянам... // Подношение в серебряной чаше: сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Мон-

- голия). Новосибирск: Наука: НГОПО Союза писателей России, 2018. С. 147.
- Гачев Г.Д.** Национальные образы мира: курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 1998. 432 с.
- Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние, 1969. XXXVIII. 676 с.
- Катанов Н.Ф.** Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Типолитография Императорского ун-та, 1903. 1540 с.
- Кенин-Лопсан М.Б.** Көжээ // Чогаалдар чыындызы. Т. I. Кызыл, 1975. С. 163.
- Кенин-Лопсан М.Б.** Магия тувинских шаманов. Кызыл: Изд-во МП «Новости Тувы», 1993. 159 с.
- Кляшторный С.Г.** Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (к интерпретации Иче-Ханын-норской надписи) // Тюркологический сборник. 1974. М.: Наука, 1974. С. 249–250.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в Средние века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. 211 с.
- Лихачев Д.С.** Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1985. 575 с.
- Луков Вал.А., Луков Вл.А.** Тезаурусы: субъективная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008. 782 с.
- Мижит Э.Б.** Көжээ-биле хөөрешкем (триптих) // Бөдүүн одуруглар (Простые строчки). Стихи, поэмы. Кызыл: Тувинское кн. изд-во им. Ю.Ш. Кюнзегеша, 2006. С. 200–204.
- Самдан З.Б.** Культ кежээ в системе религиозно-мифологических воззрений тувинцев // Лики тувинской словесности. Часть I. За фольклорным жемчугом. Кызыл: Республиканская типография, 2001. С. 68–79.
- Стеблева И.В.** Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М.: Наука, 1976. 216 с.
- Степанов Ю.С.** Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 991 с.
- Султанов К.К.** От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 301 с.
- Сунчугашева К.Е.** Илбек Хуртуйах Тас – Чир-Суубыстың сын инезі. Великая Хуртуях Ине – истинная Богиня нашей земли. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2013. 184 с.
- Суразаков С.С.** Сходные черты стиля в орхонских надписях и эпосе тюркоязычных народов // Из глубины веков. Горно-Алтайск, 1982. С. 35–43.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.П. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1989. 241 с.
- Тувинские народные сказки / сост. З.Б. Самдан. Новосибирск: Наука, 1994. 460 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 8).

References

- Anzhiganova L.V.** Zhenskii mir: ehvolyutsiya tsennostei, simbolov, ritualov [The women's world: evolution of values, symbols, rituals]. Abakan, House of Writers of Khakassia, 2017, 175 p. (In Russian)
- Bakhtin M.M.** Voprosy literatury i ehstetiki: Issledovaniya raznykh let [Questions of literature and aesthetics: studies of different years]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1975, 502 p. (In Russian)
- Bedyurov B.** Pesn' o D'er-Su [The song of Der-Su]. In: The age of love. Poems. Translated from Altaic. Moscow, Soviet Writer, 1983, p. 25. (In Russian)
- Drevnetyurkskii slovar'** [Old-Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 38, 676 p. (In Russian)
- Gachev G.D.** Natsional'nye obrazy mira: Kurs lektsii [National images of the world: course of lectures]. Moscow, Akademia, 1998, 432 p. (In Russian)
- Galsan Chinagiin.** «Vzyl ya s soboi Altai – podvel k Tandy i Sayanam...» [«I took Altai with me – I brought it to the Tandas and Sayans...»] In: The offering in a silver bowl: collection of folklore and literary works of Tsengel Tuvans (Mongolia). Novosibirsk, Nauka, Novosibirsk City Public Writers' Organization of the Union of Writers of Russia, 2018, p. 147. (In Russian)
- Katanov N.F.** Opyt issledovaniya uryankhaiskogo yazyka s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim yazykam tyurkskogo kornya [The experience of studying the Uryankhai language with an indication of its main kinship relations to other languages of the Turkic origin]. Kazan, Typo-lithography of the Imperial University, 1903, 1540 p. (In Russian)
- Kenin-Lopsan M.B.** Kөzheheh. In: Chogaaldar chyindyzy, vol. 1. Kyzyl, 1975, p. 163. (In Tuvan)
- Kenin-Lopsan M.B.** Magiya tuvinskikh shamanov [Magic of Tuvan shamans]. Kyzyl, Novosti Tuvy, 1993, 159 p. (In Russian)
- Klyashtorny S.G.** Khram, izvayanie i stela v drevnetyurkskikh tekstakh (K interpretatsii Ikhe-

- Khanyn-norskoi nadpisi) [Temple, sculpture and stele in ancient Turkic texts (on the interpretation of the Ikhe-Khanyn-Nor inscription)]. In: Turkic Studies Collection. 1974. Moscow, Nauka, 1974, pp. 249–250. (In Russian)
- Kyzlasov L. R.** Istoriya Tuvy v srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow, Moscow University Publ., 1969. 211 p. (In Russian)
- Likhachev D. S.** Proshloe – budushchemu. Stat'i i ocherki [The past is for the future. Articles and essays]. Leningrad, Nauka, 1985, 575 p. (In Russian)
- Lukov Val. A., Lukov Vl. A.** Tezaurusy: Sub»ektivnaya organizatsiya gumanitarnogo znaniya [Thesauri: subjective organization of humanitarian knowledge]. Moscow, the National Institute of Business Publ., 2008, 782 p. (In Russian)
- Mijit E. B.** Kozheheh-bile khoreshkenim (triptikh). In: Bedyyn oduruglar (Prostye strochki). Stikhi, poehmy [(Simple lines). Verses, poems]. Kyzyl, Yu. Sh. Kyunzegesh Tuvan Book Publishing House, 2006, pp. 200–204. (In Tuvan)
- Samdan Z. B.** Kul't kezheheh v sisteme religiozno-mifologicheskikh vozzrenii tuvintsev [The cult of kezhe in the system of religious and mythological views of Tuvans]. In: Images of Tuvan literature. Part 1. For folklore pearls. Kyzyl, Republican typography, 2001, pp. 68–79. (In Russian)
- Stebleva I. V.** Poehtika drevnetyurkskoi literatury i ee transformatsiya v ranneklassicheskii period [Poetics of ancient Turkic literature and its transformation in the early Classical period]. Moscow, Nauka, 1976, 216 p. (In Russian)
- Stepanov Yu. S.** Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. The 3rd edition revised and supplemented. Moscow, Academic Project, 2004, 991 p. (In Russian)
- Sultanov K. K.** Ot Doma k Miru. Ehtnonatsional'naya identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog [From Home to the World. Ethnonational identity in literature, and intercultural dialogue]. Moscow, Nauka, 2007, 301 p. (In Russian)
- Sunchugasheva K. E.** Ilbek Khurtuiakh Tas – Chir-Suubystyn syn inezi. Velikaya Khurtuyakh Ine – istinnaya Boginya nashei zemli [The great Khurtuyakh Ine is the true goddess of our land]. Abakan, Khakass Publishing House, 2013, 184 p. (In Russian and Khakass)
- Surazakov S. S.** Skhodnye cherty stilya v orkhonskikh nadpisyakh i ehpose tyurkoyazychnykh narodov [Similar features of style in the Orkhon inscriptions and the epic of the Turkic-speaking peoples]. In: From the depths of centuries. Gorno-Altaysk, 1982, pp. 35–43. (In Russian)
- Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri / E. L. Lvova, I. V. Oktyabrskaya, A. P. Sagalaev, M. S. Usmanova [The traditional worldview of the Turks in South Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1989, 241 p. (In Russian)
- Tuvinskie narodnye skazki / Compiled by Z. B. Samdan [Tuvan folk tales]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 460 p. (Monuments of folklore of the peoples in Siberia and the Far East; vol. 8). (In Russian and Tuvan)

ПРОФЕССОР М.И. ЧЕРЕМИСИНА И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НОВОСИБИРСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ

А.Д. Каксин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, ул. Ленина, 90, Абакан, 655017, Россия; email: adkaksin@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9632-8286

Статья посвящена новосибирскому этапу деятельности Майи Ивановны Черемисиной – выдающегося ученого-филолога, посвятившего всю свою жизнь делу изучения языков и литературы. Отмечается широта научных интересов М.И. Черемисиной: еще до начала работы в Новосибирском научном центре стали широко известны ее труды по общей и русской лексикологии, грамматической семантике, стилистике. В период работы в новосибирском Академгородке была продолжена эта работа, а также было начато широкомасштабное изучение языков коренных народов Сибири. В статье отмечается организаторская роль М.И. Черемисиной в процессе развертывания лингвистических работ в Новосибирском научном центре, связанных с изучением синтаксиса алтайских языков. Представлены результаты изысканий выдающегося ученого в области общего и типологического языкознания, финно-угроведения (уралистики) и тюркологии. Определены проблемы компаративистики, которые также затронуты в ряде работ М. И. Черемисиной. Указаны труды, являющиеся важными вехами на пути всестороннего изучения уральских и алтайских языков.

Ключевые слова: М.И. Черемисина, научная деятельность, лингвистика, персоналии, новосибирская лингвистическая сибиреведческая школа, языки народов Сибири.

PROFESSOR M.I. CHEREMISINA AND LINGUISTIC RESEARCHES AT THE NOVOSIBIRSK SCIENTIFIC CENTER

Andrei D. Kaksin

N.F. Katanov Khakass State University, 90 Lenin str., Abakan, 655017, Russia; email: adkaksin@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9632-8286

This article is devoted to the Novosibirsk stage of activities of Maya Ivanovna Cheremisina, an outstanding philologist who devoted her whole life to the study of languages and literature. It notes the breadth of M. I. Cheremisina's scientific interests: even before starting work at the Novosibirsk Scientific Center, her works on general and Russian lexicology, grammatical semantics, and stylistics became widely known. During the period of work in Novosibirsk Akademgorodok, this work was continued, and a large-scale study of languages of the indigenous Siberian peoples was started. The article also draws attention to the organizational role of M. I. Cheremisina in the process of deploying linguistic works in the Novosibirsk Scientific Center related to the study of the syntax of Altai languages. It is told about the results of research by an outstanding scientist in the field of general and typological linguistics, Finno-Ugric studies (Ural studies), and Turkology. The problems of comparative studies are identified, which were also discussed in a number of works by M. I. Cheremisina. This article lists works that are important milestones on the way to a comprehensive study of the Ural and Altai languages.

Keywords: M.I. Cheremisina, scientific activity, linguistics, personalities, Novosibirsk Linguistic School of Siberian Studies, languages of the Siberian peoples.

Майя Ивановна Черемисина (30 сентября 1924 г. – 6 декабря 2013 г.) – выдающийся российский лингвист, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской

Федерации, основатель Новосибирской синтаксической школы.

Широко известны ее труды по общей и русской лексикологии, грамматической

семантике, синтаксической типологии. М.И. Черемисина – замечательный преподаватель высшей школы, талантливый педагог, наставник, взрастившая целую плеяду филологов-лингвистов. Так, под научным руководством Майи Ивановны Черемисиной защищено 44 кандидатских диссертации, в т.ч. пять диссертаций по хакасскому языку – исследователей Т.Н. Боргояковой, М.Д. Чертыковой, А.Н. Чугунековой, О.Ю. Кокошниковой, О.Д. Абумовой [Черемисина, 2004, с. 892–893].

Особенно много сделала Майя Ивановна для начала работ по широкомасштабному изучению языков коренных народов Сибири. Исчерпывающий каталог этих языков, их характеристика в генетическом и типологическом отношении содержатся в кратком и емком учебном пособии, опубликованном в 1992 г. [Черемисина, 1992]. Эту небольшую книгу можно назвать своеобразной малой энциклопедией. Читая ее, можно составить яркое, зримое представление о сибирских языках – представителях шести языковых семей, а также изолированных языках Сибири (кетском, юкагирском, нивхском).

Есть в этой книге материал и по хантыйскому языку. Заметки о нем заканчиваются словами о том, что «хантыйскому языку посвящена большая литература на немецком, венгерском, финском языках» [Черемисина, 1992, с. 38]. Описаний диалектов хантыйского языка и разных уровней этих диалектов

действительно предостаточно, но Майе Ивановне удалось внести много нового в разработку теоретических проблем языкознания, связанных с развитием некоторых языковых явлений и категорий в хантыйском языке. М.И. Черемисина начала заниматься исследованиями по хантыйскому языку в середине 80-х гг. XX в., т.е. лет за десять до создания кафедры языков и фольклора народов Сибири гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета в 1995 г. Под научным руководством М.И. Черемисиной были выполнены кандидатские диссертации, посвященные неизученным вопросам грамматики и словообразования хантыйского языка [Ковган, 1991; Кошкарева, 1991; Соловар, 1991; Каксин, 1994; Вальгамова, 2003].

Сама Майя Ивановна пишет об этом так (разумея в качестве научных руководителей и других сотрудников академического Института филологии в Новосибирске): «Мы стараемся подготовить в университете, далее в аспирантуре «своих» квалифицированных

Рис. 1. Обложка учебного пособия «Языки коренных народов Сибири»

Fig. 1. The cover of the textbook «Languages of the indigenous Siberian peoples»

исследователей для каждого народа и языка, имеющего письменность, но для большинства этносов такая подготовка может идти только лишь через аспирантуру. ...Но, как правило, в аспирантуру по этим языкам поступали люди, не получившие в вузе никакой специальной подготовки по языкам Сибири, поэтому им приходилось очень трудно. Тем не менее до открытия специальной кафедры в НГУ специалистами сектора языков народов Сибири Института филологии ОИИФФ СО РАН через аспирантуру было подготовлено шесть кандидатов наук по специальности «Обско-угорские языки». Из них три носителя хантыйского языка (В. Соловар, А. Каксин, С. Вальгамова) и три русского – Н. Кошкарева, Е. Ковган и Г. Якушко» [Черемисина, 2020, с. 430].

Одной из малоизученных на тот момент была категория спряжения хантыйского языка. Конечно, учебных и методических материалов, дающих (описывающих) формы глагольного спряжения в хантыйском языке, хватало. Не было работ теоретического характера, в которых бы осмыслились системные основы зарождения и разворачивания всей парадигмы данной категории. И Майя Ивановна пишет статью, посвященную анализу системы спряжения хантыйского глагола (была напечатана в сборнике «Языки народов севера Сибири», вышедшем в 1986 г.). Статья эта примечательна во многих отношениях, и самое главное – она задает принципы анализа грамматических систем малоизученных (в теоретическом отношении) языков. Другими словами – это взгляд на конкретный язык с позиций общего языкознания. У Майи Ивановны Черемисиной, как у любого выдающегося лингвиста, сложилась своя строгая система взглядов на язык вообще и конкретные языки в частности. В искомой статье система спряжения казымского диалекта хантыйского языка рассматривается с позиций общего языкознания (сугубо типологический подход как бы еще не применяется в полной мере, но подразумевается). Думаем, что реализованный в данной статье подход перекликается со стилем описания, выработанным в рамках европейской лингвистической традиции.

Общие воззрения на естественные языки строятся, конечно, на выводах, наблюдениях по конкретным языкам, но предполагается также, что исследователь вправе рассматривать и язык вообще. Однако и в этой ситуации два подхода, условно философский и лингвистический, разнятся. С точки зрения философа, язык – это некая сущность, субстанция, идеальная и материальная одновременно. Именно с философской точки зрения кажется «удобным» изучать проблему *происхождения языка*. Лингвистический подход – несколько иной. Он предполагает, что все языки, по большому счету, устроены одинаково, а вариации (или типы) проистекают от естественной, объективной гибкости человеческого сознания, допускающего разные возможности категоризации одинаково воспринимаемых предметов и явлений окружающей действительности. Причем, что важно, категоризация происходит с использованием уже имеющихся в данном языке формальных элементов (единиц), в число которых входят и фонемы. Кажется, именно это обстоятельство имеет в виду М.И. Черемисина, когда в начале статьи формулирует свою задачу: «В сущности, абсолютно все категории глагольного спряжения «проявляют» себя через... конечные формы. Однако в разных языках разные категории бывают в равной мере представлены в словоформах собственными или несобственными показателями. ...Оговоримся только, что на данном этапе исследования мы никоим образом не ставим перед собой цели дать содержательную характеристику этих категорий, т.е. раскрыть семантику этих формальных противопоставлений. Это вопрос очень серьезный и сложный, и прежде чем ставить его относительно той или иной категории, нужно постараться представить себе их общее множество и чисто формальные отношения между ними. Только это мы и хотели бы сделать сейчас» [Черемисина, 2004, с. 713–714].

Результат блестящего выполнения этой задачи – данная в заключительной части статьи схема, представляющая общую систему форм глагольного спряжения хантыйского языка. Всего на этой схеме указано 18 форм (без учета форм сослагательного наклонения,

о которых сказано, что они редки, «материалами подтверждаются слабо»). Разумеется, данная статья послужила основой для дальнейших изысканий по теме функционирования в хантыйском языке форм предикативных категорий; значительная часть этих работ написана самой Майей Ивановной и ее учениками [см., напр.: Черемисина, Соловар, 1991; Ковган, 2002; Кошкарева, 2002].

Точкой отсчета для философа, рассуждающего о языке, часто становится признание объективности языка, т.е. пусть и виртуального, но единого конструкта, и единство это обусловлено принципиальной схожестью языков – сущностей, производных от человека как биологического вида. Когда лингвист рассуждает о языке вообще, он имеет в виду *все* языки, т.е. становится на рельсы типологического языкознания. Что это за направление (область знания)? Чем занимается специалист, выбравший это направление? В небольшой работе М.И. Черемисиной «Языки коренных народов Сибири» содержатся ответы на все такие вопросы. И вот как, к примеру, Майя Ивановна пишет об основной проблематике этой области лингвистики: «Типологический подход к изучению языков Земли становится перспективным научным направлением с того момента, когда осознается существование определенных и даже достаточно сильных связей, **КОРРЕЛЯЦИЙ** между разноплановыми характеристиками языков» [Черемисина, 1992, с. 77].

Новосибирский этап жизни и деятельности Майи Ивановны Черемисиной – это почти полвека преподавательской и исследовательской работы: сначала в области общего языкознания, математической лингвистики и чуть позже, с начала 1970-х гг., – в сфере всестороннего, углубленного изучения языков коренных народов Сибири [Черемисина, 2020, с. 422]. Понятно, однако, что названные направления, хотя и лежат в разной плоскости, все они – уровни одного большого, всеобъемлющего филологического знания. В подходе М.И. Черемисиной они, конечно, были сопряжены: в изучении и лексики, и морфологии, и синтаксиса языков народов Сибири она опиралась на твердую основу постулатов общей

лингвистики. И вместе с тем стремилась найти новые возможности развития общих теорий лингвистики за счет осмысления большого нового материала – того материала, который давали втянутые в этот активный поисковый процесс языки (алтайский, бурятский, долганский, мансийский, селькупский и др.). Теперь, оглядываясь назад, с высоты нашего времени, можно говорить как минимум о трех теориях (и концепциях) М.И. Черемисиной, являющихся выдающимся вкладом в развитие языкознания и разработанных вследствие глубокого проникновения в материал языков народов Сибири. Эти три заслуги Майи Ивановны лежат в плоскости лексической (и лексико-грамматической) семантики, синтаксиса и социолингвистики. Важно то, что в каждой из этих теорий, кроме основной части, имеются дополнительные вкрапления (приложе-

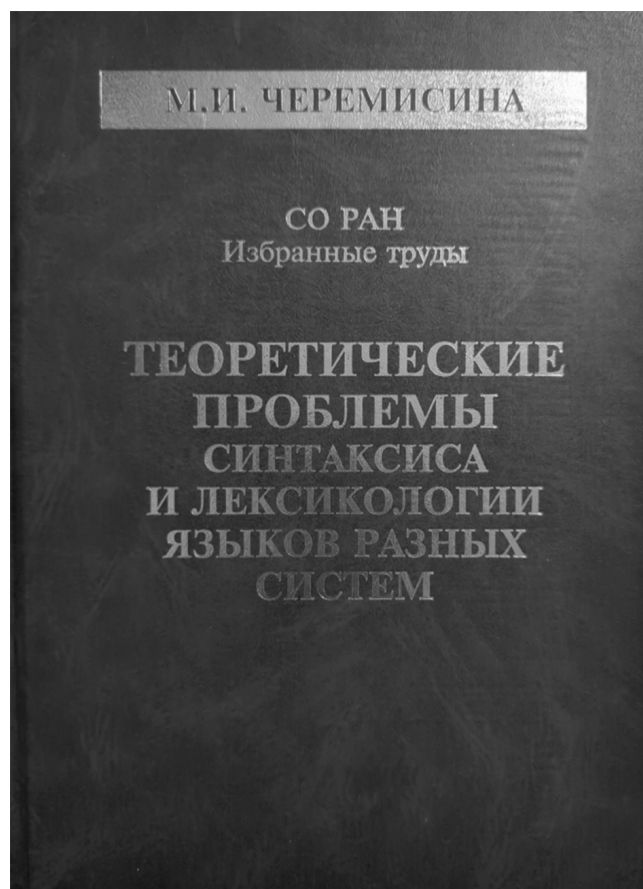

Рис. 2. Обложка тома трудов М.И. Черемисиной «Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем»

Fig. 2. The cover of the volume of works by M.I. Cheremisina «Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems»

Рис. 3. Обложка монографии М.И. Черемисиной «Язык и его отражение в науке о языке»

Fig. 3. The cover of M.I. Cheremisina's monograph «Language and its reflection in the science of language»

ния) – в виде комплекса тезисов и положений, касающихся отдельных, специальных вопросов (или проблем).

Заслугой М.И. Черемисиной в области лексикологии и семантики является выдвижение концепции «многофункциональности слова и типологии семантических отношений». Такое название мы даем достаточно условно: очень трудно объединить в единой формуле всю совокупность взглядов выдающегося лингвиста на понятия «слово», «значение», «семантические отношения» и многие другие. Но все без исключения работы Майи Ивановны объединяет одно – они все содержательны, аргументированы, насыщены точными и интересными фактами [см., напр.: Черемисина, 1996; 1998; 1999; 2002; 2003].

Особенно велика значимость трудов М.И. Черемисиной в сфере синтаксиса. Именно в этой области у сибирских ученых много выдающихся достижений, и самым первым из них, конечно, нужно назвать теорию полипредикативного синтаксиса (алтай-

ского типа), разработанную под руководством М.И. Черемисиной. И вот как о начале работ в этом направлении писала сама Майя Ивановна: «Незаменимой опорой в построении стратегии и тактики научного поиска было данное Е.И. Убрятовой четкое определение важнейших черт строя сложного предложения якутского языка. Это, во-первых, единые для простого и сложного предложения типы связи компонентов; во-вторых, это использование в качестве зависимых (неконечных) сказуемых инфинитных глагольных форм; и в-третьих – это особая роль, особое место в этой системе причастий, способных принимать разные падежные формы, сохраняя при этом глагольность, то есть оставаться спрягаемыми сказуемыми» [Черемисина, 2020, с. 423].

Эти и другие размышления М.И. Черемисиной позволяют по-новому взглянуть, в частности, на грамматический строй тюркских языков. В частности, исходя из положений теории предикативного склонения, можно по-новому построить преподавание синтаксиса тюркских языков в высшей школе. Проработав основополагающие постулаты данной теории, много полезного для себя могут вынести не только исследователи и преподаватели, но и переводчики, а также практические работники, связанные с воспроизводством тюркской речи в средствах массовой информации, деловой, научной и художественной литературе.

Закончить повествование о Майе Ивановне Черемисиной хочется ее размышлениями о сути лингвистической типологии. Эти слова, на наш взгляд, может принять в качестве манифеста каждый лингвист (и каждый специалист, связанный с таким великим явлением, как человеческий язык): «Типологический подход к языкам мира основан на постулате принципиального единства всех языков Земли... Глубинная, принципиальная общность всех языков предопределяется тем, что все они являются «ответом» единого человеческого разума на одну и ту же задачу: познания Мира, который окружает человека и частицей которого является он сам со своим внутренним миром» [Черемисина, 1992, с. 78].

Литература

- Вальгамова С.И.** Глагольное словообразование в хантыйском языке: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2003. 220 с.
- Каксин А.Д.** Категория наклонения в хантыйском языке (формы и функции): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994. 149 с.
- Ковган Е.В.** Причастные определительные конструкции в западных диалектах хантыйского языка: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 211 с.
- Ковган Е.В.** Способы выражения кореферентности в хантыйском тексте // Языки коренных народов Сибири. Вып. 12. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. С. 3–28.
- Кошкарёва Н.Б.** Коммуникативная парадигма хантыйского предложения (на материале казымского диалекта) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 12. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. С. 29–44.
- Кошкарёва Н.Б.** Конструкции с инфинитными формами глагола в хантыйском языке (на материале западных диалектов): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 161 с.
- Соловар В.Н.** Структурно-семантические типы простого предложения казымского диалекта хантыйского языка: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 178 с.
- Черемисина М.И.** Аналитические способы выражения отсутствия и отрицания в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 3. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. С. 3–40.
- Черемисина М.И.** Мои воспоминания. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 493 с.
- Черемисина М.И.** О некоторых типах определительных конструкций, не вполне отвечающих понятию сложного предложения // Языки коренных народов Сибири. Вып. 6. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. С. 3–19.
- Черемисина М.И.** Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 11. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. С. 3–29.
- Черемисина М.И., Соловар В.Н.** Залоговость, переходность, прямой объект в языках разных систем // Языки народов Сибири: грамматические исследования. Новосибирск: Наука, 1991. С. 66–84.
- Черемисина М.И.** Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.
- Черемисина М.И.** Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. 254 с.
- Черемисина М.И.** Языки коренных народов Сибири: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 92 с.
- Черемисина М.И.** Язык как явление действительности и объект лингвистики: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. 128 с.

References

- Cheremisina M. I.** Analiticheskie sposoby vyrazheniya otsutstviya i otritsaniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri [Analytical ways of expressing absence and negation in Turkic languages of South Siberia]. In: Languages of the Indigenous Siberian Peoples. Issue 3. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1996, pp. 3–40. (In Russian)
- Cheremisina M. I.** Moi vospominaniya [My memories]. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2020, 493 p. (In Russian)
- Cheremisina M. I.** O nekotorykh tipakh opredelitel'nykh konstruktsii, ne vpolne otvechayushchikh ponyatiyu slozhnogo predlozheniya [On some types of definitional constructions that do not fully correspond to the concept of a complex sentence]. In: Languages of the indigenous peoples of Siberia. Issue 6. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publishing House, 1999, pp. 3–19. (In Russian)
- Cheremisina M. I.** Paradigma elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinit'sy yazyka [The paradigm of an elementary simple sentence as a unit of language]. In: Languages of the indigenous Siberian peoples. Issue 11. Novosibirsk, 2003, pp. 3–29. (In Russian)
- Cheremisina M. I.** Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 896 p. (In Russian)
- Cheremisina M. I.** Yazyk i ego otrazhenie v nauke o yazyke [Language and its reflection in the science of language]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publishing House, 2002, 254 p. (In Russian)
- Cheremisina M. I.** Yazyk kak yavlenie deistvitel'nosti i ob'ekt lingvistiki: uchebnoe posobie [Language as a phenomenon of reality and an object of linguistics: textbook]. Novosibirsk,

- Novosibirsk State University Publishing House, 1998, 128 p. (In Russian)
- Cheremisina M.I.** Yazyki korennykh narodov Sibiri: uchebnoe posobie [Languages of the indigenous Siberian peoples: textbook]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publishing House, 1992, 92 p. (In Russian)
- Cheremisina M.I., Solovar V.N.** Zalogovost', perekhodnost', pryamoi ob»ekt v yazykakh raznykh system [Collateral, transitivity, direct object in languages of different systems]. In: Languages of the Siberian peoples: Grammatical studies. Novosibirsk, Nauka, 1991, pp. 66–84. (In Russian)
- Kaksin A.D.** Kategoriya nakloneniya v khantyiskom yazyke (formy i funktsii) [The category of mood in the Khanty language (forms and functions)]. Dissertation for the degree of Candidate of Philology. Novosibirsk, 1994, 149 p. (In Russian)
- Koshkareva N.B.** Kommunikativnaya paradigma khantyiskogo predlozheniya (na materiale kazym'skogo dialekta) [The communicative paradigm of a Khanty sentence (based on the material of the Kazym dialect)]. In: Languages of the indigenous Siberian peoples. Issue 12. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publishing House, 2002, pp. 29–44. (In Russian)
- Koshkareva N.B.** Konstruktsii s infinitnymi formami glagola v khantyiskom yazyke (na materiale zapadnykh dialektov) [Constructions with infinitive verb forms in the Khanty language (based on the material of western dialects)]. Dissertation for the degree of Candidate of Philology. Novosibirsk, 1991, 161 p. (In Russian)
- Kovgan E.V.** Prichastnye opredelitel'nye konstruktsii v zapadnykh dialektakh khantyiskogo yazyka [Participial determinative constructions in western dialects of the Khanty language]. Dissertation for the degree of Candidate of Philology. Novosibirsk, 1991, 211 p. (In Russian)
- Kovgan E.V.** Sposoby vyrazheniya koreferentnosti v khantyiskom tekste [Ways of expressing co-reference in Khanty text]. In: Languages of the indigenous Siberian peoples. Issue 12. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publishing House, 2002, pp. 3–28. (In Russian)
- Solovar V.N.** Strukturno-semanticheskie tipy prostogo predlozheniya kazym'skogo dialekta khantyiskogo yazyka [Structural and semantic types of a simple sentence of the Kazym dialect of the Khanty language]. Dissertation for the degree of Candidate of Philology. Novosibirsk, 1991, 178 p. (In Russian)
- Valgamova S.I.** Glagol'noe slovoobrazovanie v khantyiskom yazyke [Verbal word formation in the Khanty language]. Dissertation for the degree of Candidate of Philology. Novosibirsk, 2003, 220 p. (In Russian)

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
САЯНО-АЛТАЯ

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№ 3 (43) 2024

Исторические науки / Historical sciences
Филологические науки / Philological sciences

Редактор *Е. В. Чезыбаев*
Технический редактор *О. П. Субракова*
Компьютерная верстка *С. И. Тюклиевой*

Макет подготовлен
ГБУ РХ «Хакаское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел. / факс: +(3902) 244-354, 243-039.
Email: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 19.09.2024.
Формат 60 х 84 1 / 8.
Печ. л. 13,0. Усл. печ. л. 12,09.
Тираж 100 экз. Заказ № 486.
Дата выхода в свет 23.06.2024.

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакаское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.